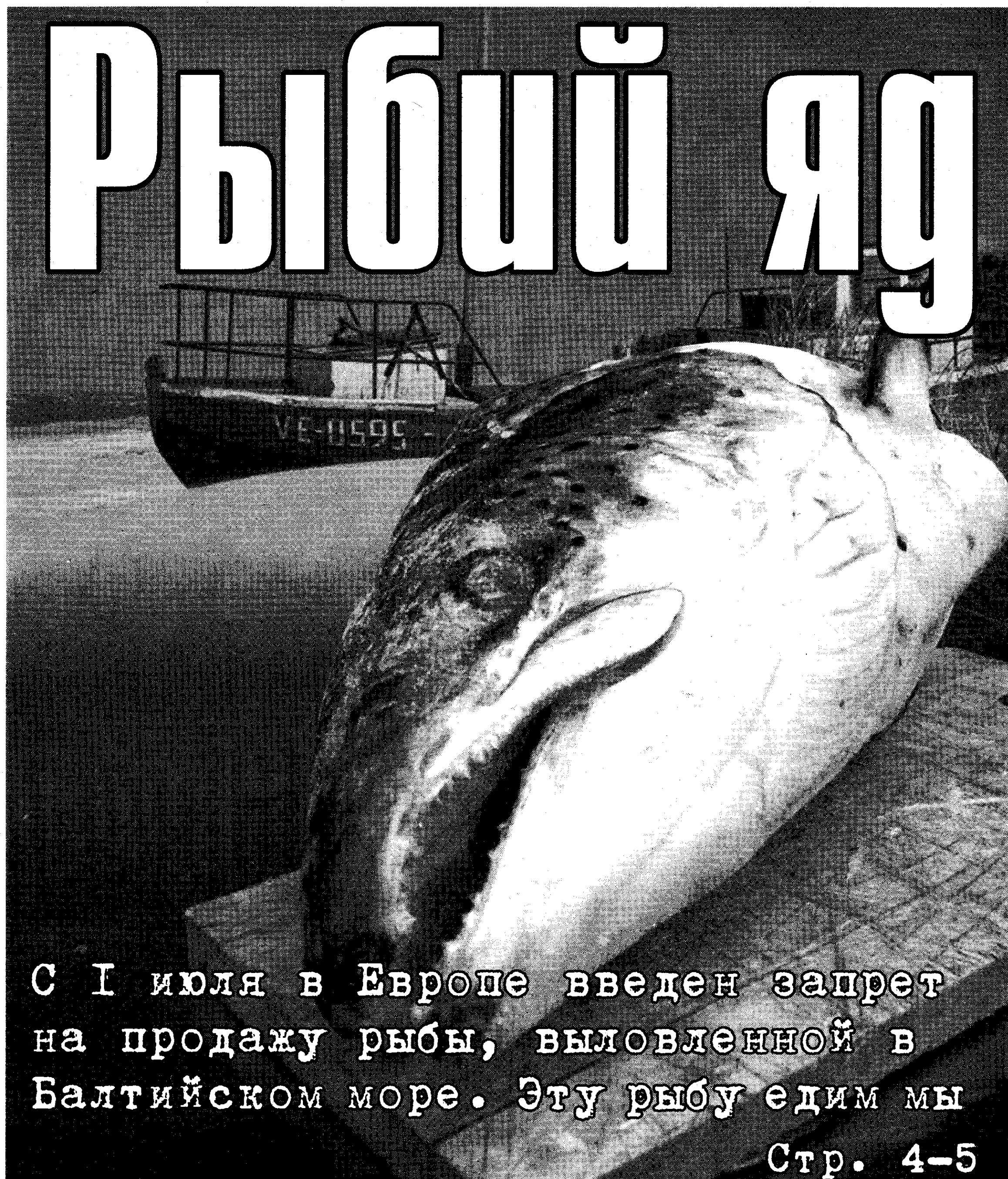
БГ

Для служебного пользования

МЕСЯЦ август № 7 2002 год

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Рыбий яд

С I июля в Европе введен запрет на продажу рыбы, выловленной в Балтийском море. Эту рыбу едим мы

Стр. 4-5

Афганские борзые

в погоне за семьей бывшего главы концерна «Белгоспищепром» Виктора Казеко

Стр.3

Мусорное дело

Белорусский КГБ знает, как зарабатывали свои первые миллионы белорусские олигархи

Стр. 9

ПРОШУ СЛОВА

Заядлые друзья и закадычные враги

В свете нового поворота в белорусско-российских отношениях аналитики наперебой злорадствуют: мол, белорусский президент сейчас станет самым ярым сторонником суверенитета. Но все-таки не будем выдавать желаемое за действительное, ведь для Лукашенко главное — остаться на третий срок. И всем понятно, что уходить он не собирается. Референдум о продлении президентских полномочий, идея которого так всех напугала, на самом деле для него является худшим вариантом развития событий. Есть варианты интереснее и перспективнее.

Вспомним Бориса Ельцина, который занимал президентское кресло трижды. Сначала Борис Николаевич стал президентом РСФСР, а затем дважды — суверенной России. Лукашенко может провернуть обратную комбинацию — два срока в суверенной Беларуси не помешают ему пойти на третий — союзный.

Да, одно дело быть президентом суверенной страны и совсем другое — главой субъекта. Но давайте не будем забывать, что в этом случае Лукашенко не только сохраняет за собой свой нынешний пост, но и получает дорогу в большую российскую политику. А это, между прочим, его давняя мечта. Блицкриг на Кремль, как мы помним, не удался: знаменитый проект союзного договора, который давал Лукашенко дорогу на политическое поле России, был забракован едва ли не у дверей зала торжественных церемоний, где подписываются особо важные документы. Но кто сказал, что Лукашенко рассчитывал только на быструю победу?

Сумасшедшая, невероятная, но такая сладкая мечта о Кремле вряд ли оставила белорусского лидера. Пару месяцев назад он попытался протолкнуть введение постов президента и вице-президента союза, за что, собственно, и получил по носу. Для кого, как вы думаете, предусматривались посты?..

Очередная неудачная попытка пройти в Кремль через черный ход наверняка взбесила белорусского лидера, но это не означает, что он не возжелает пойти в Кремль через открытые двери. Если Беларусь станет союзной республикой, то Лукашенко получит право избираться и быть избранным. И очевидно, что эту кампанию он готовит давно. Причем именно сейчас у белорусского самородка шансы в России велики, как никогда. Коммунистическо-патриотический блок остался без лидеров — уже очевидно, что и Зюганов, и Селезнев свое отыграли, а других лидеров просто нет. Примакову, Лужкову и компании тоже приходится думать о собственном будущем — в их команде тоже нет «молодого перспективного». Наконец, обиженные олигархи. Не зря, ой не зря затихарился Борис Березовский... И не просто так Борис Николаевич Ельцин возжелал отдохнуть в Вискулях...

Российским демократам такая комбинация кажется бредовой. Они, упиваясь собственной значимостью, даже представить не могут, что Лукашенко может замахнуться на Кремль. И в этом опасность. Потому что Россия, очевидно, готовится к принятию в свой состав новых субъектов — соответствующий закон уже принят. Россия желает, чтобы такой прецедент был создан: сильная Россия собирает под своим крылом братские народы — это может быть прекрасный ход на президентских выборах. Пока есть два претендента на статус 90-го субъекта федерации. Всем известно, что это — Беларусь, и мало кому известно, что это — Абхазия (некоторое время назад большинство жителей Абхазии были приняты в российское гражданство, хотя формально эта территория относится к Грузии). «Опасный прецедент», которым все объясняют невозможность такого братства для Кремля, все-таки не так уж опасен. Ну и что, если Татарстан возжелает такого же статуса, как и Беларусь? Ну и что, если такого же статуса возжелает Республика Адыгея? Политолог Никонов ясно сказал в интервью «Белорусской деловой газете», что в рамках белорусско-российского союза Беларусь будет столь же суверенной, сколь и при СССР... Пусть и Татарстан станет таким же. Человек, готовящий аналитические записки Путину, по-моему, выразился яснее ясного. Так что Лукашенко белорусскому суверенитету не защитник — он сейчас выбивает для себя особо выгодные условия. Разглядит ли Путин в белорусском лидере политического противника — вот где ответ на вопрос о перспективах белорусского суверенитета.

Светлана КАЛИНКИНА

РЕЙТИНГ

Майкл возвращается

На улице чиновников — праздник. Их ценность и значимость на нынешнем этапе возрастают многократно, и в голосе главы государства уже не металл, а заискивающие интонации. По итогам работы за полугодие Александр Лукашенко чиновников лишь пожурил, а тех, кто предсказывал отставку правительства, назвал «вражескими голосами». Кстати, именно министры и говорили, что отчет может закончиться чем угодно...

Во власти, как и в природе, должно быть равновесие, баланс. Должны быть профессионалы и администраторы, должно быть ближайшее окружение и влиятельное большинство, должны быть сторонники и противники. За эти годы ближайшее окружение президента поредело, а влиятельное большинство увеличилось. Кланы кристаллизовались и все активнее стали держаться за место под солнцем, профессионалы все чаще берут верх над администраторами... В общем, можно констатировать, что высокие посты сегодня занимает все больше самодостаточных людей. Яркий тому пример — глава Нацбанка Петр Прокопович. Его и в хвост, и в гриву распекают за «дорогие деньги», но он зубами держится за расчеты своих опытных замов. И это Петр Петрович, который еще несколько лет назад убедил всю страну, что, чем больше пустых денег будет вброшено в экономику, тем лучше для этой самой экономики. Но тогда Петр Прокопович был вице-премьером и боролся за реальный сектор, сейчас он банкир и борется за стабильный курс рубля и золотовалютные запасы. Успешно борется: уборочная, отпускные учителям, повышение средней зарплаты — но Нацбанк пока удерживает ситуацию в рамках приличий.

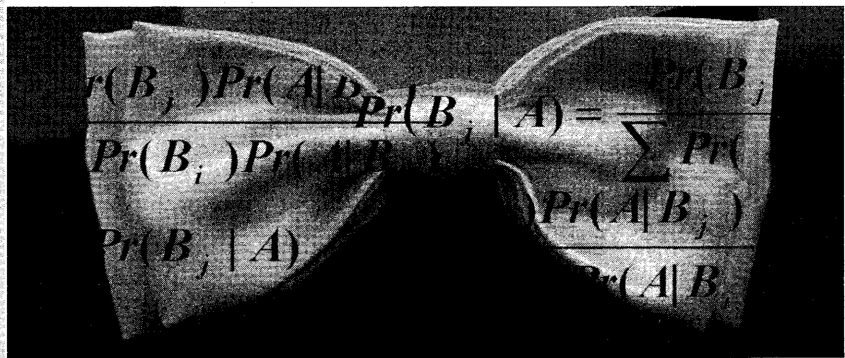
Другой пример. Лукашенко лично объявил, кто станет вторым оператором GSM. Поговорив с Юрием Лужковым, глава государства определил, что это должна быть МТС, хотя итоги тендера на тот момент подведены не были. И что? Министр связи Гончаренко доказал, кто в этой стране «главный по связи». О войне, которая разгорелась между двумя операторами из-за того, что их абоненты не могут звонить друг другу, не написал только ленивый. Все анализируют, почему две компании не могут заключить между собой соответствующее соглашение. А кто сказал, что это соглашение вообще надо заключать? Ведь и МТС, и Velcom работают через государственную контору «Белтелеком», и блокируют звонки именно подчиненные г-на Гончаренко.

Свою игру ведет и глава президентской администрации Урал Латыпов. Ведет очень осторожно, в абсолютной дымовой завесе. Завесе настолько плотной, что в одном из материалов мы даже ошибочно предположили, что глава Комитета госконтроля Анатолий Тозик рассматривается в качестве будущего премьера с подачи генпрокурора Виктора Шеймана. Люди осведомленные, впрочем, утверждают, что Тозика протежирует все-таки Латыпов. Таким образом, получается, что Латыпов окреп настолько, что кует кадры в чужом стане.

И все-таки самым стремительным и значимым достижением следует признать возвращение во власть Михаила Мясниковича. Бывший вице-премьер и глава президентской администрации, сосланный в неблагодарную «академическую ссылку», получил стратегически важный пост. Президент Национальной академии наук Михаил Мясникович безо всякой мотивации вдруг возглавил межведомственную комиссию по экономической безопасности. А это значит, что все важные отрасли, приватизация грядущая и нынешняя, переговоры, контракты и протоколы о намерениях вновь вернулись под контроль непотопляемого Михаила Владимировича. И эта должность даже более удобна, чем пост премьера: не надо отвлекаться на мелочи типа посевных-уборочных и своевременной выплаты пенсий.

Возвращение Мясниковича символично. Это еще один пример того, как опыт берет верх над наглостью, как старая номенклатура побеждает новую. Причем символично и то, что в ближайшем окружении президента отношения обострились (например, министр МВД не ладит с генпрокурором и даже, если верить «Нашей свободе», главный контролер недоволен Виктором Шейманом. — **Здесь и далее прим. редактора**). В это же время идет противостояние президентской команды с правительством (к примеру, сложно найти министра, который по-джентльменски охарактеризует управляющего делами президента Галину Журавкову). Да и вообще, что есть сегодня президентская команда? Шейман, Коноплев, Журавкова, Ермакова, Ермошина, новый министр здравоохранения (мама личного президентского врача) Людмила Постолко, возможно, мэр Минска Павлов и брестский губернатор Василий Долголев. Сила этой команды, конечно, в том, что в ней больше половины — женщины, а женщины своих сдают последними.

Итак, самая отличившаяся персона июля — Михаил Мясникович. И его возвращение в большую политику означает, что власть и номенклатуру в нашей стране все-таки надо разделять.

СЛУХИ

Отставка заместителя генерального прокурора Михаила Снегиря, по неофициальным сведениям, связана с рассекречиванием некоторых подробностей уголовного дела группы Игнатовича. Молва гласит, что генеральному прокурору Беларуси Виктору Шейману будто бы стало известно, что заинтересованные лица получили копии всех томов уголовного дела по так называемому «эскадрону смерти». Всех не всех, но отдельные материалы дела действительно получили широкое распространение. Имеет ли к этому отношение Михаил Снегирь, нам неизвестно.

Ходят слухи, что Александр Лукашенко при посредничестве лиц из своего ближайшего окружения ведет переговоры с руководителями некоторых оппозиционных партий. Первая информация на этот счет появилась еще накануне президентских выборов, и якобы первая такая встреча состоялась с подачи отдельных чиновников из администрации российского президента. После победы Лукашенко на выборах встречи вроде бы не прекратились. Судя по всему, с партийными руководителями глава государства обсуждает не вопрос своего политического будущего, а варианты мирного сосуществования власти и оппозиции.

По некоторым сведениям, бывший посол Беларуси в Бельгии Владимир Лабунов в настоящее время выполняет особую миссию белорусского правительства при евроструктурах. Напомним, что посла Лабунова в Брюсселе глава государства еще в прошлом году заменил на посла Мартынова. Однако никакого нового назначения Лабунов не получил и продолжает проживать в Европе. Говорят, сейчас бывший посол занимается тем, что проводит неформальные встречи «по белорусскому вопросу» с крупными европейскими чиновниками.

По непроверенной информации, старший сын президента Виктор Лукашенко поселился в знаменитом доме, принадлежащем Управлению делами президента и который был построен для матери первого белорусского президента. Как рядовой чиновник белорусского МИДа Виктор Лукашенко, конечно, не имеет права на столь комфортные жилищные условия, предоставляемые государством. Но куда ж деть реальный статус президентского сына?..
Кстати, Виктор Лукашенко свой статус старается не афишировать. Приезжая на работу в шикарном авто, он ставит машину во дворике Национальной библиотеки, а потом пешочком идет до МИДа. Вроде как из метро вышел.

Афганские борзые

в погоне за семьей экс-главы «Белгоспищепрома»

Ирина ХАЛИП

Аресты руководителей предприятий давно перестали быть чем-то выдающимся. Но уголовное дело в отношении бывшего руководителя концерна «Белгоспищепром» Виктора Казеко — случай беспрецедентный даже для привыкших ко всему белорусов. Хотя бы потому, что в тюрьме сидят и отец Виктор Григорьевич, и сын Андрей. Причем свидетели обвинения по двум совершенно разным уголовным делам одни и те же: фирма «Афганвет» и бывший генеральный директор предприятия «Минск-Кристалл» Николай Белко.

Андрей Казеко, начальник отдела сбыта того самого «Кристалла», был арестован 26 февраля по обвинению во взяточничестве. Сумма взятки — 170 миллионов рублей. Для тех, кто не в курсе: Андрей на завод пришел весной 1997 года, когда его отец еще работал в Миноблисполкоме и никакого отношения к «Белгоспищепрому» не имел. Три года Казеко-младший работал экономистом в отделе сбыта и только в 2000 году был назначен руководителем отдела в связи с уходом на пенсию своего предшественника. «Кристалловский» отдел сбыта состоит всего из четырех человек, и все они занимались реализацией продукции предприятия по договорам, которые заключал генеральный директор Николай Белко. Именно Белко 30 января 2001 года подписал с ОДО «Афганвет» договор о переработке коньячного спирта.

«Афганвет» появился на алкогольном рынке неожиданно. Коньячный спирт давно и успешно поставляли на «Кристалл» фирмы «Вуадор» и «Караван-сараи». Всем известно, что вторгнуться «с улицы» на этот рынок невозможно. И молодцы из «Афганвета» действительно оказались вовсе не с улицы.

Схема работы всех указанных фирм с «Кристаллом» была простая, так называемая давальческая: поставляешь коньячный спирт — забираешь коньяк (какую-то часть, естественно, завод оставлял себе за работу). Причем акцизы за весь коньячный спирт оплачивал сам «Кристалл». Это не слишком выгодно для предприятия, поскольку коньяк (тем более белорусского розлива) — далеко не самый ликвидный товар. Но почему-то именно с новой фирмой — «Афганветом» — Николай Белко заключил дополнительное соглашение к договору. И согласно этому соглашению завод отгружал «Афганвету» не маловликвидный коньяк, а водку.

Качество «афганветовского» коньяка было, мягко говоря, спорным. Так, например, известно, что 250 ящиков этого напитка, проданные «Афганветом» «Белбакалее», в прямом смысле выпали в осадок. Но такое сотрудничество никого не смущало. Пока в сентябре 2001 года президентом концерна «Белгоспищепром» не назначили Виктора Казеко. К слову, еще когда он работал председателем ПО «Минскоблплодоовощхоз», то дважды получал предложения возглавить пищевую промышленность Беларуси. Казеко отказывался. И только в августе 2001 года согласился — после беседы с Александром Лукашенко, который, как это обычно бывает, со слезой в голосе говорил: «Я выбрал вас среди всех кандидатов, потому что вы порядочный и честный человек. Я знаю, только вы сможете навести порядок в пищевой промышленности!» Ошибка Виктора Казеко была даже не в том, что он принял это предложение, а в том, что поручение «навести порядок» воспринял буквально.

Проанализировав работу пищевых предприятий, Виктор Казеко пришел к выводу, что давальческие схемы по переработке сырья на заводах неэффективны для самих заводов. И подписал в октябре 2001 года два приказа — N232 «О запрете работы по договорам поставок сырья и материалов на давальческих условиях» и N250 «О создании комиссии по согласованию договоров поставок сырья и материалов на давальческих условиях предприятиям, входящим в концерн «Белгоспищепром». По новой схеме давальцы вынуждены были рассчитываться с заводом деньгами, сами платили государству акциз и получали в результате переработки свой коньяк. Под действие приказов, естественно, попала и фирма «Афганвет», которой водку больше не отгружали.

После подписания приказов руководители «Афганвета» пришли на прием к Виктору Казеко и попросили сохранить за ними старую схему. Казеко отказал, сославшись на интересы государства. Тогда ему намекнули: мол, высокопоставленные государственные мужи стоят за «Афганветом», и это именно они не хотят терять прибыль. Глава концерна не среагировал.

Сначала Виктору Казеко — еще ласково — попеняли в Совете безопасности: хорошие, дескать, ребята, нужно бы пойти навстречу. Потом его вызвал к себе зампред КГБ Степан Сухоренко и завел ту же песню: мол, это же «афганцы», мы обязаны их поддерживать, не противиться линии партии и правительства. После этой беседы Казеко наверняка сообразил, кому он своими приказами перешел дорогу и кто у нас в стране главный «афганец», по совместительству работающий на высокой должности. Но как хозяйственник старого образца глава концерна уперся рогом, несмотря на угрозы. Правда, Казеко-старший вряд ли мог предположить, что начнут с сына...

Угрозы стали материализоваться после того, как Казеко не продлил с Николаем Белко контракт на 2002 год. Вернее, он-то, может, и продлил бы (Белко — все-таки человек опытный, больше 20 лет на «Кристалле»), но вице-премьер Попков, курирующий пищевую промышленность, сказал: «Хватит. Белко — 68 лет, пора менять». На самом деле проблема была не в возрасте, а в том, что Комитет госконтроля, производя проверку алкогольной отрасли, крепко зацепил семейный бизнес Белко...

Из доклада председателя КГК Анатолия Тозика «О ситуации на рынке алкогольной продукции»: «Одним из крупнейших посредников в поставке алкогольной продукции является совместное белорусско-кипрское предприятие ООО «СЕН», на 90% принадлежащее иностранному капиталу (бывшие директора — Петкевич Г.И., Митраков И.В., в настоящее время — Белко Н.Н.). Данное предприятие совместно с государственным республиканским унитарным предприятием «Минск-Кристалл» (генеральный директор Белко Н.Т. — отец директора ООО «СЕН» Белко Н.Н.) выступило учредителем СП ООО «Малиновщизненский спиртоводочный завод — Кристал II» (доля государства — 38%, остальное — СП ООО «МСВЗ»). Кроме того, СП ООО «СЕН» совместно с Белорусским государственным концерном пищевой промышленности «Белгоспищепром» (вице-президент — Петкевич Г.И.) учредило ЗАО «Белпищепрод» (директор —

Виктор Казеко

Митраков И.В.). Данные факты свидетельствуют об использовании возможностей государственных организаций для протекционизма интересам частного бизнеса, приносящего доходы родственникам руководителей государственных организаций».

Проверка КГК вообще выявила немало интересного в водочном бизнесе. Но это — тема для отдельного материала. Что же касается нашего конкретного случая, то за отстранение Белко от должности «Афганвет» начал мстить.

Еще в августе прошлого года «Афганвет», не уплатив налогов, отгрузил некой фирме «Дисармо» 5 фур водки на сумму 170 миллионов белорусских рублей. Водка исчезла вместе с фирмой. В феврале руководители «Афганвета» обратились в правоохранительные органы с заявлением, что «Дисармо» — это открытая лично Андреем Казеко фирма-однодневка и водку они отправили туда в качестве взятки Андрею. Люди знающие утверждают, что это — брехня. Но Следственный комитет возбудил дело, а республиканская прокуратура быстро забрала его себе...

Кстати, «дисармо» на адаптированном английском означает «разоружение» либо «обезоруживание». Так что название исчезнувшей фирмы может указывать на «милитаристские» корни, то есть те же корни, что и у «Афганвета».

Тем не менее Андрея Казеко арестовали. Методы следствия просты и неостроумны. Казеко-младший категорически отказался давать показания. В отместку его долгое время держали в СИЗО безо всякой информации и без каких бы то ни было следственных действий. Сиди и думай, что хочешь. В это самое время руководитель следственной группы Андрей Ершов убеждал мать подследственного Любовь Казеко: «Сам виноват, Любовь Владимировна, дал бы показания — мы бы его сразу же домой отпустили». Потом в камеру к арестованному пришел другой следователь и сказал: «Тебе — 28, мне — 26. Мы ж с тобой молодые мужики. У меня жена красивая, ребенку четыре года, и жизнь ох как хороша! Дай показания, заложи папашу — сей же час отпустим...» Андрей по-прежнему отказывался давать показания.

Тем временем здесь, на свободе, к девушке Андрея Татьяне обратился ее знакомый, предприниматель Александр Кириянов. Он пришел как парламентер от «Афганвета» и предложил помочь закрыть дело за 250 тыс. долларов. Причем дал подробный расклад: «50 тысяч — операм, чтоб молчали, 100 тысяч — Шейману, 100 тысяч — «Афганвету». Татьяна — девушка юная и еще не знавшая государственно-криминальных игр — пошла с соответствующим заявлением в КГБ.

Принявший ее следователь, услышав фамилии и цифры, тут же связался с начальством. Интрига получалась захватывающая. Татьяне объяснили, что ее слова должны быть подтверждены магнитофонной записью: нужно встретиться с гонцом еще раз и заставить его произнести снова все то, что он уже сказал. Татьяна договорилась о новой встрече. Ее увешали аппаратурой и отправили на переговоры. Для подстраховки Таня взяла с собой сестру...

Гонец с удовольствием еще раз подробно рассказал, куда пойдут 250 тыс. долларов. Татьяна принесла добытые доказательства в КГБ и отдала их следователю Сергею Наркевичу. Ей сказали: «Готовьтесь, Татьяна Борисовна, возьмете меченые доллары и пойдете отдавать. Тут-то мы его и возьмем». Но вот в этом мероприятии девушка участвовать отказалась — ей элементарно стало страшно: при всей своей неопытности Татьяна догадывалась, что с ней может потом произойти. Да и прозвучавшая дважды, в том числе и записанная на пленку фамилия известного «афганца», которому якобы предназначались 100 тысяч, ее испугала. Гэбисты сказали: «В таком случае мы ничего сделать не сможем». Хотя пленочку у себя оставили...

Тем временем машина Audi A-8, похожая на автомобиль «гонца», приехала к недостроенному дому семьи Казеко в районе Сельхозпоселка. В том доме постоянно находится разве что сторож, юный Виталик. Двое мужчин, вышедших из автомобиля, предложили ему деньги за информацию о том, кто работает, кто приходит, откуда стройматериалы и так далее. Но сторож отказался разговаривать с незваными гостями. Тогда Виталика официально вызвали на допрос, и те же вопросы задавал уже следователь Руслан Новик. Услышав, что Виталий всего лишь сторожит дом, Новик сказал: «Вот отправлю тебя сейчас на трое суток в КПЗ — быстро все вспомнишь. А не вспомнишь — поедешь в «Новинки» на судебно-психиатрическую экспертизу». Тихого юношу это, возможно, и сломало бы. Но, очевидно, и сам следователь сообразил, что вряд ли Виталий годится в качестве источника информации.

Между тем все тот же «Афганвет» теперь свидетельствует и против Виктора Казеко, арестованного 6 мая по обвинению в злоупотреблении служебным положением. Эта история еще глупее, чем с сыном. В апреле 2001 года, когда Виктор Григорьевич работал зампредом Миноблисполкома и курировал в том числе и вопросы пищевых предприятий, к нему обратились те самые «афганветовцы» с просьбой помочь решить проблему. У них на таможне изъяли партию коньячного спирта в связи с просроченной лицензией, а гомельский суд вынес решение конфисковать партию и оштрафовать фирму. Но то была ошибка МИДа, который задержал подпись лицензии. Казеко попытался разобраться, позвонил Николаю Белко, и тот вроде бы подтвердил: мол, для «Кристалла» этот спирт крайне важен, мол, производство сориентировано на переработку именно этого спирта, мол, мощности простаивают... Как бы то ни было, Казеко отправил в суд по факсу письмо с просьбой не применять штрафных санкций к «Афганвету». Злоупотребил, стало быть. И «афганметовцы» сейчас утверждают, будто за решение вопроса в суде они дали Казеко взятку. Хотя вопрос решал гомельский суд, на который при всем желании воздействовать зампред совершенно иного облисполкома не смог бы. Да и можно ли назвать решением вопроса факс, отправленный в суд?

Нам неизвестно, восстановил ли свои льготы «Афганвет», избавившись от руководителя концерна. До сих пор не назначен как новый президент «Белгоспищепрома», так и генеральный директор «Кристалла». Впрочем, в «ликероводочных» кругах поговаривают, что гендиректором «Кристалла» станет нынешний заместитель главного инженера по фамилии Кучерявый, который — странное совпадение! — является еще и двоюродным братом одного из руководителей «Афганвета», с жаром дающего показания о взятке. Так что с «Афганветом», как и с афганской дружбой, все, похоже, будет в порядке. Остается надеяться на то, что суд распознает все это нагромождение, из которого следствие — пока безуспешно — пытается вылепить конфетку...

БГ

Рыбий яд

С I июля в Европе введен запрет на продажу рыбы, выловленной в Балтийском море. Эту рыбу едим мы

В руках — вся таблица Менделеева

А.Строганов

Елена НОВОЖИЛОВА

С 1 июля 2002 года Европейский союз ужесточил требования к содержанию в рыбе диоксина — вещества, относящегося к наиболее опасным химическим соединением — и запретил на своей территории продажу морепродуктов, выловленных в Балтийском море. Все эти деликатесы признаны не соответствующими новым экологическим стандартам. На нас, совсем не рыболовецкую державу, проблема проецируется просто. Дело в том, что ловить, перерабатывать, а также продавать дары Балтики в другие страны не запрещается. Стало быть, есть все основания ожидать увеличения притока сомнительных с европейской точки зрения морепродуктов на рынки других стран, в том числе и Беларуси.

Находишь СОЗ — кричи SOS

Первый «звонок» для балтийских рыболовов прозвенел больше года назад. Тогда, в конце мая 2001 года, Европейская комиссия объявила о введении ограничений на содержание диоксина в продуктах питания, производящихся в ЕС и туда прибывающих. Решению предшествовали длительные дебаты, поскольку оно затрагивает интересы очень многих европейских производителей. В конце концов представители 120 стран собрались в Стокгольме, чтобы обсудить и подписать договор о мерах по запрещению использования стойких органических загрязнителей (СОЗ). Установлено, что в настоящее время СОЗ являются одними из самых опасных ядов, имеющих искусственное происхождение. Попадание этих веществ в организм человека способно вызвать раковые и гормональные заболевания, повлиять на мозговую деятельность и работу эндокринной системы. Особо в этой связи подчеркивалась опасность диоксинов. Прислушавшись к мнению экспертов, Западная Европа решила все-таки не рисковать и защитить своего потребителя от отравленной пищи, введя ограничительные стандарты. Но оградила только своего потребителя!

Это решение в первую очередь ударило по интересам стран с интенсивным рыболовством, поскольку, как выяснилось, многие виды балтийской рыбы новым требованиям не соответствуют. Правда, две рыболовецкие державы — Швеция и Финляндия — были исключены из той части документа, которая касается продажи рыбы, выловленной в Балтике. Но эти страны в рамках ЕС могут продавать рыбу только на собственных рынках.

Запрет

Прошел год. И теперь ЕС пошел на более жесткие меры — ввел уже даже не ограничения, а запрет на продажу на своей территории балтийской рыбы. Требования, предъявляемые к рыбе, идущей на приготовление кормов для животных, стали еще жестче, поскольку пищевая цепочка в этом случае становится длиннее. Мясо и молоко, как выяснилось, аккумулируют загрязняющие вещества (подобно тому, как накапливаются они в пищевых цепях морских млекопитающих и птиц). Следовательно, диоксины, потребленные скотом вместе с рыбой, переходят к человеку в еще большей концентрации. В этой связи продажа кормовой рыбы в Евросоюзе также запрещена. Однако опять-таки, этот запрет не исключает продажи в страны, не входящие в ЕС и не имеющие законодательства, ограничивающего содержание этих супертоксикантов в пищевых продуктах. Не надо долго думать, чтобы предсказать, что европейским рыбакам, ведущим на Балтике промысел сельди, кильки, салаки и т.д., придется искать новые рынки сбыта, увеличивая поставки в страны СНГ и Балтии.

Полномочный министр по вопросам экономики и торговли Посольства Швеции в России Стен Лютман рассказал нам, что «в решении Комиссии ЕС о пределе содержания диоксина в рыбе из Балтийского моря речь прежде всего идет о жирной рыбе, в частности, о сельди. При этом для Швеции и Финляндии сохранено исключение в отношении продаж на собственных рынках (то есть шведском и финском). Что касается экспорта в третьи страны, то и Швеция, и Финляндия обязаны доложить закупающей рыбу стране о существующем запрете на ее экспорт в страны Европейского союза, а также получить из этой страны разрешение на ее экспорт. Например, для того чтобы экспортировать рыбу в Беларусь, Швеция должна получить белорусское разрешение.

Ситуация довольно сложная, потому что содержание диоксина в самом Балтийском море и в рыбе меняется. Это зависит от многих факторов: от типа рыбы, места лова, времени года и т.д. Но департамент продовольствия Швеции рекомендует девушкам и женщинам в репродуктивном возрасте есть балтийскую жирную рыбу не чаще, чем раз в месяц».

Белорусский Минздрав женщин и девушек, как вы понимаете, ни о чем не предупреждал и не предупреждает, потому соленеькая селедочка в рационе белорусских потенциальных мам — самое то. Хотя не лишним будет знать, что еще до принятия последних рыбных решений в рамках ЕС Матс Ольсон, шведский профессор морской токсикологии, со страниц шведской газеты Dagens Nyheter предупреждал, что в Балтийском море лишь треска может соответствовать новым требованиям ЕС. «Шведская комиссия по сельскому хозяйству и Шведская национальная администрация пищевых продуктов вводят потребителей в заблуждение относительно снижающегося уровня диоксинов в рыбе из Балтийского моря, несмотря на то, что концентрация ни диоксинов, ни полихлорированных бифенилов (ПХБ) не падала с 1980 года. Остается только надеяться, что шведское правительство не предоставит этой информации в органы Европейского союза на переговорах об исключении Швеции из-под действия нового диоксинового регулирования... В последние годы была представлена обширная статистика исследований балтийской сельди и потребляющих ее птиц, доказывающая, что концентрация как диоксинов, так и ПХБ в рыбе не снижалась в последние годы. Совершенно ясно, что возникают серьезные проблемы с потреблением как балтийской сельди, так и балтийского лосося. Для рыбаков это — катастрофа. Проблема усугубляется еще и тем, что в последние годы наблюдается рост процентного содержания жира в мускульной ткани сельди. Известно также, что и диоксины, и ПХБ имеют свойство откладываться в жировой ткани, поэтому массовая доля содержания токсичных веществ тоже может вырасти. Попытки снизить значение проблемы диоксинового загрязнения Балтики путем дачи неверных сведений о том, что уровень загрязнения падает, не сослужит хорошей службы ни рыбной промышленности, ни потребителю».

Беда бумажная, но реальная

Основной источник попадания в море диоксинов — промышленные стоки целлюлозно-бумажных предприятий, использующих для отбеливания хлорсодержащие реагенты. Эти реагенты представляют собой смесь огромного числа химических соединений, содержащую до 250 веществ, 180 из которых, включая фенольные, нейтральные и кислотные соединения, содержат хлор. Экологи твердят, что ключевым решением проблемы являются модификация производственных процессов и прекращение использования хлорсодержащих реагентов.

Хельсинкской комиссией в Балтийском регионе определено около 140 «горячих точек», где воздействие на окружающую среду проявляется в особо опасных размерах. 12 таких точек отмечено на Калининградском побережье. В реку Преголь, а затем и в Балтийское море диоксины и диоксиноподобные вещества попадают в результате хлорного отбеливания целлюлозы на калининградских предприятиях. В феврале этого года в точке сброса стоков в реку Преголю независимой исследовательской лабораторией НПО «Тайфун», входящей в систему Роскомгидромета России, зафиксировано превышение предельно допустимой концентрации диоксинов в водной среде в 119 раз.

Справка

Согласно действующему в России нормативу, содержание диоксинов в водной среде не должно превышать 20 пг/л. В других странах установлены более жесткие нормативы: в США — 0,013 пг/л, Италии — 0,05 пг/л, Германии — 0,01 пг/л.

Кроме диоксинов в пробах обнаружено превышение ПДК по фенолам, трихлорфенолам, дихлорфенолам и т.д. В частности, российский Центр государственного санитарного эпидемического надзора отмечает: «Концентрации химических веществ (хлоридов, фосфатов, фурфурола, формальдегида, азотов нитрита, азотов нитратов, БПК, ХПК, нефтепродуктов), поступающих со сточными водами, превышают предельно допустимую концентрацию во много раз по 18 ингредиентам, в частности, по хлоридам — в 200-560 раз, по сульфатам — в 160-210 раз». От себя добавим: хлороорганические соединения относятся к самым сильнодействующим ядам. Эти канцерогены, десятилетиями сохраняющиеся в окружающей среде и накапливающиеся во флоре и фауне, с пищей попадают в организм человека.

В этой связи рабочая группа Хельсинкской комиссии по наземным источникам загрязнений HELCOM LAND проводит работу по пересмотру и гармонизации требований, заложенных в Рекомендациях HELCOM, с директивами Европейского союза. Швеция, определенная HELCOM как страна-лидер по целлюлозно-бумажной промышленности, подготовила проект рекомендации по снижению сбросов от производства крафт и сульфитной целлюлозы, который будет направлен для утверждения на очередную ежегодную министерскую сессию HELCOM в марте 2003 года. Проект рекомендации содержит два варианта требований к сбросам сточных вод от производства целлюлозы, которые намного жестче, чем в действующих сейчас рекомендациях, и которые должны будут применяться во всех странах без исключения начиная с 2006 года.

Так что предприятиям, действующим в регионе Балтийского моря, очень скоро придется проводить коренную реконструкцию и сокращать воздействие на окружающую среду, иначе придется платить крупные штрафы за загрязнение. Но пока это будет сделано, мы с вами, похоже, переварим в своих желудках не одну тонну рыбы и ...ядов.

Кстати, принятый 1 июля Еврокомиссией запрещающий документ берет в расчет концентрацию диоксинов, но абсолютно не учитывает полихлорированные бифенилы, хотя некоторые из них настолько же токсичны. Тем временем эксперты отмечают, что содержание полихлорированных бифенилов в балтийской рыбе гораздо выше, чем содержание диоксинов. И, насколько известно, ЕС собирается вернуться к этой проблеме в 2004 году и включить ПХБ в расчет токсичности продуктов, поступающих на внутренний рынок ЕС.

В этой ситуации мы выглядим действительно как слаборазвитая страна третьего мира, потребляющая то, что признано вредным для здоровья «более высокоорганизованных». Остается, правда, робкая надежда на то, что рыба, выловленная в Балтике, будет как-то маркироваться. В противном случае, как говорят в Европе, это будет моральной нечистоплотностью: продавать такую токсичную продукцию, не проинформировав потребителей о ее потенциальном вреде. Впрочем, мы пока ничего не требуем, а европейские ученые наши интересы отстаивать, конечно, не будут. Да и вести речь о чистоплотности в такой ситуации, наверное, слишком наивно. Ведь рентабельность рыбного бизнеса составляет 600% (), там вращаются миллиарды долларов. И только в одну Беларусь ежегодно завозится рыбного сырья на сумму около 80 млрд долларов...

«Качество» гарантировано. Следите — кем

Представитель одного из рыбоперерабатывающих предприятий Минска рассказал нам, что «в Беларуси выдано огромное количество лицензий на переработку рыбного сырья. На каждом рыбоперерабатывающем предприятии есть своя лаборатория. Технический уровень таких лабораторий очень низкий. Там смотрят, чтобы в рыбе не было жучков-паучков, а также, чтобы консистенция мяса была соответствующей (при неверном температурном режиме рыбное мясо меняет консистенцию). А скажи начальнику лаборатории слово «диоксин», он попросит не выражаться. Слов таких не слышали. Приезжающая время от времени санстанция смотрит лишь на то, чтобы не было мышей, да на общую чистоту. Между тем такая лаборатория после проведения своего нехитрого «анализа» выдает предприятию удостоверение качества, которого вкупе с документами поставщика достаточно для начала торговли. А те люди, которые контролируют потоки, сделают любые документы, любой сертификат. Ни о каком качестве говорить не приходится».

Косвенное подтверждение этому мы получили в Республиканском центре гигиены и эпидемиологии, где нам сообщили, что методики проверки балтийской рыбы в Беларуси как таковой не существует — «контроль выборочный, причем качественный, т.е. определяющий в принципе наличие или отсутствие в рыбе диоксинов. «Выборочно» означает, что раз в квартал или в полгода проверяется одна партия. Четкой установки здесь нет. Каждую партию не проверяют».

В Центре экспертной оценки продуктов пошли еще дальше, сообщив нам, что на диоксины в Беларуси вообще проверка не проводится, поскольку один такой анализ стоит около 2 тысяч долларов. Правительство же на специальное оборудование денег не выделило.

20 тысяч «фе под водой»

Между тем в силу географического положения нашей страны рыбопродукты в подавляющем большинстве завозятся к нам именно с Балтики. А в Балтийском море помимо промышленных стоков существует еще около шести десятков свалок токсичных промышленных отходов. Но и это не все — на дне моря больше полувека лежат около 300 тысяч тонн химического оружия: бомб, снарядов и мин. И все это начинено ипритом, фосгеном, табуном, кларком, адамситом, люизитом, арсиновым маслом, хлорофином, адамхитом, цианистыми солями, газом «Циклон». С каждым годом возрастает вероятность залпового выброса отравляющих химических веществ из проржавевших корпусов. Специалисты Российской академии наук говорят, что через полтора-два года произойдет массовый выброс этой отравы в воды Балти-

...Какая гадость эта ваша заливная рыба

ки. Об этом же говорят белорусские ученые, которые несколько лет назад инициировали в белорусском парламенте специальные слушания на эту тему. Но слушания были закрытыми. Чем они завершились, неизвестно. Хотя эксперты не скрывают, что сейчас уже стало заметным влияние затопленного «арсенала» на химический состав воды, грунта и морских микроорганизмов. Для Беларуси опять же в силу нашего географического положения все это представляет угрозу национальной безопасности. Но что мы можем сделать, если никто в мире не знает, что делать с этими залежами отравы?!

История появления «бомб замедленного действия», которые в настоящее время угрожают в том числе и нашей стране, такова. После окончания второй мировой войны на территории Германии были обнаружены огромные запасы химического оружия. По совместному решению трех стран антигитлеровской коалиции (Советского Союза, Великобритании, США), принятом на Потсдамской мирной конференции, трофейное немецкое вооружение общим количеством свыше 300 тыс. тонн было затоплено в различных районах Балтийского моря. Каждая страна выполнила столь нехитрое решение по-своему: Советский Союз свою часть (35 тыс. тонн) рассеял по дну россыпью в районе датского острова Борнхольм, а также вблизи Лиепаи (Латвия), что, как оказалось, исключает возможность залпового выброса. США и Великобритания затопили оружие вместе с загруженными под завязку немецкими военными кораблями, на которых боеприпасы доставили в проливы Скагеррак и Каттегат, недалеко от норвежского берега. И об этих «сокровищах», оказавшихся вблизи берегов Дании, Швеции и Норвегии, давно бы забыли, но у людей, живущих в этом регионе, появились проблемы со здоровьем. В Польше, например, в конце 70-х годов сотни людей получили диагноз «отравление ипритом». А об иприте известно, что даже малейшее его количество способно сбить генетический код у любого живого существа. Через микроорганизмы он быстро попадает к рыбам и млекопитающим. Было больше сотни случаев, когда рыбаки, выбирающие со дна тралы, получали химические ожоги.

Опасная обстановка сложилась и в районе острова Готланд, где, по оценке экспертов, уже сейчас происходит утечка отравляющих веществ из проржавевших снарядов. Вызывают тревогу захоронения у Лиепаи и Борнхольма, где химические боеприпасы погрузились в ил на глубину до 8 метров. Ученые уже обнаружили повышенное содержание мышьяка в воде, что говорит об общем загрязнении морского дна.

Вода скрывает отраву не особенно надежно. По оценкам военных специалистов, скорость сквозной коррозии оболочек авиабомб может варьировать от 13 до 80 лет, артиллерийских снарядов и мин — от 22 до 150 лет. Если считать в среднем, то, как видим, крайняя черта уже близка. А в некоторых случаях давно зашкаливает. В каком состоянии сейчас эти оболочки, сказать трудно, ведь никто их не исследовал. Но, как считают специалисты, в морскую воду и донные отложения уже поступило около четырех тысяч тонн иприта.

Разумеется, захоронения химического оружия существуют не только в водах Балтики. Англичане сбрасывали свою отраву в Северное море, Советский Союз — в Баренцево. Но Балтийское море особо чувствительно к экологическим изменениям вследствие долгого периода смены свежих вод (около 30 лет), что обусловлено полузакрытыми узкими проливами. Между тем каждый год там добывается около 2,5 млн тонн морепродуктов. В случае массового выброса отравляющих веществ в морскую воду все они будут заражены.

Эксперты XX века

Первая проблема, с которой сталкиваются разработчики возможных проектов по нейтрализации химического оружия на дне Балтики, — деньги. По некоторым оценкам, такие работы могут стоить до 5 млрд долларов. Одни считают, что деньги должна выделить Германия — отрава-то ее. Другие полагают — платить должны американцы. Существует и компромиссный вариант: мобилизовать финансовые ресурсы Европейского союза. Но вопрос не только в деньгах, но и в том, что никто не может сказать определенно: что все-таки можно со всем этим делать, а что — категорически нельзя. Практически все ученые признают, что информации по проблеме не хватает. США, например, засекретили все сведения о захоронениях вплоть до 2017 года.

Многие специалисты, кстати, уверены, что смертоносный груз лучше вообще не трогать: результаты могут быть непредсказуемыми. А в морской воде, мол, активно идут процессы гидролиза, и постепенно просачивающиеся ядовитые газы нейтрализуются естественным путем. Но тот же иприт гидролизуется в воде при температуре плюс 80 градусов — явно не в условиях морского дна. Другие считают, что надо строить на дне моря могильники, которые укроют ядовитые свалки, — что-то вроде саркофага на Чернобыльской АЭС. Третьи — такого мнения придерживаются в ЦКБ «Рубин» — предполагают, что металлические оболочки могут быть еще достаточно прочны, а стало быть, их можно поднять и утилизировать. То, что нельзя трогать, в ЦКБ предлагают законсервировать, но не бетонными саркофагами, а с помощью специального материала — аквапалимера.

В общем, единого мнения среди ученых нет, равно как нет его и среди государств, которых эта проблема касается, — стран Скандинавии, Балтии, Германии, Польши, России, а также США и Великобритании. Прибалтийские государства спокойны, а Германии и вовсе не нравится муссирование этой темы. Она ссылается на необходимость тщательного исследования. Вместо срочного принятия мер политики занимаются разговорами: дескать, трофейное химическое оружие не подпадает под международную Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожения. Такой подход у стран заинтересованных объясняется просто: любые слухи об опасности балтийской воды обрушат многомиллионный рыболовный рынок. Кстати, в районе пролива Скагеррак вылавливается наибольшее количество рыбы. Но морепродукты идут на экспорт, а местные рыбаки предпочитают питаться речной и озерной рыбой. В этой связи непонятно, почему молчат «незаинтересованные» страны, в частности, белорусские эксперты. О диоксиновой опасности, исходящей из Балтики, у нас вообще не сообщалось. Что же касается немецкого химического оружия, то парламентские слушания прошли, и о проблеме забыли. В апреле этого года проблема обсуждалась и в российской Госдуме. Депутаты договорились о том, что без проведения глубоких исследований поднимать и даже трогать химические боеприпасы из Балтийского моря крайне опасно. И рекомендовали правительству России обратиться к США и Великобритании с требованием рассекретить места опасных захоронений и передать всем заинтересованным государствам точные координаты затопления судов. Было решено разработать методы по предотвращению выхода отравленных веществ в море, а также предложено ограничить хозяйственную деятельность в зонах затопления, запретить пользоваться там данными тралами и тщательно проверять все балтийские морепродукты.

Оформить протоколом

Сыграли мальчики ва-банк,

или Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не воровало

Ася ТРЕТЮК

Если предположения минских прокуроров во всем верны, то они разгадали одну из схем финансирования государством политических кампаний нужных власти людей. Если частично верны, то речь может идти о масштабном нецелевом использовании государственных средств. Если совсем не верны, то мы имеем ответ на вопрос, почему наша страна такая умная, но такая бедная. И ответ этот прост: «На деньги налогоплательщиков гуляют все, откуда ж богатству взяться-то...» Что-то подсказывает, что генеральный прокурор Беларуси Виктор Шейман заранее смирится с тем, что страна у нас гулящая, и не станет инициировать дальнейшие проверки. Хотя следовало бы. Просто из-за того, что проверять подобные предположения ему по статусу положено.

Камень преткновения

Начиналась вся эта история с жалобы, написанной председателем Общественного объединения «Международное сообщество детей-сирот, инвалидов и малоимущих» (ОО «МСДСИМ») Олегом Гунько в прокуратуру Минска. 2 февраля 2001 года блюстители закона приняли послание, смысл которого сводился к трогательному рассказу о том, как председатель Барановичского отделения ОО «МСДСИМ» Сергей Студеничник потребовал от Гунько утвердить проект устава унитарного производственно-торгового предприятия «Марк Плюс». Необходимость создания этого предприятия Студеничник объяснял тем, что только таким способом и никак иначе можно реализовать разработанный совместно с отделом по делам молодежи Барановичского горисполкома проект социальной адаптации молодежи из числа инвалидов, сирот и малоимущих. Проект, как оказалось, был профинансирован Фондом социальной защиты молодежи (ФСЗМ) в размере 38,019 млн рублей, хотя реально деньги были взяты из Государственного фонда содействия занятости населения. (Чуть позже вы поймете, чем объясняется такая двойственность.) При этом барановичский руководитель утверждал, что выделенные средства были израсходованы по целевому назначению. Тем не менее правление ОО «МСДСИМ» приняло решение об отказе в учреждении «Марк Плюс». Во-первых, общественная организация по своему статусу не правомочна создавать унитарное предприятие за счет госбюджета. Во-вторых, Студеничник не представил никаких документов, как использовались полученные от фонда средства. А в-третьих, барановичское отделение лишили статуса юридического лица, а Студеничника и вовсе исключили из членов ОО «МСДСИМ». Надо понимать, за самодеятельность.

Казалось бы, разобрались. Однако, как поведал прокурорам автор жалобы, через несколько дней после произошедшего его пригласил на беседу председатель правления Фонда социальной защиты молодежи Александр Позняк. «Милая встреча», по словам заявителя, закончилась тем, что Позняк в категоричной форме потребовал отменить решение по поводу «Марк Плюс». В случае невыполнения этих требований, как Гунько поведал прокуратуре, к нему «пригрозили применить определенные меры воздействия с использованием своего служебного положения, а также того факта, что Позняк А.Г. является членом республиканской комиссии по регистрации общественных объединений и имеет определенное влияние на Министерство юстиции...»

Это и стало последней каплей. Гунько обратился в Комитет госконтроля г.Барановичи, но контролеры в деятельности местного отделения «МСДСИМ» не усмотрели никакого криминала. Обращался он и в Барановичскую прокуратуру с просьбой привлечь Студеничника к уголовной ответственности за разбазаривание государственных средств. Прокуратура вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. И тогда недовольный ответом надзорного ведомства Гунько пошел в прокуратуру столицы. Минские прокуроры с решением своих коллег из Барановичей не согласились, и дело получило ход.

Как было установлено, барановичские комсомольские вожаки действительно получили под свой проект 38,019 млн рублей и израсходовали их на ремонт офиса и покупку компьютеров. При этом соответствующие договоры аренды помещений, ремонтно-строительного подряда, по закупке техники заключены не были. За эти нарушения и заказчик, и подрядчик были подвергнуты штрафным санкциям в размере 28 млн рублей. Но вот успели ли барановичские благотворители «социально адаптировать инвалидов, сирот и малоимущих», прокурорам выяснить не удалось: на момент проверки Барановичское отделение ОО «МСДСИМ» было реструктуризировано, а закупленные компьютеры и оргтехника будто бы перешли на баланс местного райисполкома.

На первый взгляд ситуация обычная, но все-таки подозрительная.

Допрыгались?

Правоохранительная машина стала набирать обороты.

«...22 марта 2001 г. N10- 9/01. Начальнику Главного казначейства Министерства финансов Харковцу А.М.

В связи с возникшей необходимостью и в соответствии со ст.10 Закона Республики Беларусь «О мерах по борьбе с организованной преступностью и коррупцией» от 26 июня 1997 года прошу в течение трех суток с момента получения настоящего требования направить в наш адрес ответ: перечисляло ли казначейство какие-либо денежные суммы в 1999 — 2000 годах Фонду социальной защиты молодежи — председатель правления А.Г.Позняк. Если перечисляло, то какие суммы и когда, копии платежных поручений, подтверждающих перечисление казначейством данных средств фонду? На основании каких решений, нормативно-правовых актов перечислялись указанные средства фонду? Обязан ли был фонд отчитываться перед казначейством либо другими государственными органами о целевом расходовании полученных им денежных средств от казначейства либо других органов? Являлись ли перечисленные в 1999 — 2000 годах суммы бюджетными? Перечислялись ли какие-либо бюджетные средства казначейством Барановичскому отделению Общественного объединения «Международное сообщество детей-сирот, инвалидов и малоимущих» в 1999-2000 годах? Если да, то на каких основаниях, какие суммы и когда?

Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью и коррупцией прокуратуры г.Минска В.Н.Шульга».

Прошел день.

«23 марта 2001 г. N 16-23/397... Главное государственное казначейство Министерства финансов на Ваш запрос отвечает. Фонд социальной защиты молодежи создан в соответствии с указом президента Республики Беларусь... Формируется фонд за счет отчислений фактических поступлений...»

Обратимся к неформальной стороне истории создания этого фонда — она более интересна, чем официальная переписка.

Сведущие люди вспоминают, что впервые идея создания специального фонда, который бы работал по молодежным программам, была озвучена Белорусским патриотическим союзом молодежи (БПСМ) в тот момент, когда доселе безоблачные отношения неопатриотов и власти дали первую трещину. Верхушка БПСМ, получавшая из госбюджета средства, которых хватало лишь на содержание аппарата, тогда пожаловалась: мол, нам стыдно просить у государства деньги на нужды молодежи, не лучше ли зарабатывать их самим. Зарабатывать — это дело очень хорошее, но, как выясняется, каждый по-своему понимает, что такое зарабатывать. И на ком.

30 октября 1997 г. за N 556 Александр Лукашенко издал указ «Об утверждении Положения о Фонде социальной защиты молодежи». По замыслу главы государства, это детище призвано было главным образом финансировать мероприятия по социальной защите молодежи. Из этого на первый взгляд скромного посыла вытекало, что чиновно-бюрократический аппарат взвалил на хрупкие плечи молодежного новообразования целый пласт своих проблем. Ведь по сути речь шла о дублировании функций государственных органов в сфере социальной поддержки молодежи, включая вопросы содействия занятости, развитию предпринимательства, помощи молодым жителям районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС, и т.д. В качестве «довеска» к этой и без того нелегкой ноше на откуп подрастающему поколению отдали еще и заботу об окружающей среде и экологии. А чтобы «детвора» в революционном запале не наломала дров, к ней приставили солидных опекунов из не менее солидных государственных органов.

«Группа ответственных товарищей» включала 18 человек, которые и составили правление ФСЗМ. Список утверждал лично президент. Что ни фамилия — то фигура: лидер БПСМ Сева Янчевский со своим замом Михаилом Ордой; начальник отдела по работе с общественными молодежными объединениями Администрации президента Игорь Величанский; первый замминистра предпринимательства и инвестиций Анатолий Скорбеж; председатель Комитета по делам молодежи Александр Позняк (он же избран председателем правления ФСЗМ. — **Прим. автора здесь и далее**); начальник управления социально-культурной политики аппарата Совмина Леонид Гуляко; первый замминистра природных ресурсов Игорь Войтов... И много других официальных лиц, хотя «патриотическое» представительство в правлении фонда оказалось самым массовым — семь человек.

Согласно утвержденному положению ФСЗМ имел статус государственного внебюджетного фонда(!).

Рикошетом по бюджету

Наделяя свое детище такими «царскими» полномочиями, как финансирование мероприятий по социальной защите молодежи, президент сделал все для того, чтобы молодая поросль ни в чем не знала нужды. Так, согласно п. 2 указа N 556 средства внебюджетного фонда, то есть ФСЗМ, формировались (будем предельно внимательны) за счет... ежемесячных обязательных отчислений, которые аккумулируются в республиканском госбюджете. (А чего удивляться: многие именно так и зарабатывают — за счет налогоплательщика!) Совмин поручил министру финансов Николаю Корбуту утвердить «предлагаемый порядок формирования средств» (тоже еще та постановочка вопроса!). Ну а Корбут взял под козырек и определил, что с 1 января 1998 года на расчетный счет ФСЗМ отчисляются следующие процентные ставки от фактических поступлений: 5% средств, поступивших в Государственный фонд содействия занятости населения; 10% — в Республиканский фонд охраны природы и окружающей среды; 10% — в Республиканский фонд финансовой поддержки предпринимательства; 1% — в Республиканский фонд помощи лицам, пострадавшим от аварии на ЧАЭС. Иными словами, был создан внебюджетный фонд, средства в который должны были идти из бюджетных фондов. Вот такой у некоторых хороший заработок.

Помимо вливаний из госбюджета было определено, что безвозмездную финансовую помощь фонду в виде займов и кредитов могут оказывать физические и юридические лица. И если от кого бы то ни было деньги пришли в СКВ, то Минфину было бы велено срочно открывать специальный валютный счет, регулярно информировать руководство ФСЗМ о фактически поступающих суммах и обеспечивать их своевременное поступление адресату. (Нам, правда, неизвестно, случались ли такие «инциденты».)

С другой стороны, Совет Министров обязал правление Фонда соцзащиты молодежи ежегодно представлять в заинтересованные ведомства (в т.ч. Министерство труда, Министерство предпринимательства и инвестиций, Министерство природных ресурсов, МЧС и, конечно же, президенту) отчет об использовании бюджетных средств. Что касается программ деятельности фонда и сметы расходов по ним, а также размера резервной части и годового бюджета, то все это было отдано на откуп правления ФСЗМ, но «по согласованию с президентом».

Подобные условия, скажу я вам, вольница невиданная. Закладывали ребята в свой бюджет столько средств, сколько позволяли их безудержные фантазии. И, что странно, со стороны главы государства отказа они ни в чем не видели. Оно и понятно: ведь президент на самого себя возложил контроль за финансовым обеспечением собственного детища.

В результате только в 1999 году, если верить протоколам заседаний, правление ФСЗМ на свои проекты и программы затребовало из госбюджета 430 млрд неденоминированных рублей. Впрочем, Главное государственное казначейство Минфина в конечном результате перечислило на расчетный счет фонда далеко не все запрашиваемые средства. В общем, в то время, как Лукашенко удовлетворял все запросы комсомольско-молодежных функционеров, Главное госказначейство не торопилось выполнять их капризы, чем не раз спасало и без того прохудившуюся казну.

С чувством глубокого единодушия

Из докладной записки тогдашнего замглавы Администрации президента Владимира Русакевича на имя президента: «Уважаемый Александр Григорьевич! В соответствии с поручением президента от 23 июня 1999 г. N28/43 Администрации президента было поручено внести проект документа о согласовании программ Фонда социальной защиты молодежи... Просим согласовать его решения, предложенные для главы государства, и поручить Министерству финансов обеспечивать их финансирование в 1999 году». При этом, лоббируя интересы «красных дьяволят», автор докладной подчеркнул, что для утверждения смет расходов на программы ФСЗМ «издание правового акта не требуется». (Вот вам и еще один ответ на запрос отдела по борьбе с организованной преступностью и коррупцией столичной прокуратуры.)

Как правило, на подобного рода докладных «верховный» попечитель молодежи всякий раз резюмировал: «Согласиться с предложением Фонда социальной защиты молодежи по реализации и финансированию молодежных программ». И это притом, что речь шла о миллиардах бюджетных средств.

На какие же такие грандиозные молодежные программы требовались финансовые вливания из госбюджета? Надо заметить, что планов, далеких от суровых белорусских реалий, молодежь настроила громадье. Начинали, как и положено, с самих себя. Так, не успело увидеть свет Положение о вопросах деятельности социальной защиты молодежи, утвержденное указом президента, как тут же появился первый протокол заседания правления ФСЗМ. На повестке дня стоял «острый вопрос»: финансирование проекта «Организация деятельности Фонда социальной защиты молодежи на 1999 год». С данной инициативой выступил не кто-нибудь, а Государственный комитет по делам молодежи, запросив на ...обеспечение технической организации деятельности фонда и его правления 8 млрд 594 млн рублей.

Голосование, как вы понимаете, прошло на ура.

Войдя в раж, «главнокомандующий» правления ФСЗМ (он же, напомним, руководитель Госкомитета по делам молодежи) Александр Позняк представил на суд «высокого жюри» очередное творение — проект с весьма интригующим названием «Конкурс республиканских лотерей». Нетрудно догадаться, что вопрос финансирования этого проекта тоже долго не мусолили. А если точнее, он был единогласно решен в пользу заказчика проекта. При этом никого из членов правления не смутила запрашиваемая сумма — 67,3 млрд рублей. Правда, на выручку налогоплательщикам пришло Государственное казначейство, которое своим отказом в перечислении средств зарубило на корню юношеский порыв, имеющий сомнительное отношение к социальной защите: иначе и быть не могло хотя бы по той простой причине, что на данный вид деятельности требуется лицензия.

Из названий проектов очень сложно понять их суть. Тем более что за громким названием часто оказывается «пшик». Так, например, мы «спасали легкие Европы» (проект так и назывался — «Спасем легкие Европы»). Как нам удалось выяснить в департаменте по делам молодежи Минобразования, молодые экологи замахнулись на 600 миллионов рублей не забавы ради, а для организации волонтерского лагеря, который должен был заниматься очисткой лесного массива вокруг Белого озера. Очищали от соснового пилильщика — так в народе окрестили короеда, который провоцирует высыхание лесов. Их бы, короедов этих, дустом — и никаких проблем! Но нет, ООО «Брестская областная служба занятости молодежи и студенчества» без организации волонтерских лагерей и прочей помпы с вредными насекомыми работать не обучено.

И таких, мягко говоря, сомнительных проектов достаточно.

2001 год для ФСЗМ не стал чем-то из ряда вон выходящим. Из представленного на правление фонда 41 проекта 36 объемом финансирования в размере 1 млрд 788,3 млн руб. получили полное и всестороннее одобрение, поскольку отвечали приоритетному направлению молодежной политики «в области занятости и охраны природы». Копнешь эти проекты глубже — вновь вопросы (вспомним хотя бы барановичскую историю).

И кто-то, вероятно, копнул. По крайней мере, в нынешнем году в деятельности ФСЗМ наметился полный штиль. В этой связи молодежные вожаки дурным словом поминают главу президентской администрации Урала Латыпова, который почему-то проявил неподдельный интерес к государственному финансированию всякого рода общественных инициатив. Но есть версия, что Латыпов не намерен совершать революций. Он просто скребет по сусекам, собирая деньги на некую очередную политическую кампанию. Можно верить, можно не верить, но в ФСЗМ тайм-аут был в основном использован для решения процедурных вопросов, связанных с внесением изменений в уставные документы фонда и состав его правления, так как многие члены правления давно уже сошли с дистанции.

О том, что правоохранительные органы на протяжении нескольких последних месяцев добросовестно «шерстили» финансовые потоки президентского детища, в молодежном ведомстве, что называется, ни сном ни духом. Конфиденциальность, однако...

Спешим их успокоить. В прокурорском ведомстве пока нет определенности. Не знают здесь, как поступить с материалами проверки финансирования ФСЗМ, ведь деятельность фонда охватывает практически все регионы республики. Как нам удалось выяснить, столичная прокуратура склоняется к тому, что целесообразна дальнейшая проверка фонда силами КРУ Минфина. Однако этот вопрос находится в юрисдикции прокурора республики. А здесь может выйти загвоздочка. Дело в том, что следователи в приватных беседах допускают, что львиная доля финансовых потоков, адресованных на социальную поддержку молодежи, на самом деле пошла на кипучую деятельность избирательных политических кампаний. Вот тот же Всеволод Янчевский, например, хорошо организовал собственную избирательную кампанию и оказался депутатом Палаты представителей. А столько календариков с ликом любимого президента «нашлепали» во время президентских выборов, сколько «фантиков» с надписью «Мы за батьку!» порасклеили в городах и весях! Некоторые из них, кстати, и сегодня украшают внутренний интерьер здания на К.Маркса, 40 на дверях то ли, пардон, туалетов, то ли каких-то «подсобок». Аккурат напротив благоустроенных кабинетов функционеров БПСМ.

Ай да «батькины» дети! Ай да сукины сыны!

К принятию следующих инициатив готовились более основательно. Позже, с чувством глубокого единодушия было принято положительное решение о финансировании проекта «Создание республиканского центра экологического образования и оздоровления молодежи на оз.Нарочь». Ладно бы Комитет по делам молодежи денег просил — все-таки государственная структура под государственные деньги идею подкинула. Но автор и заказчик проекта — ЦК БПСМ — общественная организация. И ничтоже сумняшеся было запрошено на эти цели аж 301 млрд 558 млн неденоминированных рублей. (Сумма особенно впечатляет, так как в это же время отдел по делам молодежи Ляховичского райисполкома, также не менее обеспокоенный здоровьем подрастающего поколения, запросил на свой проект «Благоустройство зоны отдыха для молодежи на реке Вядьмя в г.Ляховичи» в несколько раз меньше.)

Видя лояльность государственных мужей к любой молодежной новации, под крышу фонда пошли самые разные структуры. Так, белорусско-германское СП «Нестор Глобал» предложило проект «Профессиональная ориентация и переподготовка молодежи» (без малого 13 млрд). В том же 1999-м появился проект «Создание внештатного центра патриотического воспитания и занятости молодежи на базе воинской части N 5525 «Дзержинец» — его представило Главное управление командующего войсками МВД РБ (8 млрд 816 млн рублей). И швейных цех мы организовывали, и волонтерское движение, и крестьянское хозяйство поднимали, и редакцию газеты «Знамя юности» технической обеспечивали. Здорово все это и даже великолепно. Вот только скажите, почему проект «Знаменки» под названием «Ясельда», где речь шла о закупке оборудования для «освещения проблем занятости молодежи» (5 млрд 018 млн рублей), должен был финансироваться из средств, поступивших в Республиканский фонд охраны природы и окружающей среды. Мы что, молодых бобрят трудоустраиваем?..

С думой о сирых и убогих

Халявные деньги и есть халявные. Уж, казалось бы, на что безобидны белорусские «пионэры», и те (кто бы мог подумать!) озаботились судьбой белорусских лесов, озер и рек, озвучив такой шедевр, как проект «Малым рекам — большую заботу». Председатель Центрального совета Белорусской республиканской пионерской организации, представивший данный проект, знал, ради каких великих свершений он залезает в госказну. Нет, деток к воде вряд ли сводили. «Большая забота» — это, как выясняется, издание методических пособий «Школьные экологические маршруты по водоохранным зонам малых рек и водоемов», организация экологического мониторинга и изготовление экологических карт. Эту жизненно важную деятельность пионерский лидер оценил в 1 млрд 190 млн рублей (неденоминированных). И почему-то нашел живой отклик в сердцах членов правления фонда. На фоне бурной деятельности детворы с красными галстуками проект Госкомитета по делам молодежи «Исследование эффективности деятельности молодых специалистов в народном хозяйстве республики», который чиновники ведомства г-на Позняка оценили в 1,1 млрд, выглядел, скажем прямо, подростковой забавой.

Спору нет, когда на карту поставлены проблемы молодежи и подрастающего поколения, аморально считать деньги налогоплательщика и при этом еще давать место иронии. Знать бы только, «кто с кем» или кто кого имел в виду и что получили от этого альянса на самом деле те, для кого эти деньги предназначались.

«Спасатели», понимаешь ли

Идем дальше. Год 2000-й. Проектов наплодили немерено (в 1999-м правление ФСЗМ рассмотрело 19 социально значимых молодежных проектов, в 2000-м их было заявлено 40), и президент по-прежнему души не чаял в своих пострелах, поэтому все их идеи одобрял. Но аппетиты им пришлось поумерить, поскольку вновь отличилось Главное госказначейство: став на путь «саботажа» указов президента, оно перечислило фонду только 1 млрд 083 млн (уже деноминированных) рублей, и это была лишь половина утвержденной правлением ФСЗМ суммы.

Для служебного пользования

БДГ

Для ознакомления

Белорусский резидент

Профессиональный советский разведчик ничего не слышал о белорусской внешней разведке и считает, что это хорошо

Андрей АЛЕКСАНДРОВИЧ

Об уроженцах Беларуси, ставших профессиональными разведчиками и долгое время работавших за рубежом, в нашей стране известно мало. Имена действующих являются государственной тайной, а пенсионеры в основном проживают в Москве, поддерживая связь с родиной на уровне личных контактов. Однако корреспонденту «БДГ» все-таки удалось связаться с одним из таких земляков.

Специальная информация

Александр Александрович Соколов родился в Гомеле. Его отец был начальником Военно-строительного управления 2-го Белорусского фронта. После освобождения Минска в июле 1944 года управление стало базироваться в белорусской столице. Вскоре сюда перебралась и семья Соколовых. В то время как отец восстанавливал из руин Беларусь, сын Саша добросовестно учился, поступил на юридический факультет МГУ им. Ломоносова, который закончил в 1955 году. С этого момента началась служба в органах. В 1956 году Александр Соколов окончил харьковскую контрразведывательную школу N 306 и был назначен оперуполномоченным в отдел по религии 4-го управления КГБ. Четыре года спустя он был переведен в 1-е главное управление КГБ (ПГУ), во внешнюю разведку. В 1964 году окончил высшую разведывательную школу N 101, специализировался по работе против главного противника — США. С 1966-го по 1971 год работал в Вашингтонской резидентуре по линии контрразведки против ЦРУ, ФБР и других спецслужб США. С 1967-го по 1970 годы руководил линией контрразведки. Был в приятельских отношениях с Олегом Калугиным. Пять лет имел на связи ценного агента Ларка (Артамонова-Шадрина), сотрудника ГРУ, которого и разоблачил как агента ЦРУ. В 1971 — 1972 годах окончил факультет усовершенствования 101-й школы, затем работал руководителем аналитического подразделения по спецслужбам противника в ПГУ. Автор книги «Суперкрот» ЦРУ в КГБ: 35 лет шпионажа генерала Олега Калугина», изданной в Москве в 1999 году.

— Александр Александрович, много ли уроженцев Беларуси, с которыми вам доводилось сталкиваться во время службы, работали в зарубежных резидентурах?

— Во времена Советского Союза в КГБ СССР не велся учет сотрудников по национальному признаку. Были исключения после событий начала 50-х годов, но касались они только лиц еврейской и грузинской национальностей. К примеру, после ареста Берии в 1954 году (и Цанавы в Беларуси. — **Здесь и далее прим.А.А.**) из центрального аппарата были уволены все грузины. Что же касается белорусов, то их не выделяли, и никаких различий с русскими не существовало. Никто не рассматривал сотрудника как русского, украинца, белоруса или представителя другой национальности — знали лишь, что кто-то родился в Новосибирске, Киеве или Орше. Я и сейчас не знаю, какой национальности по паспорту легендарный разведчик, бывший начальник Управления «С» — нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР — ныне генерал-майор в отставке Юрий Иванович Дроздов. Знаю лишь, что родился он в Минске, его отец — белорус, мать — русская. Юрий Иванович участвовал в штурме Берлина весной 45-го, руководил спецназом в кабульской операции 27 декабря 1979 года (иначе говоря, в штурме дворца Амина), был резидентом КГБ в Пекине (1964—1968гг.) и Нью-Йорке (1975—1979гг.). В свое время Дроздов работал под прикрытием Юргена Дривса, «двоюродного брата» Рудольфа Абеля, участвовал в его обмене на американского летчика-шпиона Гарри Пауэрса и множестве других операций.

— Проводилась ли вербовка агентуры среди представителей национальных диаспор из числа национальностей, преимущественно проживающих на территории СССР, в том числе и белорусов? Насколько удачно складывалось взаимодействие с такими агентами?

— КГБ не разрабатывал лиц по национальному признаку и соответственно не вел среди них вербовочной работы. Оперативная работа комитета была обусловлена соответствующими статьями тогдашнего УК.

— Как велась работа КГБ, направленная против находящихся в Западной Европе и США антисоветских националистических организаций: русских, белорусских, украинских?

— После войны КГБ проводил активную работу против зарубежных антисоветских националистических организаций, главным образом, военизированных формирований, которые в то время поддерживались и частично финансировались ЦРУ США и другими западными спецслужбами. Примерно к концу 50-х — началу 60-х годов работа КГБ против всех таких формирований, включая украинские, латышские и литовские, практически была закончена. Они либо прекратили свое существование, либо из-за малочисленности не представляли угрозы безопасности СССР. Белорусские же зарубежные националистические организации находились в послевоенный период в Западной Германии, но были малочисленные, малоактивные. За ними велось лишь наблюдение.

— Вашингтонская резидентура, в которой вы работали, занималась Ли Харви Освальдом?

— Наша резидентура Освальдом не занималась. Более того, до убийства президента Кеннеди не знала даже его имени. Консульский отдел посольства СССР в США в 1963 году отвечал на письменную просьбу супругов Освальд (Марины Прусаковой и Ли Харви Освальда) о возвращении в СССР — в Минск или Ленинград. Но просьба не была удовлетворена. Эту переписку посол Добрынин, кстати, передал американской стороне.

— В чем, на ваш взгляд, причина того, что во времена СССР перебежчиками в основном были сотрудники КГБ и ГРУ, а не люди гражданские?

— Мне кажется, вы слово «перебежчик» в данном случае трактуете широко, подразумевая как завербованных спецслужбами агентов, так и лиц, которые не были агентами, но перешли на сторону противника. Но правильное определение важно для правильного ответа, хотя суть у них одна — предательство.

Все сотрудники спецслужб являются носителями секретной информации и в силу этого представляют особый интерес для противоположной стороны. Они, находясь за границей, в случае расшифровки становятся объектами активной агентурной разработки, которая может преследовать различные цели: вербовка, склонение к невозвращению, компрометация, высылка из страны пребывания и т.п. Но из числа представителей гражданских структур лишь руководящие лица владеют секретами.

Как стало известно в последние годы, многие предатели тех лет были завербованы на компрометирующих материалах, которые могли и не сработать, если бы вербуемый не проявил слабость или трусость. Другие продавали государственные секреты, пытаясь нажиться. Но никто из них (это отмечают даже руководители американских спецслужб) «не перешел на сторону противника по идеологическим соображениям: у них у всех были проблемы психологического порядка».

И кроме всего прочего, разведка во времена холодной войны находилась на передовых позициях, где потери неизбежны. ФБР даже в наши дни, уже после дела Хансена, открыто признало, что «шпионы в среде американских спецслужб были и будут всегда, ликвидировать шпионаж невозможно».

— В конце июня Московский городской суд заочно приговорил Олега Калугина к 15 годам заключения в колонии строгого режима и лишил его воинского звания генерал-майор в отставке и правительственных наград. Вы вместе с Калугиным работали и даже написали про него книгу. Чем, на ваш взгляд, обусловлено предательство генерала?

— Предательство Калугина, по моему твердому убеждению, вызвано желанием наживы. Он был завербован нью-йоркским отделением ФБР в 1958-м или 1959 году после годичной стажировки в США в Колумбийском университете по программе культурного обмена между нашими странами. Калугин сам вышел на контрразведку и предложил свои услуги. Он, кстати, уже однажды был осужден, затем оправдан. Но сейчас правда восторжествовала: этот предатель, проживающий в США, приговорен по ст. 275 УК РФ, предусматривающей наказание «за государственную измену, то есть шпионаж, выдачу государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности РФ, совершенное гражданином РФ».

— Вы долгое время работали в так называемом божьем отделе, были связаны с вербовкой агентов из числа представителей Русской православной церкви. Много ли в ней осталось осведомителей ФСБ — КГБ? Есть ли они сейчас вообще? Проводилась ли работа по дискредитации православия или католичества?

— Сейчас оперативная работа среди священнослужителей и по церквям в целом ФСБ (про белорусский КГБ не знаю) не проводится. Исторически работа по "церковникам" сложилась при становлении Советской власти, когда среди них было немало лиц, крайне враждебно настроенных к новой атеистической системе. Поэтому главной задачей работы органов госбезопасности в этой среде и тогда, и позднее являлось выявление антисоветски настроенных лиц. Органы не занимались дискредитацией религий, не вникали в культовые дела церквей и в их управление. Правда, по-разному в разное время к этим вопросам имели отношение исполнительные государственные органы — советы по делам религии, осуществлявшие государственную политику по отношению ко всем религиям.

— Как вы считаете, существенно ли ослабла после развала СССР деятельность по вербовке агентов органов госбезопасности России и Беларуси за рубежом? Когда разваливается одна общая спецслужба и появляются новые, как показывает история, появляются и агенты- «двойники».

— Как мне представляется, после любой реорганизации, тем более в органах внешней разведки, процесс становления происходит с определенными потерями. Известно, что внешняя разведка России к настоящему времени полностью восстановила свой потенциал. Ничего не слышал о белорусской внешней разведке, и, видимо, это хорошо. Значит, если она работает, то работает аккуратно.

А двойные агенты, конечно, всегда представляют опасность в вербовочной работе любой разведки. Уйти от них практически невозможно, но ограничить их приобретение вполне реально. Это зависит от квалификации разведчиков, которая появляется в процессе обучения и работы своей и дружественных разведок. Когда работа ведется профессионально, то «подставы» агентуры не решают задач противника.

— Часто ли вы бываете в Беларуси?

— Во время учебы в Москве я приезжал к родителям на каждые летние и зимние каникулы. После того как отец и мать умерли, в Минске остался жить мой двоюродный брат, которого я также периодически навещал. Последний раз был в белорусской столице в 1990 году. Однако столь длительное отсутствие на мое теплое отношение к Беларуси никогда не повлияет.

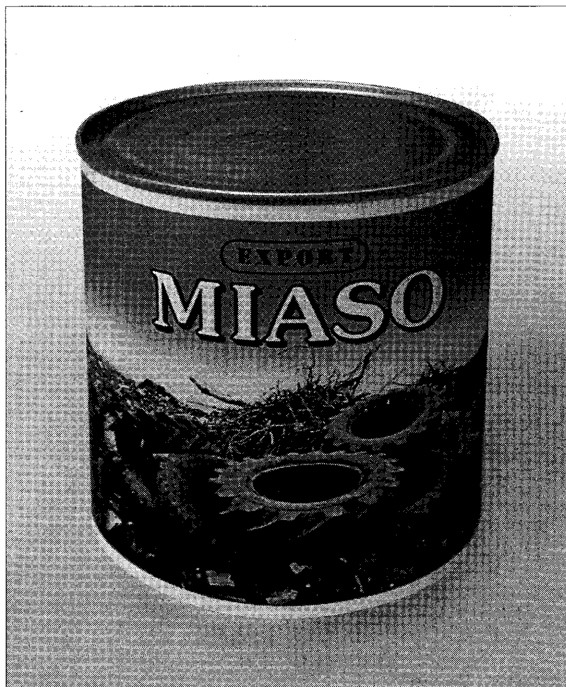
УТОЧНИТЬ

Мусорное дело

КГБ знает, как зарабатывали свои первые миллионы первые белорусские олигархи, но документальные свидетельства, скорее всего, уничтожены

Сергей Сацук

Материалы этого уголовного дела вряд ли можно найти в архивах страны. По крайней мере, по словам очевидцев, они уничтожены. Тем не менее достоверно известно, что в более чем в 20 томах были собраны свидетельства и факты того, как в смутные времена развала Советского Союза партийные боссы СССР и БССР сколотили себе огромное состояние, провернув грандиозную по тем временам аферу. Миллионы зарабатывались там, где «немецкие капиталисты» думали эти миллионы потерять...

Мясной прииск

Началось все с обычного факта. В начале 1991 года сотрудники РОВД г. Борисова задержали на городском рынке людей, которые торговали некондиционной тушенкой импортного производства. Банки консервов были обшарпанными, кое-где вогнутыми и даже грязными, словно их, как картошку, в поле собирали. Позже выяснилось, что милиционеры были в своих предположениях не так уж далеки от истины: задержанные рассказали, что банки с тушенкой они выкопали на свалке города Жодино, где такого дефицита — тьма...

Около 500 банок импортной тушенки удалось выкопать еще относительно целыми — их отвезли в здание Жодинского ГОВД. Оставшийся товар, который даже не поддавался исчислению, просто смешали с землей и под страхом привлечения к уголовной ответственности запретили населению даже близко приближаться к свалке. И было отчего.

Как оказалось, поначалу немецкая тушенка появилась, как положено, в магазинах Жодино, и горожане покупали ее очень активно. Но внезапно по городу поползли слухи, будто эта тушенка и не тушенка вовсе, а консервы для собак, да к тому же еще и испорченные. Покупательский спрос на дефицитный товар упал, и в один прекрасный день тушенка совсем исчезла с продовольственных прилавков. Позже выяснилось, что сомнительные консервы самосвалами вывезли на свалку и с помощью экскаваторов и бульдозеров закопали в землю.

По факту обнаружения мясного прииска было возбуждено уголовное дело, а так как в то время действовал указ Михаила Горбачева, согласно которому все поставки продовольствия в страну курировал Комитет госбезопасности, то расследование поручили старшему следователю по особо важным делам КГБ БССР подполковнику Владимиру Козловскому.

Мусорная благодать

В 1990 году, после объединения ФРГ и ГДР западные немцы принялись возвращать свои фабрики и заводы, расположенные в Восточной Германии. Препятствий этому никто не чинил. Но — вот беда! — фабрики и заводы бывшей ГДР оказались под завязку затоварены продукцией, которая не выдерживала конкуренции с западной и в новых реалиях даже даром никому была не нужна. Более того, чтобы начать реконструкцию производства и наладить выпуск дешевых и высококачественных товаров, владельцам «заводов, газет, пароходов» требовалось избавиться от залежей ненужного хлама. Учитывая бережное отношение немцев к экологии, утилизация грозила многомиллионными потерями. Причем, как оказалось, особенно сложно и дорого было утилизировать легковые машины «Варбург» и дефицитные у нас мясные консервы. Кстати, это была вовсе не «собачья» тушенка. Просто консервы, которые до объединения Германии восточные немцы спокойно употребляли в пищу, вдруг стали никому не нужны. Чтобы хоть как-то их пристроить, немцы решили реализовать их хотя бы как корм для животных. Но, увы, и в данном качестве консервы не нашли спроса. Кроме того, истекал срок хранения продукта. В общем, трата денег на утилизацию была неизбежной. Но неожиданно на помощь немцам пришел «великий советский народ», вернее, та его деловая верхушка, которая появилась с началом перестройки. Новая деловая элита Москвы предложила взять на себя труд по утилизации ненужного товара. Причем за свои услуги запросила совсем немного.

Своеобразным «мусороперерабатывающим заводом» стали Беларусь и несколько российских регионов. Тушенку, чтобы замести следы, не сразу поставляли из Германии. Сначала ее складировали почему-то в Челябинске и других отдаленных городах России и только затем уже развозили по пунктам назначения. Первый вагон тушенки, который прибыл в Жодино, разошелся мгновенно: люди едва не дрались, стоя в очередях. Одновременно на город со всех сторон градом посыпалась и иная немецкая «мусорная» благодать: машины «Варбург», джинсовые куртки, брюки, свитера... Все это хлынуло таким потоком, что некоторым простым членам КПСС, всю жизнь простоявшим у станка, в те времена казалось, что в стране наконец-то наступает долгожданный коммунизм. О том, что Беларусь превратилась в обычную свалку и на этом еще кто-то очень хорошо зарабатывает, многие, конечно же, не подозревали.

Святая троица

Поставки импорта из бывшей ГДР велись практически на весь СССР, но ни один регион не мог сравниться с теми объемами товара, которые поступали к нам, где главными рынками сбыта (в переводе штук товара на количество населения) стали Смолевичский район и Жодино. Такой выбор не случаен. Это — белорусская глубинка, достаточно удаленная от Москвы, чтобы не мозолить глаза особенно любопытным, но и достаточно близко расположенная к Минску, чтобы держать под контролем весь процесс. Контроль же осуществлял КГБ СССР, вероятно, руководствуясь все тем же указом Михаила Горбачева. Впрочем, по иронии судьбы, именно белорусские чекисты стали единственными, кому удалось хоть немного пролить свет на эту грандиозную аферу.

Итак, испорченная тушенка всплыла на свалке. В первый же день расследования КГБ БССР поставил Москву в известность о случившемся. Реакция была холодной, но белорусские чекисты принялись за раскрутку дела довольно рьяно. Имеются в виду те, кто вел следствие, а вот руководство КГБ БССР по совету московских товарищей сразу же дистанцировалось от громкого дела, честно предупредив руководителя следственной группы: в случае чего — вы работали сами по себе, на свой страх и риск. Опасения «умного начальства» теперь понятны. Как рассказал нам один из следователей, «там наворовали столько денег, особенно Москва»...

Впрочем, и белорусы не отставали. Следственной группе КГБ в короткое время удалось выявить трех основных операторов, через которых в Беларуси и организовывался сбыт импорта, а также вскрыть схему махинаций. «Пионером» в этом деле оказался колхоз (назовем его «Парижский коммунар»), где председательствовал зять тогдашнего большого цековского начальника. Вскоре эстафету подхватили районный торг и крупное производственное объединение. Все они работали по одной и той же схеме.

В 1990 году немецкая фирма «Гасанлаген» (точность названия не гарантируем, так как документы по делу уничтожены, а свидетели могли его и подзабыть. — С.С.) строила в СССР газопровод. Строила в счет погашения кредита, который Советский Союз выделил немцам, чтобы они могли войти в долю. Фирма «Гасанлаген» через Внешэкономбанк СССР в Москве перечисляла марки, которые должны были идти на оплату работы немецких специалистов и немецкой техники. Однако все расчеты с немецкими строителями велись через непримечательное отделение Промстройбанка в селе Березовка Пермской области. С этим же отделением, как выяснилось, работали и поставщики импортного «мусора». По оперативным данным белорусских следователей, отделением заправляла родственница Бориса Ельцина. Правда, подтвердить или опровергнуть эту информацию чекистам не удалось — их и на пушечный выстрел к банку не подпустили. О выемке каких-либо документов и получении ответа на обычный запрос, как они утверждают, не рассчитывали. Именно поэтому роль этого сельского банка в многомиллионной «импортной истории» можно отследить только со стороны Беларуси.

Стиральная машина

Теоретически следователи вычислили, что схема работы была следующей. Под поставку, например, мясных консервов, джинсовых курток или автомобилей «Варбург» колхоз «Парижский коммунар» или районный торг брали огромные по тем временам кредиты — 10, 20, 50 миллионов рублей. Но товар-то поступал в СССР как бесплатный. Есть даже подозрение, что нашим должностным лицам немцы доплачивали — только забирайте и избавьте от необходимости мучиться с утилизацией. Но с помощью липовых договоров документально это выглядело по-иному: за кредит закуплены немецкие товары, а деньги переведены на счета фирмы «Гасанлаген» (впоследствии по этим эпизодам следствие возбудило уголовное дело по контрабанде). Таким образом, все деньги, которые немцы перечисляли через Внешэкономбанк СССР в Москве и которые должны были использоваться для строительства газопровода, оставались в полном распоряжении москвичей. Причем их законное происхождение ни у кого не вызывало сомнений.

Кстати, в отличие от колхоза и торга производственное объединение работало не с кредитами, а с поставками техники, но в остальном схема была такой же.

Что позволено Юпитеру, то позволено и...

Историки констатируют, что 1990-1991 годы — это время роста национального самосознания. Поэтому очень скоро и колхоз «Парижский коммунар», и ПО, и торг сообразили, что совсем необязательно работать на Москву. И после такого прозрения у наших, похоже, наступили действительно золотые времена.

Работали по той же схеме. ПО, например, поставляет партию машин в Челябинск. Оттуда перечисляют деньги, а затем отправляют партию консервов или другого товара. Дальше деньги, которые поступили в качестве оплаты за машины (чистые деньги!), уходят налево, а на их место поступает выручка от продажи импортного ширпотреба. Особенность бизнеса на крупных заводах заключалась еще и в том, что на предприятии существовало так называемое рабочее снабжение. То есть все товары реализовывались не через торговую сеть или систему кооперации, а через заводские структуры без какого-либо жесткого учета. Рабочее снабжение позволяло, к примеру, продавать импорт не только за наличные деньги, но и в счет заработной платы работников предприятия. А это, в свою очередь, облегчало задачу по отмыванию денег. Как выяснили следователи, через некоторых заводчан таким образом проходили невиданные даже для целой семьи объемы импорта, которые исчислялись десятками тысяч советских рублей.

Бесславный конец

Дело, которое раскрутил следственный отдел КГБ БССР, обещало быть одним из самых громких на закате существования СССР. Встал вопрос о предъявлении обвинения конкретным людям, среди которых, конечно, были должностные лица и колхоза, и торга, и завода, и нескольких посреднических структур. Следствию удалось добраться даже до нескольких московских кураторов проекта. Всего на первом этапе планировалось предъявить обвинение приблизительно 10 фигурантам, а сколько их должно было всплыть позже — никто не мог предположить. Как не могли из-за невозможности получить доступ к банковским счетам и подсчитать истинных объемов аферы. Известно лишь, что только в результате одной операции по поставке импорта через колхоз «Парижский коммунар» получалась прибыль до 150 млн немецких марок. Производственному объединению одна такая сделка обходилась в среднем в 5 дорогостоящих машин. А таких операций за год только в Беларуси было осуществлено более двух десятков. Вот и считайте!

Когда встал вопрос о предъявлении обвинения конкретным лицам, руководитель следственной группы лично отправился в Москву. Он пробыл там более недели, но так и не смог ничего добиться. К тому времени Союз уже начал трещать по всем швам, и никто не рискнул «таранить» новые российские ворота и навлекать на себя гнев Бориса Ельцина. После неудачи в Москве следственная группа попробовала пробить стену в Минске, рассчитывая начать с директора торга и других мелких сошек, а затем понемногу продвигаться дальше. Но и здесь белорусских чекистов ждала неудача. Директора торга скоропостижно уволили, убрав с глаз долой, а руководителя следственной группы тут же вызвал на ковер зампредседателя КГБ БССР и потребовал немедленного прекращения уголовного дела. Спор с руководством закончился тем, что следователь бросил на стол зампредседателя все тома дела, а сверху — в знак протеста — положил заявление об отставке.

Судьба этого уголовного дела и судьба руководителя следственной группы решались более полугода, хотя, по большому счету, дело можно было уничтожить в течение нескольких минут. Но руководители КГБ опасались, что упрямый подполковник мог сделать копии и спрятать где-нибудь, чтобы затем предать дело огласке. Только когда заинтересованные люди убедились, что копий документов не осталось, Козловскому оформили пенсию и отпустили с миром. Именно по этой причине мы не можем назвать конкретного зятя конкретного секретаря ЦК КПБ, который возглавлял конкретный колхоз. Именно поэтому мы не можем назвать конкретного районного начальника и конкретных директоров, которые ворочали этими конкретными деньгами. Эти люди, как вы понимаете, теперь очень блюдут свои честь, достоинство и деловую репутацию. Им, конечно, привычнее ходить по судам в качестве истца, а нам не хочется выступать в качестве ответчика.

ДОЛОЖИТЬ

Темные грани «Алмаза»

Ирина ХАЛИП

Приблизительно месяц назад глава государства отказался от услуг одного из самых своих любимых спецподразделений. Бойцы «Алмаза», несколько последних лет сопровождавшие главу государства, от этой почетной обязанности отстранены. Как выходят в фавориты и почему за горячей любовью следует опала? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к истории.

Странная это штука — история, изложенная на бумаге: читаешь и себя не узнаешь. Есть, к примеру, такая книжка «Солдаты антитеррора», выпущенная в прошлом году специально к 10-летию спецподразделения «Алмаз». Книжка уникальна тем, что является едва ли не первой попыткой обстоятельного рассказа, как создавался, развивался и рос один из самых известных отрядов специального назначения. Но, увы, те, кто рос вместе с «Алмазом», просто в недоумении от этого «сладкого чтива». В их понимании история должна быть правдивой. Потому они решили дополнить и уточнить автора.

Что в имени тебе моем?

Абсолютная правда — то, что «Беркут» (ныне «Алмаз») в 1991 году создавался для подавления восстаний в местах лишения свободы. Но этих самых восстаний было, слава богу, совсем немного. Вероятно, поэтому дальше в тексте — пропаганда хорошего советского образца. И она требует уточнения, потому пойдем прямо по цитатам.

«С 1994 года оно (спецподразделение. — **Прим. здесь и далее И.Х.**) *преобразуется в отряд специального назначения МВД, сфера его деятельности заметно расширяется. Подчиненный тогда лично министру внутренних дел, а потом начальнику Главного управления криминальной милиции МВД отряд выполняет самые сложные задачи, связанные с предотвращением и ликвидацией терактов, освобождением заложников, задержанием вооруженных групп и так далее».*

Формальная подчиненность, как рассказывают бойцы, именно такой и была. Правда и то, что функции отряда со временем расширились. Бойцы рассказывают, что как раз в то время спецподразделение стало исполнять роль «куратора» (мягко выражаемся, заметьте) всевозможных коммерческих структур. По крайней мере, ветераны «Алмаза», вспоминая те годы, говорят, что около половины всех вызовов спецподразделения было связано с «отбиванием» дружественных фирм от наездов государства или бандитов. К примеру, существовала в те времена (а может, и сейчас существует) некая фирма «Бекс», которая занималась продажей промышленных алмазов. «Курировать» фирму — то есть обеспечивать безопасность, решать возникающие с бандитами либо правоохранительными органами проблемы — командир отряда, а ныне министр внутренних дел Владимир Наумов назначил своего тогдашнего заместителя, теперешнего командира «Алмаза» Александра Чуханова. Можно, конечно, предположить, что это была безвозмездная шефская помощь... Ну так и напишем по наивности! Кстати, по одной из версий, именно благодаря этому сотрудничеству у отряда появилось новое имя. Ведь по всему СНГ в то время были сплошные «Беркуты», «Витязи», «Кобры» и прочие героические персонажи. Не в память ли об удачном проекте мы сегодня имеем «Алмаз»?..

В качестве примера расширения сферы деятельности спецподразделения бойцы приводят и такую историю. На презентации «РиМи-Авто», представительства BMW в Минске, один пришедший по приглашению руководства фирмы крупный чиновник случайно увидел Владимира Наумова в роли начальника охраны мероприятия — командир бойко расставлял по стратегическим точкам своих подчиненных из «Алмаза». Чиновник возмутился и «стукнул» куда следует. Однако Наумов, судя по всему, пал в ноги тогдашнему министру внутренних дел Юрию Захаренко. По крайней мере, Захаренко по доброте душевной замял эту историю.

Родитель

«Вспоминая восьмилетний период руководства подразделением, Владимир Владимирович был откровенен: «Я счастлив тем, что удалось создать «Алмаз». О таком подразделении мечтал с детства».

Как выясняется, вовсе не Владимир Владимирович создавал «Алмаз». Скорее, его заместители. Те же Александр Чуханов и Михаил Бирюков. Все они являлись выходцами из ГРУ, морской пехоты, спецназа внутренних войск. А Владимир Наумов был обычным «пэпээсником» (патрульно-постовая служба) и комсомольским работником, имевшим смутное представление не только о специфике работы подобных подразделений, но и о пистолете «Глок-17», которым вооружены «алмазовцы».

Участвовать в спецоперациях поначалу Наумов вообще не слишком любил. Бойцы «Алмаза» по сей день, едва заходит речь об одной операции 1994 года, начинают хохотать, как те зеки в камере, едва звучит фраза «анекдот номер 23». Быль это или небыль, пусть они уж в «Алмазе» сами разберутся, но историю эту рассказывают каждому новому бойцу. А дело было так. В 1994 году брал отряд вооруженного рецидивиста, который заперся в частном доме и отказывался открывать дверь по требованию милиции. Милиционеры вызвали на подмогу «Алмаз». Группа заняла позиции, и в наступившей, как это бывает перед битвой, тишине кто-то из бойцов спросил: «А где командир?» Другой отозвался: «Он по грядкам уполз!..»

Будем считать, что это — шутка такая. Но она, видимо, дошла до командира. И Владимир Владимирович решил, что изрядно пошатнувшийся авторитет нужно срочно чем-то подпереть, дабы не хихикали бойцы при появлении начальника. Они же рассказывают, что в 1995 году Наумов решил все-таки принять участие в спецоперации. Аккурат и повод подвернулся — профилактические мероприятия по лицам кавказской национальности: это, как вы понимаете, облавы, проверки документов, «всем на пол!» и так далее. Перед домом, в котором кавказцы жили в большом количестве, Наумов отдавал последние распоряжения. И вдруг из подъезда выходит человек с характерной кавказской внешностью. Владимир Владимирович скомандовал: «Стоять!» Кавказец обернулся, подумал и спокойно ответил незнакомцу: «Пошел ты на х..!» (не сообразил, видимо, что перед ним боевой командир). А потом тихо-мирно зашагал прочь. Командир беспомощно обернулся к бойцам: ну сделайте же что-нибудь! Бойцы тут же скрутили горского бунтаря. В общем, дебют в роли героя (надо же, какая досада!) у Наумова провалился.

Но он не расстраивается и предпринимает вторую попытку. В том же 1995 году «Алмаз» задерживал группу вымогателей. Что называется, брали с поличным. Операцию провели быстро, всех благополучно, без крови, уложили на пол. Такова, кстати, тактика проведения подобных операций — на пол лицом вниз кладут сразу всех: и преступников, и потерпевших, ну а потом уже разбираются, кто есть кто. В тот раз, через несколько минут после того, как все были уложены, в квартиру ворвался сверкающий очами и жаждущий подвигов командир. От неожиданности один человек на полу — жертва, кстати — пошевелился. И Владимир Наумов начал с чувством «успокаивать» его ногами. Бойцы зашипели: «Владимирыч, ты че, это ж терпила...»

Не подумайте только, что Владимир Наумов — это некий кровожадный монстр. И об этом тоже стоило написать в книжке, чтобы народ знал: «солдаты антитеррора» — это тоже люди, и они не железные. Вот бывший командир «Алмаза», а ныне министр внутренних дел, например, не переносит боли и боится крови. На всех спецоперациях, в которых Наумову все-таки приходилось принимать участие, он, отворачиваясь, обходил места, где (опять же в силу специфики работы) бывала и кровь. Он бледнел... А однажды во время тренировки в спортзале бойцы увидели своего командира прыгающим со скакалкой... Но почему-то с каской на голове. «Должно быть, новый утяжелитель», — наивно подумали «алмазовцы». И также наивно спросили: «Владимирыч, а каска для чего?» Командир не менее наивно ответил: «А чтоб скакалка по голове не била»...

Прямое попадание

«К примеру, в упражнении «террорист с заложником» один из наших снайперов с трехсот метров выбил максимально возможное количество очков... Кроме названного упражнения сотрудники «Алмаза» оказались лучшими в «снайперской дуэли».

Можно даже не сомневаться, что на соревнованиях так оно и было. Но вот что осталось за кадром этого фильма про хороших парней. Некоторые скелеты из шкафа мы, впрочем, уже извлекали — например, о том, как во время проверки оружия в 1994 году Владимир Наумов случайно прострелил себе палец, мы писали еще в первом номере. Но подобных случаев неосторожного обращения с оружием было немало. К примеру, в 1993 году на полигоне наводчик БТР — опять же случайно — дал очередь прямо в открытый люк. К счастью, пули срикошетили, и в результате пострадал только один боец, находившийся в бронетранспортере. Обошлось без трагедии: боец выжил.

В 1997 году во время тренировки другой боец был ранен в голову. Пуля прошла навылет. Но парень оказался везучим, а пуля — антирикошетной, благодаря чему боец тоже остался жив.

Бесспорная заслуга Владимира Наумова с государственной точки зрения состоит в том, что он каким-то образом умудрялся «тихарить» все эти истории. По крайней мере, ни в прессе, ни на всевозможных совещаниях у высшего начальства они не всплывали.

Брат ты мне или не брат?

«История «Алмаза», к счастью, не знает гибели сотрудников, но ушедшие по инвалидности были. Забота о них — еще одна святыня».

Профилактические мероприятия с собственной историей

Ну уж насчет святыни — это полная брехня. Тех пострадавших во время тренировок бойцов, о которых написано чуть выше, и других, о которых мы здесь не пишем, увольняли из отряда и мгновенно забывали об их существовании. Никакой помощи от «Алмаза» никто из них больше не видел. Доказательство тому — боец Валерий Игнатович, уволенный из «Алмаза» по инвалидности из-за «компрессионного перелома позвоночника», а позже ставший известным «благодаря» громкому делу о похищении оператора ОРТ Дмитрия Завадского. Думаете, Владимир Наумов хоть раз поинтересовался судьбой Игнатовича?.. Как же! Некоторый интерес к бывшему бойцу Наумов проявил только тогда, когда об Игнатовиче в связи с известными обстоятельствами начали писать газеты. Причем интерес экс-командира проявился исключительно в чтении тех самых газет. Говорили, правда, что Наумов встречался с Игнатовичем в СИЗО, но сам командир это отрицает...

Не хотелось бы бросаться в ложный пафос и сослагательное наклонение, но вопрос, что могло бы быть с Игнатовичем, отнесись к нему руководство более внимательно, не вышвырни парня после травмы на улицу, иногда появляется. Просто у меня нет на него ответа, как и на сотни иных вопросов.

Большая семья

«Не стоит лукавить: у любого из руководителей и сотрудников была и остается великолепная возможность делать «большие деньги» на обучении по высшему разряду частных телохранителей. Но даже при реальной перспективе заиметь для нужд подразделения кучу долларов «алмазовцы» — принципиальные противники такого «бизнеса». Во-первых, потому что СПБТ — не колледж для вышибал. Во-вторых, нравственные устои коллектива не позволяют относиться к кому-то из граждан лучше, и наоборот. Чего порой так добиваются отдельные деляги...»

Не знаю, как насчет «отдельных деляг», но факт остается фактом: многие бойцы переходили из «Алмаза» на работу именно в криминальные структуры. Несколько человек и по сей день занимаются рэкетом в Польше, так сказать, «на большой дороге». Несколько бойцов ушли прямо из «Алмаза» в охрану небезызвестного вора в законе Щавлика. Бывший боец Анатолий Емельянов работал телохранителем еще одной известной личности — Кондраша.

Потом, кстати, этого Кондраша задерживали как раз-таки «алмазовцы». Да и многие другие сюжеты в истории «Алмаза» закольцовываются: так, осужденного сейчас Максима Малика задерживали свои же, коллеги по отряду.

По нашим подсчетам, сегодня около десяти бойцов «Алмаза» сидят в тюрьме. Вот только некоторые фамилии: Игнатович, Малик, Городецкий, Лифанов, Ивашко... Едва ли не все — за убийства. Еще около десяти дел (тоже поначалу связанных с обвинениями в тяжких преступлениях) удалось замять. Бойцов, правда, вышвыривали из отряда сразу же, как только появлялись проблемы. И неважно, со здоровьем или с правоохранительными органами. Потому в «Алмазе» может быть иная статистика.

Засада

«В начале 1999 года основателя и бессменного командира «Алмаза» полковника Владимира Наумова назначили начальником Службы безопасности президента Беларуси».

Вот это — чистейшая правда. И с тех пор, как Владимир Наумов ее возглавил, «Алмаз» был привлечен к охране Александра Лукашенко. Во всяком случае, в поездках по Беларуси главу государства сопровождали две «алмазовские» группы на двух микроавтобусах — группа прикрытия и снайперы. Проявить свой высокий профессионализм им за это время, к сожалению (или к счастью?), не удалось. Но почему-то ровно месяц назад Александр Лукашенко отказался от услуг «Алмаза». Теперь те же функции выполняют «Альфа» и СОБР.

Судя по всему, Лукашенко окончательно разочаровался в «Алмазе». Хотя посещение базы этого спецподразделения — в его ближайших планах. Равно как и визиты в марьиногорский спецназ и «Альфу».

Кстати, в части N3214 (ославившаяся база СОБРа, вотчина Дмитрия Павличенко) он уже побывал. Что это? Особое пристрастие к спецподразделениям? Страх за собственную жизнь? Осознание шаткости своего президентского кресла и полной неизвестности будущего? Свои версии можете присылать по почте — интересная может получиться дискуссия.

Допросить с пристрастием

Тайна черной папки

Александр НИКОЛАЙЧУК

По нашим данным, в поиске убийц главного контролера по Могилевской области Евгения Миколуцкого наметился новый поворот. С самого начала наша газета утверждала, что повесившийся в камере бывший сотрудник КГБ Валерий Ткачев и приговоренный к длительному сроку заключения Виктор Янчевский вряд ли имеют отношение к этому преступлению. Но белорусский суд посчитал иначе и назвал исполнителями убийства именно их. Однако, возможно, в ближайшее время «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами» Янчевского придется выпускать на свободу. Есть информация, что правоохранительные органы России вышли на киллера, который выполнял заказ в Беларуси. Нам удалось получить неофициальные подтверждения, что заказ был связан именно с Могилевом и что киллер — бывший сотрудник спецслужб. Других подробностей пока нет.

Архив «БДГ»

Спецслужбы всех стран, объединяйтесь!

Истина где-то рядом

Еще на протяжении пяти лет материалы расследования убийства руководителя службы Госконтроля по Могилевской области Евгения Миколуцкого будут спрятаны от людских глаз в спецархивах правоохранительных органов. Однако, несмотря на все меры предосторожности, предпринимаемые стражами правопорядка для того, чтобы подробности заказного убийства не стали общедоступными, информация просачивается. Так, в прошлом номере мы рассказали, что Алла Миколуцкая, супруга убитого, во время закрытого судебного заседания утверждала, что после того рокового взрыва была в сознании и все помнит. Помнит, как через несколько минут после взрыва в подъезде дома появились представители правоохранительных органов и что она просила оказать помощь, но высокие чины переступали через нее и бежали в квартиру Миколуцких искать какую-то черную папку... Мы заинтересовались, о какой папке идет речь. И вот что удалось выяснить.

Основными документами, которые рассматривались в суде в качестве подтверждения выдвинутого следствием мотива убийства Евгения Миколуцкого, стали результаты проверки Бобруйского гидролизного завода. Но ни Ткачев, ни Янчевский к заводу, спирту или чему-то подобному отношения не имели. Потому следствие и суд определили их как исполнителей преступления, а заказчика пообещали найти позже. Заказчик, напомним, так и не нашелся. Правда, позже руководящая верхушка Бобруйского гидролизного завода была арестована, но потом отпущена под подписку о невыезде. Директор завода Дамир Калинкин сразу после этого скрылся в неизвестном направлении. А судья, санкционировавший Калинкину изменение меры пресечения, по нашим данным, также спешно уехал из Беларуси. Еще позже над руководителями БГЗ более низкого звена состоялся суд, и все они получили достаточно условное наказание. Это заставляло думать, будто большой шмон в Бобруйске и арест сразу 14 руководителей предприятия — очередная самодеятельность блюстителей закона. Однако, как сейчас выясняется, все не так просто.

Валютный поток

В год убийства Евгения Миколуцкого (1997-й) Бобруйский гидролизный завод являлся едва ли не единственным в Беларуси предприятием, выпускающим сразу два вида спирта: этиловый и технический. По официальным данным, до 1991 года завод ежегодно выпускал 600-700 тыс. дал технического спирта, однако в период с 1996-го по 1997 год объемы производства высокоградусного продукта выросли до полутора миллионов дал в год. При этом, как отмечалось в результатах финансовой проверки предприятия, годовые нужды республики в спирте на тот момент составляли лишь 300-500 тыс. дал. Чем же был вызван такой гигантский скачок в производстве? Как оказалось, значительная часть производимого БГЗ спирта вывозилась на территорию Российской Федерации, где в результате различных афер умельцы сумели наладить многочисленные ликероводочные производства.

«Партнеры» попадали на завод следующим образом. Минсельхозпрод публиковал в СМИ приглашение для участия в тендере по подбору поставщиков давальческого сырья для БГЗ. К участию в конкурсе приглашались все, но особую активность проявляли россияне. В одном из последних тендеров, проводившихся накануне последующих громких событий, о своем интересе к работе с БГЗ заявило 20 фирм, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Однако в конечном итоге количество претендентов на заключение долгосрочного договора с БГЗ сократилось до десяти: вторая половина потенциальных поставщиков была отвергнута из-за банальной нехватки документов в тендерном пакете.

Вышедшие в финал тендера предприниматели начинали поставки из России в Беларусь крупных партий зерна. Так работал не только Бобруйский гидролизный, так работали все спиртзаводы. Но нас в данном случае интересует именно БГЗ.

Как оказалось впоследствии, свободно распоряжаться произведенным из зерна спиртом российские коммерческие фирмы-поставщики, несмотря на все заверения чиновников Минсельхозпрода, так и не смогли. Свободной и неконтролируемой торговле высокоградусным товаром опять-таки препятствовал ряд нормативных документов. Так, к примеру, после завершения процесса выработки спирта завод был вынужден направлять специальный реестр-отчет в Белгосспиртпром. И только на основании данного реестра уже более высокопоставленные чиновники распределяли спирт между поставщиками сырья и заводом. Однако, как считает следствие, в результате серии специальных афер российские поставщики сырья умудрялись перерабатывать на БГЗ во много раз превышающие объемы зерна, нежели те, которые определяло правительственное разрешение. По версии тех же источников, значительное увеличение объемов произведенного спирта администрации гидролизного завода удалось скрыть. Когда правительство предприняло «мудрое решение», в один прекрасный момент вообще запретив отгрузку спирта с белорусских спиртовых предприятий, на БГЗ срочно затоварили склады. После чего в официальный Минск стали поступать отчеты, в которых говорилось, что многие перерабатывающие предприятия находятся на грани полной остановки. Пока длилась эта переписка и продолжались стенания по поводу тяжелого настоящего и рокового будущего спиртовых предприятий, по некоторым данным, на БГЗ работа шла полным ходом: просто российские предприниматели везли левое сырье и в тот же день без каких-либо накладных забирали готовый спирт.

Достоверно известно, что в ходе проведения расследования по факту убийства Евгения Миколуцкого следователи пришли к убеждению, что только за один год Бобруйский гидролизный завод сумел продать налево несколько миллионов дал чистейшего спирта. Причем теневая торговля велась практически в открытую, а о существовании незарегистрированных партий спирта знали многие госчиновники Могилевской области. С большой вероятностью можно говорить, что знал о них и Евгений Миколуцкий. По крайней мере, после своего назначения на должность руководителя областной службы Госконтроля друг президента (это — характеристика, которую дал сам Александр Лукашенко) на протяжении нескольких месяцев активно отслеживал спиртоносные каналы. Мотивы этого интереса спорны: может быть, профессиональный, может быть, личный...

Отвлечение на ложный объект

В любом случае, по словам следователей, в обнаруженной в квартире Миколуцкого черной папке находились подробные раскладки потоков движения спирта на Бобруйском гидролизном заводе. Причем, опираясь на свидетельства очевидцев, документы были настолько основательно подготовлены, что их бы с лихвой хватило для возбуждения против администрации БГЗ уголовного дела. Однако, несмотря на имеющиеся в руках неопровержимые доказательства нечистоплотности, пускать документы в ход Миколуцкий не спешил. Возможно, присматривался, возможно, торговался. Согласно версии следствия, вмешательство в налаженную торговлю представителя контрольной службы подтолкнуло заинтересованных людей к активным действиям. Дело в том (и это уже доказано), что львиная доля российских фирм, работавших в то время с белорусскими спиртзаводами, была под контролем криминальных структур. На основании всего вышеизложенного следователи предположили, что Миколуцкого заказали россияне.

Теоретически можно предположить, что в черной папке Миколуцкого эти заинтересованные лица были названы, нужно было просто вычислить виновных в большом, но конкретном списке. Но все дело в том, что папку действительно видели многие, а вот потом она куда-то исчезла.

Понятно, что провернуть эту операцию мог только кто-то свой. Но кто? Тут существует две версии. Дело в том, что в обыске квартиры госконтролера участвовали представители почти всех силовых ведомств и служб Могилевщины. И некоторые люди утверждают, что папка пропала уже после обыска. Предположительно ее вынес из квартиры кто-то из высокопоставленных чинов задолго до начала официальной описи вещдоков. Однако пришлось беседовать и с теми участниками расследования, которые утверждают, что таинственные документы все же всплывали в ходе следствия и даже какое-то время значились в материалах дела. По этой версии, документы исчезли после одной из выемок бумаг, которые были признаны не представляющими для следствия какой-либо ценности. В любом случае, в финальной редакции уголовного дела, по словам очевидцев, не было ни малейшего упоминания об изъятой папке с компрометирующими администрацию БГЗ документами. Рискнем предположить, что в исчезновении этой папки были заинтересованы самые высокопоставленные чины Могилевщины и белорусского правительства, с позволения которых «спиртовой заводик» работал в обход бюджета на частных лиц.

Статью нашли, заказчика — нет

Откуда черпает информацию людская молва — неизвестно, но в Могилеве после убийства Миколуцкого сразу же заговорили о «спиртовых корнях» этого преступления. Говорили о десятках цистерн, которые задержал Миколуцкий, о том, что он вел переговоры с хозяевами груза на предмет «отступного». Слух затих в один момент: президент неожиданно для всех объявил, что Евгений Миколуцкий — его друг (до этого они в дружбе замечены не были) и что правоохранительные органы должны незамедлительно найти виновных в этом убийстве. А что в наших условиях означает такое указание — понятно, наверное, всем.

Неофициально следователи признают, что для объективности расследования приказ президента стал роковым. Многие сотрудники КГБ до сих пор не верят в виновность своего бывшего коллеги Валерия Ткачева. Однако именно Ткачев, как нельзя лучше, в той ситуации и в тот момент подошел на роль главного белорусского террориста. Тем более что эксперты, анализировавшие это дело, пришли к выводу: потенциальный преступник, заложивший бомбу, в свое время проходил специальную подготовку в спецподразделениях КГБ, ГРУ или ФСБ.

Первоначально следователи считали основной версию, согласно которой киллер имел российское происхождение. Однако указание свыше экстренно предъявить правосудию убийц спровоцировало дальнейшие ошибки. Одно дело, если задача выполнить работу в срок поставлена перед слесарем с завода, и совсем другое, когда первое лицо страны требует срочного завершения расследования от председателя КГБ или же от генпрокурора. В первом случае наказание за неисполненную вовремя работу может ограничиться лишением премиальных либо устным выговором. Во втором — с плеч высокопоставленных чиновников посыпались бы большие звезды... Мы предполагаем, что, не найдя на Могилевщине достойного кандидата на роль террориста, сотрудники КГБ вспомнили о своем товарище Валерии Ткачеве. Ведь, по иронии судьбы, в свое время, уходя из органов, Ткачев обронил ставшую для него роковой фразу: «Вы меня еще вспомните!» Вспомнили. Арестовали. И принялись добиваться чистосердечного признания. Кстати, поначалу многим могилевским гэбистам казалось, что их бывшего коллегу арестовали только ради ценного кладезя информации, которой Ткачев обладал. Ведь он даже не скрывал, что ведет своеобразный «мониторинг» могилевского эфира (у него даже специальный сканер в машине был). К тому же, как свидетельствует знакомый Ткачева — Виктор Янчевский (он стал вторым обвиняемым по делу об убийстве Миколуцкого. — А.Н.), накануне трагических событий Ткачев заявлял, что имеет «бомбу» на могилевские власти — только бомбу информационную.

Ткачева, как вам известно, в результате всех этих следственных хитросплетений нашли в камере повешенным. А уже после этого на мертвого повесили и убийство Миколуцкого, и покушение на жизнь президента. И если сейчас россияне действительно нашли реального могилевского киллера, то... Нет, вряд ли кто-то из высоких чинов будет наказан за то, что подогнал задачку под ответ, и вряд ли кто-то из них извинится перед семьей Ткачева.

Забыть

Фатальный номер «туполевых»

IREX/ProMedia

Андрей АЛЕКСАНДРОВИЧ

У тех, кто рано утром 2 июля включил телевизор, наверняка рухнуло сердце. Сообщение гласило, что в небе над Германией разбился белорусский самолет Ту-154, который столкнулся с грузовым «Боингом-757». Видимо, западные информационные агентства расшифровали аббревиатуру «РБ» как Республика Беларусь, и только потом выяснилось, что есть еще Республика Башкортостан и что разбившийся самолет — башкирский. Впрочем, взаимосвязь с Беларусью позднее тоже обнаружилась — на борту башкирского лайнера оказалась семья наших соотечественников. Однако только специалисты знают, что существует еще одна цепочка, которая связывает страшную авиакатастрофу в германском небе с нашей страной.

Небесный перекресток

Трагедия в немецком небе оказалась очень схожей с катастрофой, произошедшей 11 августа 1979 над Днепродзержинском. Тогда так же, как и в Германии, по ошибке диспетчеров на высоте 9000 метров врезались друг в друга два авиалайнера — Ту-134А — Минского и Кишиневского авиаотрядов. Но самое удивительное другое: бортовой номер одного из тех Ту-134 (65816) лишь на одну цифру отличался от бортового номера башкирского Ту-154 (85816). Но в небе позывными самолетов являются только последние цифры. То есть во второй раз разбился борт 816.

Летчики, как и моряки, склонны к мистицизму и верят во множество разнообразных примет.

...11 августа 1979 года небо над Украиной затянулось густой дымкой, на высоте была плохая видимость. Однако для опытного экипажа Ту-134А Белорусского управления гражданской авиации такие погодные условия считаются вполне нормальным явлением. Следуя курсом Ташкент — Минск, самолет совершил посадку в Донецке и в 13 часов 11 минут по московскому времени вновь поднялся в воздух. Пилотировал Ту-134А экипаж в составе командира корабля летчика 1-го класса Анатолия Комарова, второго пилота летчика 2-го класса Сергея Петросяна, штурмана 1-го класса Николая Шипера, бортмеханика Егора Симакова и бортрадиста Юрия Смирнова. Пассажиров, которых на этом рейсе было 77 человек, обслуживали две бортпроводницы: Людмила Лаптева и Наталья Гапанович. Почти треть салона «тушки» занимала ташкентская футбольная команда «Пахтакор», летевшая в Минск на игру с нашим «Динамо».

Именно о футболистах потом будет лить слезы вся страна. «Пахтакор» будет возрожден за счет прибывших из других клубов спортсменов, в честь погибших кумиров и во благо членов их семей будет сыграно немало благотворительных матчей, а 1-й секретарь ЦК Компартии Узбекистана Рашидов начнет едва ли не личным примером возрождать узбекский футбол. Но что произошло в небе тогда, так и осталось неизвестным для широкой общественности — гриф секретности с соответствующих документов был снят только в 1992 году. И вновь все вспомнили о футболистах. Хотя, как выяснилось, в августе 1979-го летчики стали такими же жертвами, как и пассажиры. От мастерства авиаторов ничего не зависело. Исход был предопределен на земле.

Чуть раньше вылета из Донецка минской «тушки» из Воронежа в Кишинев взлетел однотипный самолет Молдавского управления гражданской авиации с 88 пассажирами на борту. Маршруты белорусского и молдавского лайнеров должны были пересечься, но не состыковаться...

Человеческий фактор

В тот день в Харьковском центре службы управления воздушным движением дежурила смена из семи человек. Несмотря на то, что воздушная обстановка в районе центра обещала быть очень сложной и напряженной, юго-западный сектор достался молодому диспетчеру 3-го класса Николаю Жуковскому, а контролировать его работу с правом вмешательства в управление воздушным движением было поручено диспетчеру 1-го класса Владимиру Сумскому. На шестом часу напряженной работы на связь с харьковским центром вышел молдавский Ту-134А. Командир экипажа запросил разрешение на занятие эшелона 9600 м. Но Жуковский, руководивший полетами в этом секторе, отказал ему, сославшись на то, что на 9600 м идет попутный самолет. На месте Жуковского более опытный диспетчер наверняка «отпустил» бы борт 65816, потому что расстояние между «тушкой» и попутным лайнером было более чем достаточным для безопасного расхождения. Но закончивший два месяца назад училище диспетчер этого не сделал. Вскоре на связь вышел минский экипаж и сообщил свой подписанный эшелон 9600 м. Маршруты полета белорусского и молдавского лайнеров пересекались под прямым углом в районе города Днепродзержинска, причем истинный интервал прохождения самолетами «воздушного перекрестка» составлял менее минуты. Но Жуковский, который неверно нанес на график движения самолетов расчетное время пролета маршрутов, считал, что два Ту-134А по времени разделяют положенные 3 минуты. Поэтому через некоторое время минский экипаж получил разрешение подняться на 8400 м и ждать разрешения на продолжение набора высоты. Два лайнера оказались выведены на один уровень, но неопытный диспетчер не глянул на индикатор воздушной обстановки.

В это время Сумской понял, что происходит нечто неладное. Два Ту-134А — 735-й и 816-й — быстро сближались на одной высоте. Правда, график движения показывал, что интервал между пролетами воздушных судов в точке пересечения воздушных трасс составляет 3 минуты, однако экран локатора говорил совсем другое. Самолеты следовало немедленно развести по высоте. Сумской, забрав у Жуковского микрофон, произнес: «676-й (позывные пролетавшего на 9-тысячной высоте Ил-62) займите эшелон 9600». Спустя 11 секунд была дана следующая команда: «735-й, а вы 9000 займите. Над Днепродзержинском — 8400 пересекающий». В ответ в динамике раздалось: «Понял... (затем нечто неразборчиво), 8400». Позже выяснилось, что ответ прозвучал с Ил-62. Минский лайнер предупреждения не услышал.

Через минуту пилот пролетавшего возле Днепродзержинска «кукурузника» увидел, как из облаков стали выпадать искореженный хвост, кусок крыла, стойка шасси и ... люди. «В районе населенного пункта Куриловка наблюдаю падение частей самолета», — сообщил по рации пилот.

Засекреченная трагедия

По словам бывших руководителей Минского объединенного авиационного отряда, экипаж белорусского Ту-134 был интернациональный. Россиянин Анатолий Комаров лишь недавно переехал в Беларусь из Вильнюса, а Сергей Петросян в мае был прикомандирован в Минск из Ереванского авиаотряда. В те времена ощущался серьезный дефицит и в кадрах, и в технике. Ведь авиасообщения были настолько эффективны, что аэропорт «Минск» отправлял до миллиона пассажиров в год. Поэтому летчиков приходилось приглашать из других республик.

После известия о катастрофе представители Минского объединенного авиаотряда вылетели к месту трагедии. Обломки самолетов были разбросаны на многие десятки километров. Практически сразу появилась версия о вине диспетчеров. Ведь очень сложно на высоких скоростях в облаках увидеть таранящий тебя самолет, тем более что систем предупреждения об опасном сближении у экипажей и диспетчеров тогда не было. Однако все ждали официального заключения специально созданной государственной комиссии. И оно не заставило себя долго ждать. «В процессе технического обслуживания обоих самолетов дефектов, которые могли бы служить причиной летного происшествия, не обнаружено... Техническое обслуживание... проводилось в соответствии с требованиями регламента. В аэропортах «Воронеж» и «Донецк» нарушений по заправке, загрузке и центровке не установлено... На борту ...не имелось запрещенных к перевозке предметов и вещей, способных вызвать аварийную обстановку. Состояние радиотехнических средств, навигации и связи ...не могло оказать отрицательного влияния на развитие событий. Метеообеспечение ...не могло стать причиной катастрофы. В районе харьковского центра 11 августа с 13 до 14 часов запусков шаров-зондов, боевых стрельб и запусков ракет ... не проводилось. Уровень профессиональной подготовки летных экипажей обоих воздушных судов, а также опыт их работы ...не являются причиной авиакатастрофы». Вся вина за случившееся ложилась на диспетчеров. Как гласил приговор суда, «нарушения, допущенные Жуковским и Сумским, привели к тому, что самолеты ТУ-134А N 65735 и N 65816, находясь на одной высоте и на пересекающихся курсах в облаках, в 13 час. 35 мин. 38 сек. столкнулись в районе Днепродзержинска. В результате погибли 165 пассажиров и 13 членов экипажа, государству причинен ущерб на сумму 2.212.862 руб. 68 коп.». Оба диспетчера были наказаны 15 годами лишения свободы.

Все эти документы мы можем цитировать сегодня. А тогда большая страна не хотела особо афишировать большие трагедии. По установленным тогда правилам, подробности авиакатастрофы получили гриф «секретно». Даже родственники погибших не были посвящены в детали произошедшего. Тела погибших были доставлены в белорусскую столицу в цинковых гробах. Экипаж Ту-134А хоронили на Московском кладбище всем авиаотрядом. Только тело Петросяна было отправлено в Армению. Конечно, у всех авиаторов состояние было подавленное. Семьям погибших отряд оказал материальную помощь, выделил квартиры. Авиаторы из собственных средств оказывали материальную помощь детям погибших летчиков. С некоторыми из родственников экипажа Ту-134А представители «Белавиа» встречаются и сейчас.

Мистика памяти

В английском рейтинге — сотни крупнейших мировых авиакатастроф, где место определяется в зависимости от количества погибших Столкновение белорусского и молдавского самолетов занимает «почетную» 37 строчку. (На 1-й — уничтожение нью-йоркских башен-близнецов.) Однако трагедию над Днепродзержинском уже мало кто помнит. Такая вот мистика человеческой памяти.

P.S. Любопытно, что одна цифра отделила башкирский Ту-154 N85816 от другого известного самолета — персональный Ту-154 президента Республики Беларусь имеет N 85815.

Специальная информация

Самые серьезные белорусские авиакатастрофы:

1975 г. 3 января вскоре после взлета из московского аэропорта «Внуково» разбился самолет Ту-124 Белорусского управления гражданской авиации (БУГА), следовавший в Брест. У него отказали основной и резервный авиагоризонты. Погиб 61 человек.

1979 г. Над Днепродзержинском из-за ошибки диспетчеров столкнулись Ту-134А БУГА и Ту-134А Молдавского УГА. Погибли 179 человек.

1982 г. Над деревней Вербовичи Наровлянского района 1 февраля из-за неисправности механизма стабилизатора взорвался в воздухе Як-42, совершавший рейс Ленинград — Киев. Погибли 132 человека.

1985 г. При взлете из аэропорта «Минск-2» из-за остаточного обледенения крыльев и попадания льда в двигатель разбился Ту-134А БУГА. Погибли 58 человек, 22 человека выжили.

1986 г. При попытке совершить посадку в условиях плохой видимости и из-за нарушения диспетчером лексики радиообмена в аэропорту «Шенефельд» (Германия) разбился Ту-134А БУГА, следовавший по маршруту Минск — Берлин. Из 82 пассажиров и членов экипажа 70 погибли.

1988 г. При совершении посадки в аэропорту Сургута из-за плохой видимости разбился Ту-134А БУГА, следовавший по маршруту Минск — Тюмень — Сургут. Посадка лайнера была произведена в стороне от полосы и оказалась очень жесткой. В результате самолет переломился и загорелся. Из 51 человека, находившегося на борту, 20 погибли.

1998 г. Из-за отказа одного двигателя и возгорания второго в 85 километрах от Луанды упал на землю Ан-12, принадлежащий белорусской компании «ТехАвиаСервис» и работавший в Анголе по контракту. Погибли 13 человек, в том числе 5 членов экипажа — белорусов. Не исключается возможность диверсии.

1998 г. Вскоре после взлета пропал с радаров Ан-24 предприятия «Гомельавиа», работавший по контракту в Шри-Ланке и выполнявший рейс Джафна — Коломбо. На борту находились 55 человек, в том числе 4 члена экипажа — все белорусы. Причины исчезновения самолета не выяснены. Предположительно он был сбит ракетой шри-ланкийских экстремистов и упал в море.

Допросить

Станция сомнительного звучания

Дмитрий ДРИГАЙЛО

Эту частоту в белорусском радиоэфире называют «проклятой». Ни с одним белорусским СМИ не было связано столько скандалов, сколько с радиостанциями, работающими в диапазоне 101,2FM. Здесь не задерживаются ни люди, ни проекты, ни деньги... Появился даже термин «проблемный стиль», потому что в смысле проблем радиостанция «Стиль» действительно уникальна.

А.Сергиенко
Говорит, но не показывает

Чтобы вы по достоинству оценили все происходящее в последние годы со столичной FM-станцией «Стиль-радио», назовем только те события, которые достойны того, чтобы быть отмеченными в июле.

Радиостанция стала собственностью Белорусского патриотического союза молодежи. Следовательно, второй соучредитель — департамент по делам молодежи при Министерстве образования, являющийся правопреемником Госкомитета по делам молодежи — собственности лишился.

Новым директором «Стиль-радио» стал офицер КГБ Игорь Огурцов, «стоявший в очереди» без малого четыре года.

В очередной раз становится непонятной дальнейшая участь предыдущего директора радиостанции Александра Грибло.

Минул ровно год с того времени, как был отпущен на свободу прежний заместитель директора «Стиля» Тариэл Майсурадзе.

Аналогичную подборку можно сделать едва ли не по каждому месяцу года, поскольку жизнь частоты 101,2 была богата на события сомнительного звучания.

История вопроса

Все начиналось красиво. В 1995 году к двум уже работающим на частоте 101,2 FM-радиостанциям — «Би-Эй» и «Рокс» — присоединилось белорусскоязычное радио, которое так и назвали «Радио 101,2». Учредителю станции нынешнему президенту Белорусской ассоциации журналистов Жанне Литвиной и генеральному директору Дмитрию Новикову удалось создать коллектив, равных которому по своему объединенному профессионализму и талантливости очень сложно сыскать на просторах нашей синеокой родины. Но «в свете новых государственных тенденций» белорусскоязычное «Радио 101,2» говорило не то и не так. Потому просто не могла не найтись совершенно непреодолимая «техническая причина», по которой радиостанция должна была быть закрыта. Именно так все и получилось — 1 августа 1996 года «Радио 101, 2» замолчало, чтобы уступить место в эфире диаметрально противоположным учредителям, программным требованиям и менеджменту. Слушателям был представлен новый «Стиль» — радиостанция, созданная в соответствии с указом президента и учрежденная Государственным комитетом по делам молодежи и Белорусским патриотическим союзом молодежи (совместно. — **Здесь и далее прим. автора**). В эфир на частоте 101,2 МГц радиостанция вышла 28 июня 1998 года — в День молодежи. Специалисты схватились за голову. Это был доселе невиданный «детский сад»: в эфире — «кислотная» музыка, ориентированная на подростков и недорослей, в студии — ди-джеи, не имеющие опыта работы, а уж что происходило в управленческих кабинетах... Впрочем, об этом мы и поговорим.

История болезни

Первый директор Андрей Кузенков до сих пор возвращает редакции два мобильных телефона. Норштейн — второй директор — пробыл в должности чуть более двух месяцев. Третий директор — Станчик — тоже продержался лишь пару месяцев в должности и.о. директора и перешел в главные инженеры. Потом был Шпилевский — он задержался дольше всех, около двух лет, и запомнился тем, что пообещал сделать станцию самоокупаемой. Козлов — второй рекордсмен, так как директором был всего неделю. А дальше: Гриб, Мартынова, Тальчук, Грибло, вновь Мартынова, вновь Грибло, Огурцов.

Финансирование станции, понятное дело, должно было осуществляться обоими учредителями. А они находились в отношениях, как бы это помягче сказать, не друзья и не враги. Но не это главное: любить друг друга они, в конце концов, и не были обязаны, а вот с деньгами разобраться — дело святое. Ведь что такое был Госкомитет по делам молодежи? Большая касса, выделяющая деньги на различные молодежные программы — информационные, обучающие, развлекательные. Соответственно каждая программа должна пройти три стадии — одобрение, согласование и утверждение. На первой стадии, как вы понимаете, надо представить предполагаемую смету, на последней — получить деньги, на промежуточной — смириться с тем, что запрашиваемая сумма будет урезана. В нашем случае иногда происходило прямо противоположное. Так, например, закупалось техническое оборудование станции. Созданная рабочая группа провела тендер на поставку и установку оборудования. Потенциального поставщика, готового поставить оборудование примерно за 98 тыс. долларов, нашли. Однако технику на полсотни тысяч долларов дороже почему-то купили у другого продавца, в тендере не участвовавшего. Наемные работники, конечно, не всегда любят работодателя и часто грешат несправедливыми обвинениями, но все-таки обращает на себя внимание их мнение по поводу закупленной техники. А оно таково: не стоило оборудование таких денег, не стоило!

Впрочем, наше дело — сторона: водились у госкомитета лишние деньги, нет к его руководителю Александру Позняку претензий у контролирующих ведомств — мы рады за Александра Григорьевича (в смысле Позняка) и всех проверяющих. Тем более что он знал, куда вкладывал. Это вам не бабочек по полям ловить в молодежном лагере, это — эфир, а значит, новости и реклама.

На новостях можно сделать политический капитал, и Всеволод Янчевский, используя весь авторитет, который БПСМ заимел у вице-премьера (а потом и первого замглавы президентской администрации) Владимира Заметалина кинулся отбивать станцию. В свою очередь и Сергей Шпилевский сообразил, что реклама — это не виртуальный бизнес, а реальные деньги, и решил воспользоваться конфликтом между учредителями в свою пользу. В конце лета 1999 года он составил письмо в адрес учредителей и заявил на редакционной «летучке»: «Не нужно нам их финансирование, мы сами будем себя содержать за счет рекламы».

Песня о номере, который не прошел

Заработать деньги у Шпилевского не получилось. Во-первых, с этой станцией рекламодатели почему-то рассчитывались преимущественно бартером. Открывается, например, ресторан — реклама пошла в эфир. Но расчет осуществляется ужинами на определенную сумму. Понятное дело, что ди-джеям ужины не перепадали... Такая же история с обильной рекламой саун. Вообще же, реклама заведений, где могут коротать время достойные люди (а главное, способ расчета за нее), конечно, наводит на размышления, но никто не нашел в этом криминала, и мы не будем усердствовать.

Вторая причина, по которой бизнес-прорыв Шпилевского не удался, — менеджмент. Формат и уровень станции не могли способствовать тому, чтобы на радио пришли серьезные рекламодатели. Да и куда идти, если формат станции так и не был определен, кардинально меняясь приблизительно раз в квартал?..

И наконец, в-третьих, Шпилевский не научился делиться. То есть мы можем предположить, что с нужными людьми не делиться было просто нельзя, а вот сотрудники радио как, извините за стиль, голодранцами на «Стиль» приходили, так голодранцами и уходили.

В общем, к концу «стильной» директорской карьеры Шпилевского радио достигло следующего: за неуплату было отключено несколько телефонных номеров, станция прекратила давать прогноз погоды (опять же за неуплату его перестали предоставлять), образовалась большая задолженность по аренде (около 4 тыс. долларов), а также за передатчик, расположенный в Колодищах... Факс не работал из-за отсутствия бумаги, фонотека не обновлялась в течение полутора месяцев из-за отсутствия денег и т.д. и т.п.

Тандем

В это время (конец 1999-го) при Дворце Республики создавалась еще одна FM-станция, впрочем, умершая, так и не родившись. Название ее было «Эльдорадио-М», а «мотором» — экс-музыкальный редактор радио «Би-Эй», певец, композитор и аранжировщик Тариэл Майсурадзе. В то время было еще непонятно, кому будет принадлежать достраиваемый дворец, а посему вопрос с «Эльдорадио» завис в воздухе. И Майсурадзе клюнул на заманчивое предложение возглавить «Стиль». Одновременно виды на директорство имел майор Комитета госбезопасности Игорь Огурцов (который, кстати, в интервью газете «День» 20 сентября 2001 года прямо говорит, что А.Позняк вел двойную игру, обещая назначить его, Огурцова, директором). Так или иначе, но в определенный момент Огурцову сказали «подожди», а Майсурадзе получил карт-бланш. Причем он согласился работать «за идею», не собираясь увольняться с «Эльдорадио». Поэтому была найдена кандидатура так называемого «компромиссного директора», коим стал Владимир Гриб. Только-только все согласовали, как выяснилось, что учредитель станции — Госкомитет по делам молодежи — назначил директором третьего человека, руководителя компании «Рекорд-сервис» Александра Козлова. «Оплошность» исправили довольно быстро (Козлов, напомним, стал рекордсменом в том смысле, что проработал в должности лишь неделю), и коллективу был представлен все-таки Владимир Гриб. Вместе с ним на радио пришли Татьяна Мартынова и Тариэл Майсурадзе.

И все-таки какое это проклятое место — кресло директора на «Стиле». Гриб не проработал и года, как его заменили. А все из-за того, что он умудрился заключить сомнительный договор с частной фирмой «Евростиль» (ирония судьбы!), по которому все рекламное время передавалось этой фирме. Один из учредителей об этом контракте знал, второй — нет. В итоге разгорелся скандал, жертвой которого и пал Гриб, выполнивший волю одного из учредителей. Вероятно, поэтому его уволили, вручив грамоту за отличную работу от Госкомитета по делам молодежи.

За вакансию вновь разгорелась борьба, поскольку каждый из учредителей предлагал свою кандидатуру. Молодежное ведомство согласовало на пост директора Игоря Огурцова, но бывшему чекисту вновь не повезло — преемницей Гриба стала Татьяна Мартынова. Обиженный учредитель, как это не раз бывало, обратился за помощью к соответствующим службам. И на станцию чередой пошли правоохранители, контролеры и всякие прочие проверяющие.

Только известных нам скандалов, связанных с попытками дачи взятки «за рекламу», в это время прогремело не менее пяти. Мало кто сомневается, что все эти скандалы — результат борьбы за кресло директора радиостанции. Но парадокс в том, что «Стиль» как был неприбыльным, так таковым и оставался. Тем не менее каждая из сторон — и БПСМ, и Госкомитет по делам молодежи — видела свою выгоду в этой должности. Странно так получалось: денег нет, но место хлебное. Пошли аресты. По подозрению в получении взяток оказались в СИЗО и Мартынова, и Майсурадзе. Первая просидела в СИЗО неделю, второй пробыл в тюрьме полгода.

Но ни той, ни другому в конечном итоге вменить ничего не смогли. Однако к тому времени, когда они вышли из СИЗО, директором станции уже был Александр Грибло. С именем этого директора связан новый этап в истории частоты 101,2 FM — на ней стала вещать московская радиостанция «Европа Плюс».

«Европа плюс-минус»

С коммерческой точки зрения этот проект — клондайк. Содержание эфира обеспечивает Москва, новости, реклама и прогноз погоды — местные, белорусские. Соответственно производственные затраты — мизер. Правда, руководствуясь своей логикой экономического успеха, Грибло продал весь рекламный пакет нового совместного белорусско-российского проекта (вплоть до 31 декабря 2003 г.) некоей фирме «Ойкон», счета которой размещены в горноалтайском регионе. «Ойкон» в свою очередь переуступил права на рекламу компании «Медиапром». Схема подозрительна тем, что давно забракована всеми СМИ, так как оставляет неограниченное поле для махинаций. С другой стороны, неизвестно, как правильно было поступить в той ситуации, в которой оказался Грибло. Ведь будучи скованным, с одной стороны, условиями договора, по которому «Европа» должна была зазвучать еще до нового года, с другой — огромными долгами «Стиля» и невозможностью их погасить своими силами (если бы до нового года долг за передатчик не был погашен, то вещание станции прекратилось бы и на эфирную частоту бы был объявлен тендер), Грибло был вынужден найти деньги, где угодно. И как бы то ни было, деньги он нашел.

Оправившись от шока, учредители в лице ЦК БПСМ перешли к «активным боевым действиям»: объявили об увольнении Грибло и инициировали проверку всей финансово-хозяйственной деятельности радио, в частности, всех рекламных контрактов. Ситуация все больше выходила из-под контроля. Проверка закончилась большим пшиком, а Грибло был реабилитирован. Но приблизительно в это же время Татьяна Мартынова по решению суда была восстановлена в должности. Таким образом, получилось, что все «плохие директора» «Стиля» ничего не воровали и вполне квалифицированно выполняли свою работу. Кто же тогда виноват в том, что станцию лихорадит уже много лет?

Диагноз

Теперь выигравшие борьбу за обладание станцией намерены «переоформить» радио в личную собственность. В этой связи в ближайшее время мы станем свидетелями новой борьбы, а значит, и новых скандалов. Так, 9(!) мая нынешнего года (через 10 дней после поручения президента Лукашенко передать БПСМ полномочия по управлению радио «Стиль») министром информации Михаилом Подгайным подписано свидетельство N 52 о регистрации средства массовой информации под названием «Стиль», учредителем которого является департамент по делам молодежи Министерства образования Республики Беларусь.

С другой стороны, нам известно, что в соответствующих ведомствах на визировании находятся документы об организации компании «Европа-плюс-Минск», учредителем которой становится компания «Медиапром». На документе стоит подпись некоего Александра Николаевича Кима. В общем, сколько в стране будет «стильных проектов» — пока сосчитать не представляется возможным.

В дело

Белые пятна «Красной капеллы»

Вячеслав СЕЛЕМЕНЕВ, Виктор ШИМОЛИН

Полвека белорусские архивы хранили в тайне имена советских разведчиков из действовавшей в фашистской Германии разведгруппы «Альта». И только в 2001 году, когда около трех тысяч уголовных дел немецких военнопленных и интернированных периода Великой Отечественной войны были переданы из архива КГБ Беларуси в Национальный архив, стало понятно, что в истории «Красной капеллы» — антифашистской подпольной сети, созданной задолго до второй мировой войны Разведывательным управлением Генштаба Красной Армии, — написаны далеко не все страницы.

Правда и вымысел

О «Красной капелле» — глубоко законспирированной организации, созданной советской внешней разведкой и действовавшей в Западной Европе — написано немало. Например, оставил свои воспоминания матерый немецкий разведчик Вальтер Шелленберг, сумевший избежать сурового приговора Нюрнбергского трибунала. «Русские, — писал он, — благодаря регулярно составленной информации были лучше осведомлены о нашем положении с сырьем, чем даже начальник отдела военного министерства, до которого такая информация не доводилась вследствие бюрократических рогаток и трений между различными ведомствами...»

Справедливости ради укажем, что антифашистской организации «Красная капелла» не существовало вообще. Так первоначально именовалась зондеркоманда СС — SS-Zonderkommande Rote Kapelle, в задачу которой входила организация радиоперехвата нелегальных передатчиков, работавших на оккупированных немцами территориях Западной Европы. Радистов, которые в те годы виртуозно работали на «ключе», иногда называли «пианистами». Отсюда и музыкальный термин — «капелла». Позднее название «Красная капелла» получила операция нацистских спецслужб по борьбе с агентурой советской разведки в Западной Европе. И лишь после окончания войны в многочисленных публикациях и мемуарах это понятие стало обозначать совокупность различных сил, выступавших против фашизма и являвшихся резидентурами Разведывательного управления Генштаба и НКВД.

Имена, воскресшие из небытия

Одной из наиболее эффективно действовавших в Третьем рейхе подпольных групп являлась резидентура «Альта», руководимая Ильзой Штебе. Путь в разведку начался для нее в 1928 году со знакомства с корреспондентом газеты «Берлинер Тагеблатт» Рудольфом Гернштадтом. Гернштадт был членом Компартии Германии, с 1930 года — агентом Разведуправления Генштаба, псевдоним «Арвид». Он снискал у советского руководства авторитет опытного и удачливого вербовщика: помимо Ильзы Штебе на его счету Герхард Кегель, корреспондент из Бреслау (впоследствии он станет активным информатором, работавшим в немецком МИДе), и Рудольф фон Шелиа (советник Посольства Германии в Варшаве). Это только те фамилии, которые известны. А сколько еще неизвестно...

Судьба многих советских разведчиков сложилась весьма трагично. При аресте брюссельской группы гестапо удалось захватить и расшифровать их телеграммы. В августе 1942-го начались массовые аресты. В том числе и членов группы, которой руководила «Альта». О том, что молчание Ильзы на допросах в застенках гестапо позволило сохранить жизнь нескольким соратникам, Штебе удалось сообщить совершенно случайно: после оглашения смертного приговора Ильзу втолкнули в камеру, и она шепотом призналась сокамернице-коммунистке, что пытки выдержала и таким образом спасла жизнь трем мужчинам и одной женщине. Кто эти люди?..

Вот как отвечает на этот вопрос Герхард Кегель в своих послевоенных мемуарах: «Одним из трех мужчин, о которых упоминала Ильза Штебе, являлся я. Женщиной являлась, вероятно, моя жена и соратница Шарлотта. Одним из двух других мужчин был, видимо, доктор Х. Его бросили в концлагерь, но он там все же сумел выжить. А третий мужчина, думаю, был из Бухареста».

Загадочный мужчина из Бухареста

Теперь у нас есть основания предположить, что личность мужчины из Бухареста установлена. Это — немец Курт Велькиш. Именно его дело оказалось в наших руках спустя более полувека после описываемых событий. Ранее с грифом «Совершенно секретно» оно хранилось в архиве белорусского КГБ в серой канцелярской папке как дело супругов Курта и Маргариты Велькиш.

Долгие годы эти имена были вычеркнуты из летописи разведки времен второй мировой войны. Упоминание об агентах берлинской и румынской резидентур Разведуправления Красной Армии появилось только в 1998 году. Тогда были опубликованы переданные ими в Центр некоторые радиограммы из Бухареста, но этим информация и ограничивалась. И лишь теперь благодаря содержимому папки из архива КГБ Беларуси можно пролить свет на биографии и послевоенную судьбу супругов Велькиш.

Курт Велькиш родился в 1910 году в Зорау, округ Бранденбург, в семье торговца. Его отец владел небольшим магазином по продаже колониальных товаров. В 1929 году Курт окончил гимназию и поступил в Берлинский университет на юридический факультет. В возрасте 20 лет вступает в члены Компартии Германии. Завершение учебы и защита докторской диссертации совпали по времени с поджогом нацистами рейхстага и приходом Гитлера к власти. Как вспоминал впоследствии Курт Велькиш, «до конца 1934 года я был безработным... В это же время мне удалось связаться с товарищами по партии в Бреславле, в частности, с Герхардом Кегелем».

Кегель помог Велькишу устроиться в редакцию одной из бреславльских газет, которая вскоре направила его собственным корреспондентом в Варшаву. Здесь после встречи с Рудольфом Гернштадтом он и включился в смертельно опасную работу по сбору секретной информации для Красной Армии. Псевдонимом для него стали буквы «АВС». «Само собой разумеется, я работал не за плату», — скажет впоследствии Велькиш.

Маргарита Велькиш родилась в 1913 году в Берлине. Отца не помнит, девочку воспитывала мать, работница текстильной фабрики. Окончив начальную школу, а затем и лицей в городе Зорау, куда перебралась мать в поисках работы, Маргарита устраивается на должность секретаря-машинистки и стенографистки шефа одной из текстильных фабрик. Симпатичная брюнетка возвратилась в Берлин в 1936 году и поселилась в доме своего дяди. В этом же году она познакомилась с Куртом, а уже в 1937-м стала именоваться фрау Велькиш. Поскольку муж в то время работал в Польше, переселение Маргариты в польскую столицу стало для молодоженов свадебным путешествием. А закончилось оно за несколько дней до того, как первые бомбы упали на прекрасные старинные улочки Варшавы. Курт признался ей в том, что работает на советскую разведку, в 1937-м. В этом же году Маргарите предложат «оформить отношения» с Разведуправлением Генштаба СССР, и она ответит согласием.

На опасной стезе

Позднее, вспоминая о жизни в польской столице, Курт расскажет, что он собирал информацию как политического, так и военного характера, готовил сообщения, доклады, по указанию Москвы заводил полезные знакомства в различных берлинских инстанциях. В их числе — министерство иностранных дел, канцелярия Риббентропа, абвер (военная разведка) и контрразведка вермахта.

В большой степени Москву интересовала дислокация немецких воинских частей в Восточной Пруссии, и корреспондент газеты «Бреславльские новые известия» ездил по стране, добывая через немецкого офицера секретные военные материалы. Маргарита Велькиш по заданию Центра освоила специальность фотографа. И когда знакомые нам уже Герхард Кегель и Рудольф фон Шелиа, в то время служащие немецкого посольства в Варшаве, добывали секретные материалы своего ведомства, Маргарита помогала в их пересъемке.

Разведдеятельность «АВС» в Польше шла весьма успешно, но Москва поставила перед ним новую цель — устроиться на работу в немецкий МИД. Для этого Курту рекомендовали вступить в Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП), что он успешно выполнил в 1938 году. Но в МИДе его услуги поначалу отвергли, найдя в прошлом Велькиша коммунистические следы.

Польский этап в разведывательной деятельности Курта Велькиша завершился в августе 1939-го — корреспондентам немецких изданий незадолго до начала военных действий было приказано покинуть пределы Польши. В октябре 1939 года Курта направляют в Литву: в канцелярии Риббентропа ему поручают сбор информации политического и экономического характера. Его это вполне устраивает, хотя он и понимает, что стал слугой трех господ. Положительные рекомендации по итогам литовской командировки позволяют Курту получить работу в Румынии. Причем наряду с журналистскими обязанностями ему вменяется исполнять обязанности внештатного сотрудника канцелярии Риббентропа на Балканах.

«Как там дела на Балканах, а также в Румынии?»

Главная цель Велькиша в Румынии — немецкое посольство как центр средоточия секретной информации. Попасть туда на работу помогло трагическое происшествие, которое случилось в конце 1940 года с пресс-атташе посольства: он погиб в авиакатастрофе при перелете из Бухареста в Софию. Освободившийся пост было предложено занять талантливому немецкому журналисту. Вскоре деятельность Велькиша высоко оценили в Берлине — Курт был удостоен права докладывать в МИД собственную версию событий, минуя визы посла.

Пресс-атташе поддерживал официальные и неформальные контакты с румынскими журналистами, получил доступ в высшие правительственные круги Румынии. О характере передаваемых в Москву сообщений мы можем судить лишь по нескольким из них, оказавшимся в нашем распоряжении. Их ценность подтверждает даже перечень адресатов: сообщения агента «АВС» с Балкан читали Сталин, Молотов, Берия, Жуков, Димитров...

Сообщение резидента разведуправления в Румынии Ещенко из Бухареста от 1-2 марта 1941 года:

«Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

«АВС» в своем докладе о поездке в Берлин сообщает, что... много в Берлине говорили о предстоящем выступлении Германии против СССР. В русском отделе немецкого верховного командования интенсивно работают...»

Сообщение резидента разведуправления в Румынии Ещенко из Бухареста от 5 мая 1941 года:

«АВС» сообщил:

«...Становится все более очевидным, что немецкие войсковые соединения перевозятся с Балкан на театр румынского фронта. Один штабной офицер расположенного в Румынии восьмого немецкого авиационного корпуса, который несколько дней назад приехал из Берлина, заявил, что раньше для начала немецких военных акций против СССР предусматривалась дата 15 мая, но в связи с Югославией срок перенесен на середину июня. Этот офицер твердо уверен в предстоящем конфликте...»

Разведывательная деятельность Курта Велькиша оборвалась внезапно после вторжения Германии в СССР. Разрыв дипломатических отношений СССР с Румынией привел и к ликвидации канала связи. Однако легальный советский разведчик Шаров, действовавший под «крышей» корреспондента ТАСС, покидая вместе с советским посольством Бухарест, предупредил супругов Велькиш о скором возобновлении контактов. И они стали ждать связника из Москвы.

Без связи с Центром после начала войны оказалась и резидентура «Альты». В Берлине Кегель пытался восстановить ее с помощью Велькиша. В апреле 1942-го в Берлине состоялась встреча двух соратников. Вспоминая о ней, Кегель позднее писал, что гость из Бухареста упал духом, под впечатлением ошеломляющих успехов фашистской военной машины пришел к мысли о возможности поражения Советского Союза в войне и прервал связь с Центром. На наш взгляд, Кегель здесь не совсем прав.

Нападение Германии на СССР застало руководство советской военной разведки врасплох. В условиях войны разведуправление не было готово работать, поскольку резервные каналы связи не были созданы. Непрофессиональные попытки Центра восстановить связь привели в 1942 году к провалу большинства членов берлинской сети советской разведки. Эти аресты аукнулись и в Бухаресте. В декабре 1942 года немецкий посол в Бухаресте проявлял интерес к коммунистическому прошлому Велькиша и его знакомству с Ильзой Штебе. Но благодаря связям Велькишу удалось отвести угрозу.

В августе 1944-го, когда Красная Армия освободила Бухарест, все сотрудники немецкого посольства были интернированы. Курт рассказал о своем сотрудничестве с советской разведкой, и его доставили в Москву. В Лефортовскую тюрьму...

Пока Велькиш томился в ожидании решения своей судьбы, товарищи из ГРУ не сидели сложа руки. В Бухарест был направлен запрос о характере деятельности Велькиша на посту пресс-атташе германского посольства. Ответ пришел 30 ноября 1944 года за подписью начальника инспекции Союзной контрольной комиссии в Румынии генерал-майора Тимофеева. По сути, это характеристика Велькиша: умен, обладает аналитическими способностями, высоко оценивался начальством не только в Бухаресте, но и в Берлине...

...После освобождения Курта из Лефортово, где он провел полтора месяца, его поселяют на «точке» — специально оборудованной московской квартире. Сюда же в Москву из Румынии доставляют Маргариту с сыном. Супруги Велькиш уверены, что война для них закончена.

Нашла коса на камень

В апреле 1945 года в судьбе Курта и Маргариты происходит резкий поворот. Все началось с обычного предложения товарищей из ГРУ пройти соответствующую подготовку и отправиться в одну из европейских стран в качестве агентов-нелегалов. Это предложение супруги Велькиш отвергли, объяснив, что война закончена: мол, свой интернациональный долг мы выполнили, сейчас хотим вернуться на Родину для строительства новой Германии. При этом Курт соглашался, чтобы его использовали в разведывательных целях в несоветской зоне оккупации Германии. Поначалу стороны так и договорились, но потом в руководстве ГРУ передумали. Беседы между сторонами с каждой новой встречей стали все более напряженными, и конфликт разрастался.

11 августа 1945 года на стол начальника Высших академических курсов Красной Армии генерал-майора Капалкина легла докладная записка «о последних фактах аморальных явлений слушателей Волкова и Волковой» (новые псевдонимы супругов Велькиш). «По сообщению начальника точки тов. Заморкиной, в беседе по вопросам решений Берлинской конференции трех держав Волков выразил явное недовольство решением конференции о западной границе Польши. Поляков 700 лет не было на этой территории, а теперь решили отдать им земли Германии, ее самую лучшую часть. Что будет делать германский народ? Умирать с голоду? Велькиш уличает во лжи и самого(!) товарища Сталина, который будто бы заявлял о том, что не собирается расчленять Германию. А фактически это и произошло».

Посетивший квартиру интернированных немцев капитан Романов также строчит донесение: мол, Волков отрицает вариант работы в качестве нелегала, считает «это позорным и нечестным занятием, что он и жена не предатели своей родины, они любят свою родину, свою семью и хотят ехать в Германию...».

Время идет, компромат растет как снежный ком. И в одном из последних донесений по делу Волковых заместитель начальника 1-го отдела 1-го управления ГРУ полковник Смирнов делает в последнем абзаце весьма значимую приписку о том, что в ноябре 1942-го — январе 1943 года в Германии были арестованы несколько «наших нелегальных работников, которых Курт Велькиш знал по их настоящим именам. Сам он арестован не был, так как, по его словам, «товарищи его не выдали».

Лично начальник ГРУ генерал-полковник Кузнецов суммировал поступившие на Волковых донесения и 18 августа 1945 года направил их начальнику контрразведки СМЕРШ генерал-полковнику Абакумову. В короткой сопроводительной запис-

Сов. секретно

СССР

УЧТ 1952

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР

Группа по делам военнопленных отдел и интернированных

Минск

ДЕЛО №1603

По обвинению Велькиш Курта Рихард и Велькиш Маргариты в преступлениях предусмотренных ст. 8-38 УК БССР

Начато 7 июня 1951 г. В 1 томах

Окончено 12 октября 1951 г. Том № 1

6[redacted]

Центральный архив МГБ СССР

Арх. № П-388335

Сдано в архив „ “ 19 г.

2512-н

54026

ке легко угадывается окончательный приговор: «Направляю материал на бывших наших агентов (немцев) Курта Велькиша и Маргариту Велькиш (псевдоним — Волковы). Прошу об отправке их в лагеря строгой изоляции как явно антисоветски настроенных и враждебных нам людей».

В марте 1946-го из конспиративной квартиры Велькишей направили в лагерь интернированных. Сохранилось письмо Курта Велькиша от 10 апреля 1946 года: «Я погибну в этом лагере физически и духовно, моя семья также не сможет жить в этих условиях. Но я никогда не перестану быть коммунистом и почитателем Советского Союза, для которого я в течение шести лет рисковал своей жизнью как русский разведчик...» Но Москва словам не верит.

Минский этап одиссеи «супругов Волковых»

В столицу БССР супругов Велькиш этапируют весной 1951 года. За эти годы им пришлось пережить непоправимую драму — от туберкулеза умер старший сын, зато в Сталиногорском лагере в мае 1946-го Маргарита родила второго ребенка.

В Минске на Велькишей заводят дело. Оперуполномоченные МВД БССР лейтенант Серенков (ему поручено раскручивать дело Курта) и лейтенант Грак, ведущий дело Маргариты, приступают к допросам. Первые состоялись 25 апреля 1951 года, а уже через два месяца Курта и Маргариту признали «социально опасными» и арестовали, а Велькиша-младшего направили в Минский детприемник МВД БССР.

Перелистывая пожелтевшие страницы материалов их дела, невольно переносишься на полвека назад. Представляешь мысленно комнату для допросов. В помещении — старший оперуполномоченный МВД БССР, неизвестный нам лейтенант Серенков. Представить внешность его визави очень сложно, так как сведения в анкете арестованного, заполненной при аресте, весьма скудны. Рост у Курта Велькиша 170-180 см, фигура худая, шея длинная с кадыком, волосы светло-русые, глаза серые, лицо круглое, лоб высокий, нос небольшой, губы толстые...

16 июня лейтенант Серенков, рассмотрев материалы следственного дела, зачитал супругам Велькиш обвинительное заключение, в котором они были объявлены «социально опасной» парой. У следователей в запасе обойма несокрушимых обвинительных аргументов: Велькиш в Румынии укреплял фашистский режим, отказался продолжать агентурную работу с Москвой в 1941 — 1944 годах, предал группу «Альта», сотрудничал с гестапо, вел антисоветские разговоры в лагерях и пересыльных пунктах... Курт пытается объяснить следователю, что не знает, по каким причинам «московской организации» не удалось с июня 1941 года до августа 1944 года установить связь с ним, отрицает ведение антисоветской пропаганды в лагерях. Но перед следователем — протоколы допросов тех, кто сталкивался с Маргаритой и Куртом в лагерях для интернированных, и подборка сообщений агентов. К примеру, агент «Амуров» в сообщении от 13 июня 1945 указывает, что в 1942 году (этот год указан в первоисточнике) к Велькишу в Бухарест для установления связи был послан специальный работник ГРУ. Но он возвратился ни с чем и заявил, что Велькиш просто выгнал его из здания немецкого посольства.

По словам Велькиша, подобного случая не было, к нему никто не приходил.

Тот же «Амуров» сообщил, что его источник узнал от некоего Кидингера, работавшего на советскую разведку до войны и знавшего группу «Альта», последние подробности казни «Альты». И высказал предположение, что группа была предана каким-то третьим лицом, возможно, Велькишем...

Дополняет сообщения «Амурова» информация агента «Благова», который уведомил, что в октябре 1942 года из Москвы на связь с «Альтой» — Ильзе Штебе — был заслан связник «Франц» (Кеннен), а 31 декабря 1942 года Центр запросил у него узнать у «Альты», что ей известно о друге ее бывшего шефа — Курте (кличка «АВС»), который проживает в Бухаресте. Но к этому времени и «Альта», и «Франц» уже томились в застенках гестапо. «Таким образом, — считает некто Благов, — в запросе были указаны все точные данные о Велькише, за исключением только фамилии и должности». Иными словами, гестапо не представляло труда установить личность Курта.

Весьма красноречивое признание допущенного Центром головотяпства, ведь, согласитесь, в этом эпизоде Центр выдал своего агента с головой. Старший оперуполномоченный Серенков, понятное дело, использовал ошибку Центра для обоснования сотрудничества Курта Велькиша с гестапо. По его логике, после такой телеграммы агент советской разведки должен был быть обязательно арестован, но этого не произошло. Очень подозрительно...

Обвинительное заключение министр внутренних дел БССР генерал-лейтенант Бельченко утвердил 22 июня 1951 года и направил дело на рассмотрение Особого совещания при МГБ. Приговор был заранее предопределен: следователи потребовали для Курта и Маргариты Велькиш высылки в отдаленные районы СССР на исправительные работы сроком на 10 лет.

Тревожное ожидание

Последние страницы дела... Здесь — заявление Курта Велькиша объемом в семь страниц убористого машинописного текста, обращенное к генеральному прокурору Советского Союза. Вряд ли Курт Велькиш ждал открытого процесса, и все же возможность реализовать свое право на последнее слово он использовал, хотя и слышим мы его спустя более чем полвека. «Я считаю мой арест и арест моей жены несправедливым и необоснованным; подобное помещение нас в тюрьму уравнивает наше положение с действительными политическими и уголовными преступниками. Ни я, ни моя жена за всю свою жизнь ни в какой степени ничего не предпринимали против Советского Союза и советского народа. Мы не военные преступники и не враги Советского Союза».

Велькиш пытается убедить высокопоставленного адресата, что как немецкие коммунисты и агенты советской разведки продолжительное время своей жизни они добросовестно служили Советскому Союзу. Он категорически не согласен с предъявленным обвинением в предательстве группы «Альта». Велькиш недоумевает, как могла Москва запрашивать о нем Берлин в 1942 году, когда уже были арестованы члены берлинской группы Ильзы Штебе. «Уже в Москве в 1944 — 1945гг. было установлено, что я не виновен в неустановлении нелегальной связи в январе 1944 года, — пишет он. — Посланный ко мне представитель из Москвы не знал моего пароля и не мог заключить со мной тайного союза, как мне было сказано с русской стороны. Я лично об этом человеке ничего не знаю и впервые услышал о нем в 1944 году в Москве...».

Криком души звучат строки заявления: «Я прошу для моей жены и меня справедливости и правды... Моя последняя и единственная просьба: избавьте нас, господин генеральный прокурор, от страшной тюремной жизни; отдайте нам нашего ребенка назад, дайте нашей маленькой многострадальной семье жить вместе; не клеймите нас как преступников, верните нашу честь немецких коммунистов, не дайте умереть незаслуженной смертью!»

22 октября 1951 года Управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР пересылает заявление Курта Велькиша в секретариат Особого совещания при МГБ СССР. Но ответа не последовало.

Последний раз голос Курта Велькиша прозвучал для нас из полувековой давности в его жалобе, направленной в Министерство внутренних дел СССР 15 января 1952 года. Арестованный сетует, что его обращения в верхние инстанции остаются без ответа. «Мы просим как можно скорее положить конец нашим страданиям. Мы просим вернуть нам назад нашего ребенка». И несмотря на весь трагизм ситуации, красноречив последний абзац жалобы: «Я верю и буду верить до конца моих дней в социализм и социалистический Советский Союз».

Особое совещание постановило...

Решение Особого совещания при Министре государственной безопасности Союза ССР датировано 16 января 1952 года.

«Из Обвинительного заключения по следственному делу N1603 по обвинению Велькиша Курта Рихарда и Велькиш Маргариты в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 8-38 УК БССР.

...На основании изложенного обвиняются:

1. Велькиш Курт Рихард, 1910 года рождения, уроженец гор. Зорау, Германия, немец, германского гражданства, образование высшее юридическое, ранее не судим, член НСДАП, женат.

В том, что, являясь негласным сотрудником органов советской разведки, одновременно работал в пользу разведывательных органов Германии, принимал активное участие в укреплении фашистского строя и, будучи реваншистски настроенным, возводил клевету в адрес Советского Союза, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 8-38 УК БССР.

2. Велькиш Маргарита, 1913 года рождения, уроженка гор. Берлина, немка, германского гражданства, беспартийная, образование среднее, ранее не судимая, замужняя, имеет ребенка 1946 года рождения.

В том, что, являясь негласной сотрудницей разведывательных органов Советского Союза, одновременно работала в пользу разведывательных органов Германии и, будучи реваншистски настроенной, возводила клевету в адрес Советского Союза, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 8-38 УК БССР...»

Не будем цитировать постановление ОСО полностью. В нем перечисляются уже известные «преступные деяния» обвиняемых. Напомним лишь самую главную часть постановления ОСО, в которой решается дальнейшая судьба супругов Велькиш. Сформулирована она трафаретной фразой: «...Как социально опасный элемент сослать в Красноярский край сроком на десять лет, считая с 9 июня 1951 года». Маргарита в знак протеста отказывается подписывать предъявленный приговор.

Кому можно верить в этой истории, начавшейся в 30-х годах XX века и получившей неожиданное продолжение в начале века XXI?.. Почему-то не выходит из головы предложение, внесенное в проект обвинительного заключения рукой лейтенанта Серенкова, что «вещественных доказательств по делу и личных документов обвиняемых в деле не имеется». Так на основании чего, собственно, было построено обвинение?

...К неоконченной повести

Последние документы в деле Курта и Маргариты Велькиш — пожелтевшие извещения, подтверждающие, что осужденные на 10 лет исправительно-трудовых работ прибыли 4 марта 1952 года на место отбытия наказания в Красноярский край. Далее — запрос из Москвы, по которому дело бывшего пресс-атташе и его жены, бывших советских агентов «АВС» и «LZL», по какой-то надобности высылалось в 1957 году на 21 день в 1-е Главное управление КГБ СССР. Вот и все.

Но прежде, чем поставить точку в этой истории, вернемся вновь к воспоминаниям Герхарда Кегеля, изданным в ГДР в 1983 году и увидевшим свет в СССР в 1987-м. Рассказывая о мужчине из Бухареста, он пишет: «Знаю, что пережил войну... Насколько мне известно, он не предал кого-либо из наших товарищей...» Рискнем предположить, что старательное замалчивание Кегелем фамилии Курта Велькиша вызвано его послевоенной судьбой: в социалистическом обществе героями не могли быть люди с «темным» пятном в биографии. А может, не дали «добро» высокие инстанции, без которых не выходили в свет материалы о разведке — им наверняка не очень хотелось афишировать свои промахи и ошибки.

О дальнейшей судьбе семьи Велькиш в деле нет никакой информации, поэтому мы послали запрос-факс в Германию. Прошло пару недель — и пришел ответ. Служба розыска Германского Красного Креста установила, что супруги Велькиш в Красноярском крае, к счастью, не сгинули. Более того, суровые судьи, оказывается, уважили слезные просьбы родителей и вернули им сына. 10 декабря 1955 года многострадальную семью отправили из мест заключения на родину. Курт Велькиш скончался в 1958-м, год смерти Маргариты по каким-то причинам не установлен. Остается «белым пятном» и жизнь героев нашего повествования на родине. Но что нас особенно порадовало, так это известие, что Томас Велькиш, мальчик, родившийся в советских лагерях, — жив.

P.S. Приговор Курту и Маргарите Велькиш никто не отменял, они не реабилитированы. Поэтому ставить точку в этой истории рано, и мы надеемся, что продолжение следует...

Поставить памятник

Золотые кандалы

Сергей МЕХОВ

Эта история началась в 1951 году, когда все уже всё понимали. По крайней мере, те, кто хотел понимать. Например, майор Алов, следователь в «Большом доме» на Литейном (ленинградском МГБ), сразу сказал Анатолию Рылько: «Какой ты, на х.., враг! Что я, врагов не видал? Враги немцам пособничали, людей вешали... А ты не враг, ты дурак. Будешь сознаваться?..»

17 декабря 1950 года, голосуя на выборах в Верховный Совет СССР, младший лейтенант Анатолий Рылько, уединившись за ширмочкой, накорябал измененным почерком поперек избирательного бюллетеня, что Сталин — бандит, компания его — банда и скоро их за одно место подвесят. Сегодня он, объясняя свой поступок, героя из себя не делает. Говорит, был с большого бодуна, злой, непроспавшийся (военных на выборы погнали с рассветом). Надеялся, что не вычислят.

Анатолий Рылько — родом из-под Толочина, отца расстреляли в 37-м. В войну пацаном пошел партизанить. А прямым текстом насчет «сталинской банды» Анатолию впервые все высказал штурман капитан Петр Овчинников, который вскоре погиб в ночных полетах у станции Бологое. Слова Овчинникова и вспомнились, когда шел за ширмочку. Но просчитался — вычислили. Следствие, трибунал округа и приговор — десять лет.

Роба с цигейковым воротником

Он сидел в знаменитых ленинградских «Крестах» в 604-й камере (соседняя, 605-я, была мемориальная — там при царизме отбывал срок дедушка Калинин), с тоской ждал этапа. Будущее, в общем, виделось ясно: «воронок», столыпинский вагон, лагерь. Но на этап все не отправляли. Наконец выкликнули с вещами и повели ...нет, не к тюремным воротам, а к соседнему корпусу тех же «Крестов». Там у дверей уже топталось несколько зеков, как на подбор, с интеллигентными лицами.

Начали вызывать по одному. Очень вежливый подполковник объяснил: «Мы, Анатолий Петрович, тщательно изучив ваше дело, решили оставить вас у себя. Место хорошее, не пожалеете. Сейчас вас отведут в столовую, потом получите спецодежду и — в общежитие».

Подполковник явно не шутил, и Рылько опешил. Хорошее место? В «Крестах»? В столовой вообще пережил шок: после тощей тюремной баланды — салат(!), первое, второе, компот.

Спецодежда тоже поразила: костюм темный, костюм светлый, пальто с цигейковым воротником, шапка, пара мужских сорочек, туфли, галстук. Еще и постельное белье выдали.

Общежитие оказалось в том же тюремном корпусе — чистая, светлая комната (правда, с решетками на окнах) коек на тридцать. На столе лежала коробка шоколадных конфет, стоял флакон одеколона: привет новичкам от старожилов. Заключенный Рылько подумал, что он в раю.

Рай N172

Рай, в который угодил Рылько, подчинялся 4-му Спецотделу МВД СССР и Министерству вооружений СССР. Он назывался «Особым конструкторским бюро N172» (ОКБ-172).

...Как уже отмечалось, время было такое, когда все уже все понимали. И Лаврентий Павлович Берия в том числе. Виновен не виновен, враг не враг — какая разница! После войны с госбезопасности Берию перекинули ковать советский оборонный щит.

В бескрайней ледяной империи ГУЛАГа издавна существовали теплые, уютные оазисы — закрытые институты, где ученые-заключенные выполняли важные правительственные задания. На зековской фене их звали «шарашками». В «шарашках» сидели гении — Туполев, Королев, Петляков... Эта идея — сделать гения «врагом народа», провести через пыточное крещение допросов и зоны, потом предложить нормальную работу в относительно нормальных условиях, угрожая в случае неуспехов в труде снова отправить в лагерный ад, — доказала свою перспективность. Берия решил расширить сеть «шарашек».

Но кроме высоколобых академиков-разработчиков «шарашкам» требовался и персонал среднего звена. Их тоже набирали из зеков. Или делали зеками. Понадобились, скажем, ОКБ-172 модельщики экстра-класса — начали арестовывать лучших питерских краснодеревщиков.

ОКБ-172 занимало три корпуса тюрьмы «Кресты». Формально оно специализировалось на морской артиллерии, но охват тем был значительно выше. Почему Рылько, не будучи ни моряком, ни артиллеристом, попал сюда? Толком он и сам не понимает. Скорее всего, просто повезло. ОКБ-172 расширялось, потребовались новые люди, «крестовская» администрация глянула в свои списки и увидела: авиационный бортмеханик. Сгодится! Проще этого на техника выучить, чем везти кого-то из сибирских лагерей.

На следующий день после прибытия в «шарашку» всех новичков, занимавших на воле должности ниже главного инженера завода, отправили на переподготовку.

Агент, слышь, ворует, а я...

Разработки ОКБ-172 вошли в классику советской оборонки. Как раз перед прибытием Рылько несколько человек ушли отсюда на волю с чистыми паспортами и медалями лауреатов Сталинской премии. Но, в общем-то, Анатолий Петрович говорит, что при нем целиком оригинальных идей не разрабатывалось, видимо, этот путь был признан затратным и не гарантирующим успеха. Задача ставилась иная: качественно передрать чужое.

Советская разведка по всему миру воровала для Берии сведения о новейших вооружениях. Все, что имело отношение к широчайшей тематике ОКБ-172 (как правило, материалы о новых образцах английской или американской техники), попадало сюда, примерялось к возможностям советской промышленности и готовилось к запуску в производство. Собственное творчество допускалось, когда речь шла о заполнении пробелов: не удалось разведке добыть чертежи какого-то узла — думайте вы.

Рабочий день длился десять часов. Выходных не полагалось. Повышение квалификации — постоянное (Рылько, начав с технических должностей, к моменту освобождения был уже инженером, только без диплома). Надзирателям вмешиваться в служебные дела заключенных категорически запрещалось. Нужная литература по первому требованию приходила из самых секретных библиотек — Генштаба, Специальной технической...

«Головастики»

Кто с ним сидел? Начнем с элиты.

Старик Паппель — уникальный спец по корабельным винтам, создатель соответствующей теории. То ли немец, то ли латыш, но говорил по-русски. Брат его был в Нью-Йорке профессором. Доходягу Паппеля откопали в каком-то глухом лагере, привезли в купейном вагоне, долго лечили, откармливали. На работе он восседал в кругу инженеров и по памяти сыпал длиннющими формулами. Все удивлялись: «Эдуардович, откуда это у вас?» — «От Бога, детки, от Бога. Считайте быстрее». Там, в «Крестах», и умер.

Чайка-Харин — бывший замнаркома военного обеспечения, друг Ворошилова. В 1917-м — балтийский матрос, брал Зимний. Посмеиваясь, рассказывал, как все было на самом деле. После гражданской закончил артиллерийскую академию, вырос в первоклассного специалиста-вооруженца. Арестовали его в 1936-м, зверски пытали, чудом избежал расстрела. Сталина ненавидел, считая его тираном, предавшим революцию.

Ольховский — генерал, одно время командовавший авиацией Северного флота. Но в ОКБ-172 попал не за большие погоны (на это не смотрели), а как талантливый инженер, еще до революции закончивший Гатчинскую авиашколу, ученик великого Жуковского.

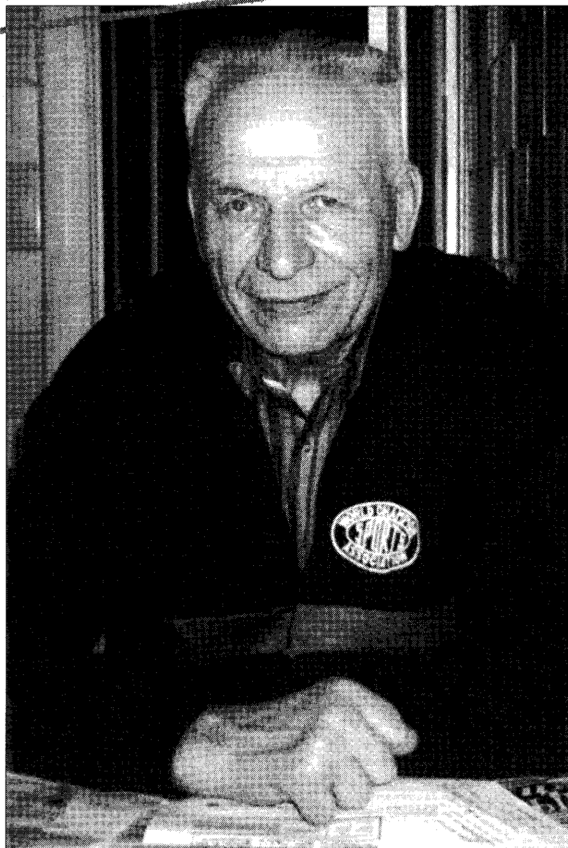
Выдающийся математик Василий Петрович Дурнев. В 1938-м он сказал, посмеиваясь, лучшему другу: «Краткий курс ВКП(б)» я знаю наизусть, теперь хотел бы почитать «Майн кампф» — и лучший друг его застучал. Дурнев делал уникальные баллистические расчеты, а в курилках со смаком нес несусветную даже для мужских ушей похабщину.

Стоял за кульманом такой Толя Руденко, колоритной судьбы человек, бывший минский учитель, угодивший в 41-м в плен и пошедший взводным к Гиль-Родионову (некий белорусский аналог генерала Власова). После перехода Гиль-Родионова на сторону партизан был отправлен немцами в концлагерь, оттуда бежал, умудрился повоевать и во французских маки, и в английских коммандос, и в югославской партизанской армии Тито. Как титовский офицер приехал в СССР, надеясь «выцарапать» семью, и попался. Ничего — работал спокойно.

Хозяева

Офицеры МГБ, служившие в ОКБ-172, были двух категорий: очень высококлассные технические специалисты в погонах этого ведомства (ибо контролировать ученых могли лишь ученые) и, так сказать, «организаторы» — офицеры бериевского аппарата, отвечающие за работу ОКБ. Среди последних Рылько не помнит каких-то особенных садистов, хамов. Тут было другое: спокойное, циничное отношение хозяина к породистой, высокоудойной скотине, которую бить нерационально, выгоднее хорошо кормить (благо не из своего кармана), тогда и отдача выше. Потому, например, с людьми вроде Паппеля или Чайки-Харина руководство ОКБ держалось подчеркнуто вежливо (от них оно зависело — не сделают «головастики» задание, Лаврентий Павлович разбираться не станет: вмиг из комфортабельного Ленинграда поедешь младшим вертухаем в какой-нибудь заполярный лагерь). Обслуга же из среднего звена просто высокомерно не замечалась.

Конечно, были и опера, и стукачи. Кого-то из них знали, кого-то нет, поэтому лишнего не болтали, только между друзьями. Рылько вычислил одного стукача, сорвался, избил. Ждал отправки на этап. Но как раз умер Сталин, воцарилась неясность, и Рылько дали пятнадцать суток карцера. Вышел он оттуда с туберкулезом легких.

Анатолий Рылько

Солженицын не оспаривает

Я не верил в то, что рассказывал бывший зек Анатолий Петрович Рылько, поэтому решил обратиться к самому яростному, самому убежденному обличителю сталинизма — Александру Солженицыну. Перечитал «В круге первом» — благо описана такая же «шарашка», только московская, радиоэлектронная.

Поразительно! Роман не оспаривает воспоминаний Рылько (разве что в некоторых мелочах). Солженицын просто заостряет внимание на других проблемах — нравственных, психологических, каких угодно. Но в бытовых деталях... И хорошие костюмы там упоминаются, и книги, и еда...

Рылько говорит, что заключенных ОКБ-172 кормили по нормам летного состава ВВС.

В парикмахерской щелкал ножницами бывший личный мастер Николая II. Зек-художник за 50 рублей в свободное время писал портреты. Спиртное запрещалось, но иногда через вольняшек доставали (главное — не попасться!). Платили немного, но ведь и траты были невелики.

В общем, когда цвет ОКБ-172 выезжал на подведомственные заводы (таковых было четыре) и за седыми профессорами-разработчиками поспешала свита с папками и рулонами чертежей (Рылько в том числе), изможденные бабы-работницы в цехах кричали этим сытым, хорошо одетым молодым мужчинам: «Сволочи! Вас, врагов народа, расстреливать надо, а вы секретарями попристраивались!» И возразить было нечего. Действительно, эти бабы, измордованные работой и жизнью, видели в них ловких хитрованов, которые и тут «попристраивались».

Сытное рабство

Но выезд на завод заканчивался, «хитрованы» грузились в автобус, под конвоем ехали обратно в «Кресты». И все становилось на свои места. Потому что на самом деле были они рабами.

...Нам все кажется, что рабство — это когда кто-то исхудалый, в железе, дробит камни кайлом. А рабство может быть и вот таким — с хорошей жратвой, при галстучке. Но от этого оно не перестает быть рабством. Ибо рабство на самом деле — это твоя абсолютная зависимость от кого-то и жесточайшая кара, когда нарушаешь установленные твоим повелителем правила, кара без права обжалования и защиты.

Их вкусно кормили, одевали, держали в тепле и сухости. Однако связь с женщиной (любой — зечкой, вольнонаемной) считалась страшным правонарушением, за связь мгновенно отправляли в лагерь. А ведь сидели молодые, нормальные, полноценные мужчины! Не зря прорывается у Солженицына в «Круге»: «Одна эта женская любовь, которой ты лишен, перевешивает весь остальной мир!» Потому и стричься предпочитали не у личного парикмахера Николая II, а у работавшей рядом Тани, чтобы ощутить порхание у лица женских рук, почувствовать запах женщины...

Они не могли поехать на похороны матери, махнуть в выходной на рыбалку, поспать лишний час, опрокинуть вечером законные сто грамм... Читались цензурой письма. Надзиратель проверял, насколько аккуратно профессора заправляют койки. Решетки, охрана — мир ограничивался размерами тюремного прогулочного дворика. Изо дня в день: подъем — поели — стали к кульману на десять часов — снова поели — отбой. И так годами. А если бы не справились с очередным «заданием Родины»? Тогда Колыма. Рабство — оно и есть рабство. Просто по сравнению с лагерным это было сытнее.

Послесловие

Согласно справочной литературе, ОКБ-172 расформировали в середине 50-х. Рылько выпустили раньше, вскоре после смерти Сталина. Он уехал в родной Толочин, там и живет до сих пор. Был строителем, и как складывалась его жизнь на воле — тема отдельного разговора. Всякого хватило: и хорошего, и плохого.

В годы перестройки, будучи уже очень немолодым человеком, Анатолий Петрович Рылько вступил в ряды БНФ. Гордо остается в них до сих пор. Соседи опасливо смотрят на странного, озорного деда, подавшегося на старости лет в неформалы. А он, сидя под бел-чырвона-белым флагом, закрепленном на стене своей квартиры, объясняет мне: кто в рабстве побывал, для детей и внуков его не хочет.

Наградить

Согретые Антарктидой

Сергей КАЗАНИН

Антарктида — заначка человечества. Все то, чего не будет хватать людям завтра, все, из-за чего футурологи пророчат нам новые войны, — все здесь: чистейшая пресная вода, несметные природные богатства... Правда, хорошо спрятано, запаковано накрепко. Вода в виде айсбергов, полезные ископаемые — под четырехкилометровой толщей льда. Запад ценность Антарктиды понял раньше СССР, раньше начал и осваивать, «застолбил места», поставив в перспективных районах свои станции. Но с середины 1950-х на шестой континент двинулись и САЭ — советские антарктические экспедиции. В 1957-м в составе САЭ-2 на континент отправился минчанин Виктор Шиманович. Он был первым из почти семидесяти белорусов, побывавших в Антарктиде.

Как правило, это были сотрудники республиканского Гидрометцентра — синоптики, аэрологи, специалисты по ЭВМ, радисты... О том, как они туда попадали, как проходили зимовки, нашему корреспонденту рассказали Александр Соболь (станция «Беллинсгаузен» — четыре зимовки, рекорд для Беларуси), Николай Суслов (станция «Молодежная», две зимовки) и Иван Илькевич (станция «Беллинсгаузен», две зимовки).

Почему ехали?

Причин несколько. Во-первых, понятно, деньги: родной Гидромет своим кадры высокими заработками никогда не баловал, а Антарктида рассматривалась как своего рода шабашка. Но сводить все только к «длинному» рублю тоже неправильно. Все мои собеседники в описываемое время (1970 — 1980-е годы) были молодыми, здоровыми мужиками, естественно, хотелось проверить себя, посмотреть край, о котором столько читали и слышали. Ведь путь туда и обратно лежал через места с пряными, манящими названиями: Кейптаун, Сидней, Буэнос-Айрес, Монтевидео, Канарские острова, остров Пасхи. (Вы могли в брежневские годы повидать остров Пасхи?..) Кроме того, тем, кто вел научные исследования, Антарктида давала возможность поработать по теме, проверить свою гипотезу — сделать шаг в профессиональном и карьерном росте. Наконец, человек на полярной станции свободен от нудных житейских забот, не думает ни о кухне, ни о магазинах, не скандалит с женой, не выясняет, почему сын опять получил «двойку»... Вкалываешь, ни о чем не думаешь, а в Ленинграде в сберкассе номер такой-то на твою, специальным приказом заведенную персональную сберкнижку капает, капает, капает...

Заработки

Сколько капало? Оклад плюс командировочные плюс полярные плюс еще какие-то надбавки — в месяц набегало где-то рублей пятьсот. Деньги не бешеные, но по тем временам приличные. Другое дело, что при возвращении можно было получить всю сумму за год и с ходу купить машину или кооперативную квартиру или начать красиво прожигать все по кабакам. Так рождались легенды о неимоверном богатстве полярников.

Отбор

Желающих поехать в Антарктиду всегда было много. И был отбор — профессиональный, медицинский, анкетно-политический. Свирепствовали медики в Минске, а потом в Ленинграде (все САЭ формировал Институт Арктики и Антарктики) «рубили» из-за проблем с сердцем, желудком, из-за подозрительности психиатра. (Суслов: «Психиатры смотрели очень строго, тем не менее по окончании экспедиции пара-тройка человек стабильно возвращалась с проблемами» — и выразительное постукивание по виску.) В свою очередь строгие деды из райкомовской комиссии запросто могли «зарезать» дельного профессионала, если он не знал дату очередного пленума или имя вождя занзибарской компартии.

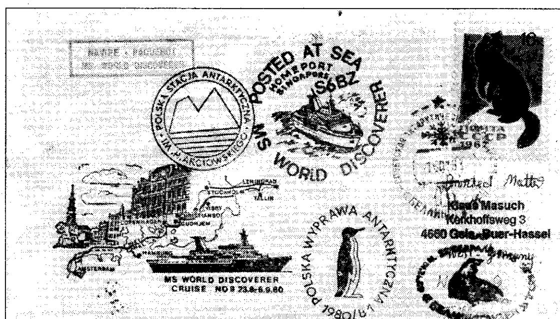
На месте

Советских антарктических станций было семь — «Беллинсгаузен», «Восток», «Ленинградская», «Мирный», «Молодежная», «Новолазаревская», «Русская».

Столицей считалась «Молодежная» — самая крупная станция, там зимовало иногда до двухсот человек (на остальных штат — человек 30-50°). Температуры — до минус 40°, с куполов окрестных гор ветер не дует, а стекает, как вода. Скорость его доходит до 48 метров в секунду (по белорусским нормативам 20 — это ураган). На такой ветер можно ложиться, как на морскую волну, и, словно волна, он понесет тебя вдаль. От домика, где жил Суслов, до, например, бани был неполный километр, но на проход этого километра иногда уходило больше часа. Потому на работу старались ходить по двое-трое, а между зданиями натягивались тросы-леера. Перед сном из каждого домика полагалось звонить начальнику станции: у нас все на месте. Только тогда объявлялся отбой. Велись метеорологические, гляциологические, гидрологические наблюдения, запускались зонды и ракеты для исследования верхних слоев атмосферы. «Молодежная» имела сверхсовременное (по тем временам) оборудование, был даже собственный вычислительный центр.

Самой «крутой» станцией был «Восток»: вершина 4-километровой ледяной горы, разреженный воздух, нехватка кислорода, температуры до минус 89° по Цельсию. Зимовщики на «Востоке» в буквальном смысле слова витали в облаках: слой облачности там начинается в метре-двух от поверхности. Жить здесь невозможно. Но живут. Причем помимо плановых исследований ведут буровые работы. Кернам, добытым из глубин ледяной глыбы, нет цены. Простой пример: образец вируса, много тысячелетий назад залетевший из космоса и сохранившийся во льду в первозданном виде, способен помочь созданию уникального лекарства, а это посерьезнее любых денег. (Когда в послеперестроечное безденежье Россия начала сокращать свое присутствие в Антарктиде, США предложили выкупить «Восток». Но Москва вовремя сообразила, что американцы на плохое не позарятся.)

А вот «Беллинсгаузен» по антарктическим понятиям — Крым: не такие ветра, температура всего (всего!) минус 30°. Правда, рядом океан, воздух очень влажный, потому морозы переносятся гораздо труднее.

Работа

Там не существовало понятия «рабочий день» — были дежурства по графику в любое время суток. Отсутствовало и понятие «продолжительность работы» — сколько надо, столько вкалываешь. Не было понятия «выходной» — даже праздники знаменовались не свободой от выполнения обязанностей, а торжественным ужином. Главный праздник в Антарктиде на станциях всех стран — 22 июня, середина зимовки.

Быт

Домики типа балков — на сваях, иногда выше человеческого роста. Сваи — потому что зимой заносит снегом. Сначала ставили без них, но в первой САЭ на «Мирном» замело так, что несколько человек не смогли выбраться, погибли. Стены «сэндвичного» типа с очень толстым слоем пенопласта. Окна из оргстекла с тройными рамами. Отопление в каждом домике автономное. Вода — растопленный снег. Для мытья-постирушек — баня. Туалет — в доме: сменный бак из нержавейки между сваями. На маленьком «Беллинсгаузене» у каждого, как правило, была отдельная комната, на «Молодежной» жили по двое. (По общему мнению, самое страшное в Антарктиде — не сойтись характером с соседом. Расселять вас никто не станет, начальству не до того, а убежать некуда. Суслов помнит повздорившую пару: к концу зимовки они даже собачиться устали, просто, живя в одной комнате, не замечали друг друга.)

Кормежка была хорошая, потому что о рационе заботились, да и с поварами, как правило, везло: в Антарктиду ехали подзаработать парни из лучших ресторанов Москвы и Ленинграда. Соболь с Илькевичем до сих пор с восторгом вспоминают именинные торты Миши Колосова, шеф-повара питерского «Метрополя».

«Собаководы»

Антарктида — мирный континент, но пара-тройка человек, которые «дома» явно носили погоны, на станциях имелись. Откуда они были — ГРУ, КГБ, радиоразведка?.. Чем занимались? Скорее всего, слушали что-то в эфире. Радистам свои материалы отдавали в шифрованном виде — колонки цифр. Но, в общем-то, запомнились как вполне свойские, симпатичные мужики, просто в домике у них была комната, куда посторонним запрещалось заходить. Звали их почему-то «собаководами». Кстати, никто не сомневался, что и у американцев на «Мак-Мердо», и у южноафриканцев, и у чилийцев на станциях тоже сидели свои «собаководы».

Тараканы

Вот же нечисть! И сюда добрались. Их, скорее всего, завезли с продовольственными грузами. В книжках пишут, что тараканы не любят низких температур. Не верьте! На «Молодежной» раз специально отключили отопление в кают-компании и хорошенько проморозили домик (антарктическим морозом!). И что? Через две недели прусаки бегали вновь, бодренькие и закаленные.

Развлечения

Естественно, народ на станциях мастерил — на «Беллинсгаузене», например, дачные стульчики из китовых позвонков, которых много валяется на берегу. Там же на берегу в силу местных вулканических условий — масса самоцветов: яшма, друзы... Собирать их — местное хобби. Естественно, растили на подоконниках огурцы, помидоры, Суслов вырастил даже маленький арбуз. На станциях всегда были очень хорошие библиотеки. Они ежегодно обновлялись, поскольку к концу зимовки лучшие книги кем-то прикарманивались. Кто ведал подбором литературы — непонятно, но Суслов, например, с любопытством обнаружил на «Молодежной» собрание сочинений Сталина.

Водка

В памятных альбомах большинство снимков — бородатые мужики со стаканом в руке. Боже упаси, алкашей в Антарктиде не было, просто снимался народ, как правило, по праздникам, а какой же праздник без этого дела? На самом деле пили здесь гораздо меньше, чем на материке. Поскольку большинство обморожений, травм, смертей и прочих ЧП там связаны именно с пьянкой, лишнего себе не позволишь. А вообще, была норма: четыре бутылки водки на человека в год, хочешь — пей сразу, хочешь — растягивай. Кстати, спиртное и сигареты — за свой счет. Другое дело, что советские антарктические станции являлись суверенной частью советской территории, а на советской (и постсоветской) территории «жидкая валюта» всегда облегчала решение сложных вопросов. Так, по народному антарктическому преданию, именно за ведро спирта строители на «Молодежной» провели внеплановую операцию: направленным взрывом вырыли в проледеневшей горе пещеру для хранения мяса.

Люди

В белорусском «антарктическом клубе» есть люди уникальные. Когда-то много писали про врача, которого на «Мирном» прихватил аппендицит, и он был вынужден сам себе без наркоза сделать операцию. Ассистировал этому доктору (Леониду Рогозову из Ленинграда) брестчанин Федор Кабот. В Беларуси живет и Владимир Карпюк, зафиксировавший на станции «Восток» мировой рекорд мороза — минус 89,2°. Другое дело, что как-то организоваться, создать свою ассоциацию у белорусских полярников все не получается.

Вообще же, «белорусская Антарктида» уже в прошлом. Сами станции — под юрисдикцией России, работать на них могут только российские граждане. Из Беларуси там сегодня только один человек — Николай Сидоров. Он так мечтал об Антарктиде, что специально сменил гражданство и переехал в Питер (а говорите, мечта — не главное). Из восьми станций действует только три, остальные законсервированы, персонал сокращен до минимума — по сути, сидят «сторожа». Нет денег. Россия всерьез рассматривает такой способ пополнения бюджета отрасли, как «антарктический туризм».

Прощание

К концу зимовки осточертевало все: погода, лица товарищей, привычные шуточки. От всей этой долбаной полярной романтики просто тошнило. На «Беллинсгаузене» после 22 июня все начинали шить сумки. Это был ритуал, повальная эпидемия — из какого-то брезента, кожи, любой обнаруженной материи сооружались узлы, баулы, чемоданы, с которыми предстояло возвращаться домой.

...Но проходил год-два, спадало напряжение, забывалась усталость, и выяснялось, что память на самом деле хранит совсем другое — восторг от красоты полярного сияния, сверкающие на солнце всеми цветами радуги горы айсбергов, уютные вечера в кают-компании, радость от нечастых весточек из дома... И уже начинала изводить обыденность, и снова хотелось туда, где не дурит голову политика, не мучает безденежье, где мир ясен и прост, где свои ребята и настоящее мужское дело — в Антарктиду!

Континент миллионеров

Сохранить для истории

11-я заповедь

Сергей ШАПРАН

Резонанс материала «Травля Быкова», опубликованного в прошлом номере «БДГ. Для служебного пользования», оказался непредсказуемым. Премьер-министр страны Геннадий Новицкий неожиданно наградил Почетной грамотой Совмина одного из главных действующих лиц этой самой травли — в прошлом крупного партийного деятеля Владимира Севрука. Тем не менее смеем утверждать, что история еще вручит свою грамоту этому человеку, поскольку он приложил руку и к травле другого известнейшего белорусского писателя — Алеся Адамовича.

3 сентября Алесю Адамовичу исполнилось бы 75 лет.

Пожалуй, лишь два белорусских писателя во второй половине XX столетия подвергались наиболее методичным и яростным нападкам со стороны властей: Василь Быков и Алесь Адамович. Причем у обоих конфликт начался еще в 1966 году: у Быкова — из-за повести «Мертвым не больно», у Адамовича — потому, что отказался подписать письмо против «предателей» Синявского и Даниэля. Оба в конце концов вынуждены были покинуть Беларусь. Ну и, наконец, третье совпадение: Быкову и Адамовичу годами перекрывали кислород одни и те же люди.

Как в 37-м...

1966 год. Адамович читает в МГУ курс лекций по белорусской литературе. Молодому профессору предлагают остаться в Первопрестольной, обещают постоянное жилье... Но хрущевская «оттепель» постепенно сходит на нет, государству вновь нужны «враги народа», чтобы «жить стало веселее». Как раз тогда на Западе появляются публикации А.Синявского и Ю.Даниэля. Мишень найдена. Фабрикуется дело советских литераторов-«предателей» (не исключено — и об этом позже писал Е.Евтушенко, — что идею подбросило чекистам ЦРУ, чтобы тем самым выбить у СССР козырь борца за права человека на Западе). Из ЦК партии в МГУ спускается распоряжение: профессура должна выступить с осудительным письмом. Однако добрые люди находят возможность предупредить Адамовича заранее, в результате у него появляется шанс «исчезнуть» или «сказаться больным». Но спустя годы он напишет в своих «Путешествиях из Минска в Москву и обратно» (журнал «Неман», 1994 г., NN 8-9. — **С.Ш.**): «...Не пойти, согласиться, что меня «Не нашли», — как потом будешь себя чувствовать? Вот мы все попрекали «стариков», что они позволили сталинской банде оседлать страну, загнать всех в Страх, в Безропотность. Но ведь не сразу это случилось, с чего-то начиналось, и тогда еще можно было что-то исправить, изменить свое и наше будущее. А не такой ли момент снова подступает?.. Потом уже нас будут спрашивать, пытать нашу совесть: как это вы позволили?»

В 1988 г. Юрий Хащеватский и Аркадий Рудерман сняли фильм «Встречный иск» (первоначальное название — «Алесь Адамович. Наблюдение» — было запрещено), одним из эпизодов которого стал судебный процесс. Тогда бывший прокурор Шеховцов подал в суд на Адамовича за то, что тот назвал Сталина преступником. Вспоминает режиссер Юрий Хащеватский:

— На этом суде Адамович сказал об одной очень важной вещи, которая стала для меня как камертонная нота для дирижера. Он сказал, что старик Моисей был забывчив — Господь дал ему 11 заповедей, а он запомнил лишь 10. 11-я звучит так: «Не бойся».

Адамович не боялся уже в 66-м. К тому времени у него был выработан принцип: «Хватит, что до нас жили, не живя». И потому он открыто заявил: «Суда не было еще. Какое же право мы имеем предварять приговор?.. Разве с нас мало одного 37-го года?». Отказавшись подписывать то коллективное письмо, он вынужден был уволиться из МГУ. «Надо срочно уезжать, — запишет он, — пока они меня не дожали, прежде всего психологически». Все произошедшее он воспринимал очень серьезно и по ночам даже просыпался от собственных криков: «Мерзавцы!»

В результате Адамович вернулся в Минск. «Жизнь на два города» — именно так он определил потом свою судьбу, поскольку, нуждаясь в «запасном выходе», вынужден был жить то в Минске, то в Москве. Однако в тот раз, оно и понятно, официальный Минск встретил «зарвавшегося» профессора холодно, и Адамович год оставался без работы. Ему, например, долго не позволяли вернуться в Институт литературы АН БССР — секретарь ЦК КПБ по идеологии С.Пилатович заявил: «Партия не выпустит из своих рук литературную критику, пусть Алесь Адамович не рассчитывает, что отдадим ему». Адамовичу даже хотели отказать в прописке, поскольку Машеров лично заявил: «Пусть там отмывается, где нагрешил!» Однако Адамовича выручил драматург Андрей Макаенок. Окончательно же примирить первого секретаря ЦК с мыслью, что Адамович вернулся в Минск, сумел не раз потом выручавший писателя секретарь ЦК Александр Трифонович Кузьмин, но случилось это уже после публикации книг «Я из огненной деревни» и «Каратели». И спустя годы Машеров, имея в виду историю с делом Синявского — Даниэля, едва не обнял Адамовича: «Вы были молоды, понятно, молодость, горячность...» Но писатель парировал: «Неужели, Петр Миронович, вы думаете, что сегодня я подписал бы такое письмо? Я и сегодня не подписал бы».

«Кинопроцесс»

Прорвать блокаду на «Беларусьфильме» Адамовичу, в 1964 г. окончившему в Москве Высшие сценарные курсы, удалось лишь после того, как были напечатаны его романы «Война под крышами» и «Сыновья уходят в бой». Однако режиссер Виктор Туров даже не представлял, какие испытания ждут его в работе с таким автором! Сам же Адамович вспоминал: «Садились какие-то функционеры из ЦК... вписывали... чуть ли не эпизоды в фильм, чтобы «расширить масштабы действия». А это в их понимании значило показать в фильме командование, партийное руководство... Однажды Туров... в отчаянии и злости сказал Станиславу Пилатовичу, который ведал тогда в ЦК идеологией: «А почему вы считаете, что ваше мнение самое главное?» Тот стукнул по столу кулаком: «Потому, что нас поставили руководить!» Так вот этот Станислав смотрит готовый, уже принятый Госкино фильм,

Алесь Адамович. 60-е годы

и вдруг говорит: «Слушайте, там у вас в фильме комиссар кепку носит как-то по-анархистски. Так что подравняйте ему кепку...»

К слову сказать, песни для туровской картины написал Владимир Высоцкий. Уже через 20 лет И.Ришина вспоминал в «Литературной газете»: «Сочинять не буду — слов не помню, но и сейчас вижу, как Высоцкий взахлеб говорит об Адамовиче. «Таганка», ему вот-вот выходить на сцену, а он все про Минск, про съемки фильма «Война под крышами»... А больше всего про него самого, Алеся — имя произносит как-то восхищенно-нежно: и что мать была подпольщица, и что он, мальчишка, с ней и братом ушел к партизанам в лес, и что вот оттуда, конечно, из того огненного начала жизни, его всегдашняя неуемность, готовность вмешаться, ринуться в бой, кого-то защищать, с чем-то сражаться, безбоязненно, бескомпромиссно».

В те 60-е годы Адамович полагал, что глухую стену, которой его окружили, сложила цековская свора по собственной инициативе. Однако позже понял: за всем стоял лично Машеров. И тем не менее именно первый секретарь ЦК КПБ поддержал идею фильма «Убейте Гитлера» (спустя годы переназванного в «Иди и смотри»), поскольку считал, что надо наконец сделать хорошую картину о партизанах, а Элем Климов как раз в это время хотел экранизировать «Хатынскую повесть». Вот так удачно совпало. Поэтому Машеров даже выделил вертолет и 45 тысяч инвалютных рублей на закупку киноаппаратуры.

Впрочем, Машеров был отнюдь не всесилен. Адамович вспоминал: «Сценарий, который уже был принят, передали на дополнительный отзыв каким-то генералам, которые отродясь не могли выговорить слова «экзистенциализм», но в отзыве у них это слово повторялось не менее пяти раз...» В адрес сценария было высказано 12 замечаний. Элем Климов согласился лишь с одним. Итог — фильм сниматься не будет...

С картиной позволили запуститься лишь через шесть лет после гибели Машерова. Причем правок в сценарий вносить уже не надо было, хотя картину все еще должно было одобрить партруководство. Это была новая проблема. Ведь, как известно, после гибели Машерова позиции секретаря ЦК Кузьмина ослабли, зато в то время как раз всплывал Иван Иванович Антонович. Поддерживаемый сверху, он стал бороться за место главного идеолога, и поскольку Александр Кузьмин картину поддерживал, то Иван Антонович, по словам Адамовича, решил ее угробить.

Иван Иванович

Уже на просмотре готового фильма Антонович сделал режиссеру «чистосердечное признание», о котором рассказал сам Э.Климов. «Иван Иванович... мне говорит: «Вы, может, и гений... а я человек ординарный, простой, и у нас с вами никогда мира не будет. Я никогда рядом с вами не буду бороться, помогать вам».

Но недаром в народе говорят: простота хуже воровства. Антонович прокололся еще раз, когда по недомыслию искренне изверг другую мысль: «В вакууме художник творить не может... Ему должен обязательно кто-то стоять и смотреть через плечо. Наша беда была в том, что мы норовили надеть кирзовые сапоги прежде, чем смотреть через это плечо. Это проблема Системы. Мы все были ее жертвами».

Из записных книжек А.Адамовича

Обожравшийся до отрыжки властью маленький человечек (и в прямом смысле — маленький, сытенький):

— Фильм почти гениальный, но я — против!

И не думает, даже не боится, что афоризмом этим может припечатать себя, пришпилить себя, как букашку, в литературе навеки, этот очередной Ив. Ив...

Январь 1985 года.

Фильм удалось отстоять лишь после того, как на просмотр климовской картины был приглашен цвет советских кинорежиссеров. Впрочем, они тоже поначалу хоронили картину. Положение спас Адамович, напрямую обратившийся к главе Союза кинематографистов Кулиджанову: «Мы, литераторы, говно, но такого дерьма, как вы, киношники, я еще не видел. Вы что, не понимаете, что угробили своего товарища? Мы, писатели, тоже друг друга по шерсти не гладим, но, когда вопрос стоит о жизни и смерти товарища по профессии, такого себе не позволим. Вы же отдали картину и режиссера на растерзание...» После такого нелицеприятного упрека Кулиджанов вернулся в кабинет к председателю Госкино СССР, и на следующий день фильм «Иди и смотри» был-таки принят.

Про уродов и клещей

Но вернемся в 60-е годы, поскольку именно тогда Адамович создает себе имя не только в Москве, но и в Минске. В 1966 г. проходил V съезд Союза писателей, смелое выступление Василя Быкова на котором вызвало в зале бурю аплодисментов. Виновником оваций посчитали... Адамовича. Во всяком случае, после съезда у писателя состоялся такой разговор с цековцем С.Пилатовичем:

— Мы видели, кому вы аплодировали.

— А вы и за этим следите?

— Это вы все устроили.

— Да я даже не выступал.

— Вы не выступали, но вы дирижировали.

Причина недовольства очевидна: тогдашний руководитель Союза писателей П.Бровка обещал, что съезд пройдет «по-партийному». Но на съезде была предпринята попытка свергнуть Бровку, а точнее, те порядки и нравы в литературе, которые через него и его команду десятилетиями насаждала партия. Впрочем, нравы насаждала все-таки не вся партия, а отдельные, особо усердные апологеты ЦК, т.н. среднее звено, одним из представителей которого и был товарищ В.Севрук — тот самый, который пошел в карьерный рост после разноса быковской повести «Мертвым не больно». И когда Адамович вступился за друга, Севрук перекинулся на него. Адамович об этом говорил так: «Знаете, как бывает: на кого-то набрасывается песик, ты отгонять — того оставил, увязался за тобой и не отстает».

Из записных книжек А.Адамовича

Как-то по телефону Быков мне сообщил: ну все, взялся он /Севрук/ и за «Знак беды»! Вызвал редакцию, «Др/ужбу/ нар/одов/», «на ковер» и уж давал-давал — за Быкова...

*После разговора с Бык/овым/, все еще слыша его мрачный и усталый голос, набрал Москву. И — прямо на Вл. Н. (Севрука. — **С.Ш.**). Представился ему и:*

— Или вы оставите Б/ыкова/ в покое наконец, или я обо всем, обо всех 25-ти годах травли, скажу публично! Ну, сделали на нем карьеру... Сказали бы спасибо человеку и оставили его в покое...

Конечно, разговор по такому телефону с моей стороны — наглейший. Возможно, это и смутило. О, они чуют, что неспроста. Раз заговорили так — нет ли за этим кого-то?

Потому меня не оборвали, не послали, не отчитали, а стали... жаловаться. На то, как несправедливы белорусы к нему, земляку. Он столько сделал для Быкова (и для Ад/амовича/ между прочим тоже), и вместо благодарности что?..

Сентябрь 1989 года, однако сам разговор произошел, очевидно, четырьмя годами раньше.

Еще через какое-то время Адамович запишет: «Гад он мстительный, не простит эти 20 мин. правды в лоб». Так и случилось: вскоре Данила Гранина и Алеся Адамовича приглашают в ГДР по случаю выхо-

Алеся Адамовича

да «Блокадной книги». Но Адамовича не выпустили. Одновременно стали слетать из газет статьи, из плана издательства «Советский писатель» книга. Тогда-то Адамович, не выдержав, уговорит Быкова написать первую в жизни жалобу. На имя Горбачева. Смысл таков: пока идеологией правят севруки — какая там перестройка!.. Два месяца прошли в ожидании ответа, как вдруг и Адамовича, и Быкова вызывают в ЦК познакомиться с «ответом». В ответе — элементарный подсчет: сколько раз обоих писателей издавали, сколько и куда они ездили. Адамович вспоминал: «Василь аж крякнул от удивления... Да мы же не об этом писали! Мы — о том, как 25 лет не слазили с писателя... а нас изобразили этакими ненасытными»! Вдобавок друзьям показали «приложение», в котором руководители из «Советского писателя», «Литгазеты», Союза писателей повествовали о... севруковских достоинствах и о том, как и Быков, и Адамович давно преследуют хорошего человека. Впрочем, это был ответ не Горбачева. До генсека письмо белорусских писателей так и не дошло...

Вообще говоря, Севрук на какое-то время буквально завладел мыслями Адамовича, и потому писатель еще и еще записывает. «О Севруке и Севруках приходится говорить бесконечно. Да, он из тех, кто выталкивает из нашей культуры, литературы жизнь, живое, на этом паразитирует, растет на чиновничьей лестнице... Со мной ему даже несложно начинать войну: я успел настроить против себя всех этих А.Савицких да С..., Павловых — Антоновичей — у нас, Бондаревых — Стаднюков — в Москве. Ну, а для него это вон как удобно: за ними прятаться или их руками действовать... Да что ты можешь, чем напугать, когда я о себе давно и думать забыл, о своей безопасности и т.п.?»

12 сентября 1984 года.

И в другой раз — в 1989 году. «Не должно быть этой власти у аппаратчиков. Власть их подбирает, таких. Она их уродует, уродов — еще сильнее. И как они искажающе действ/уют/ на все общество. Генсеки высоко и время от врем/ени/ действ/уют/. Эти — постоянно, как лишь Сталин. Он — лично, эти — безлично, но с тем же постоянством».

Хотя неверно думать, что лишь цековцы — севруки, антоновичи, марцелевы или павловы сознательно или нет, руководствуясь геббельсовским принципом: «Выделяйте объекты для ненависти» — травили Адамовича. Его били со всех сторон. Вспоминает поэт Рыгор Бородулин:

— Самый «могучий» слух, который упорно распространяли в нашем СП об Адамовиче, — будто он жид. А почему говорили, да потому, что его мать в аптеке работала. Ах, мать-аптекарь?! И возникали ассоциации: Адамович-Хаймович. Когда же и это не действовало, тогда пускали слух, будто Адамович продался Москве и плюет на Беларусь, поскольку пишет по-русски.

«Зловредный пацифист»

В 1983 г. при участии А.Адамовича была организована конференция на тему ядерного апокалипсиса. Именно он, активно выступая с идеей ядерного разоружения, пытается пробиться к командирам подводных лодок, способных «при необходимости своими двумя десятками ракет снести целую Европу или Америку». Он хочет понять, «кто же у кнопок и чего можно ждать от них». Поговорить удается с тремя капитанами: американским и двумя советскими. Один такой разговор писатель «рассекретил», и его напечатали «Московские новости». Адамовича сразу обвинили в «кощунстве», «предательстве», «абстрактном гуманизме» и «зловредном пацифизме». Впрочем, генералы не могли простить ему не только призыв к разоружению.

Е.Коктыш

Алесь Адамович с Василем Быковым. Середина 80-х годов

Алесь Адамович среди участников «Чарнобыльскага шляху»

Свидетельствует секретарь Союза писателей Москвы Валентин Оскоцкий:

— У военных с Адамовичем были особые счеты. Дело в том, что Василь Быков, введенный в комитет по обороне, однажды услышал на собрании этого комитета такие речи: Горбачев разваливает армию, Горбачев потакает писателям, придумавшим дедовщину. «Я даже не стал дальше слушать, — рассказывал Быков, — и, уйдя в знак протеста, сразу рассказал обо всем Адамовичу». А Адамович, выступая на съезде народных депутатов, обратился прямо к Горбачеву: «Михаил Сергеевич, основная опасность для вас исходит не от Межрегиональной депутатской группы, а от генералов, которые сидят сзади вас и дышат вам в затылок. Они — ваши главные противники».

Сам Адамович признавался, что впервые в полной мере осознал, с кем общество имеет дело и кому же Сахаров вручил свою бомбу, еще году в 84-м или 85-м, после разговора с приснопамятным Антоновичем. Писатель вспоминал, причем неоднократно и на протяжении многих лет: «Вызвали меня в ЦК, и я от Ивана Ивановича услышал, наконец, что такое социалистический, не абстрактный гуманизм.

— Что вы все пугаете атомной бомбой? Откуда вы взяли, что погибнет все человечество?

На мои аргументы... прозвучал ответ. Вот он:

— Если даже от всего нашего народа останется в живых 10 человек, задача в том, чтобы они остались советскими людьми. В этом я вижу цель своей работы, но и вашей, писательской, тоже».

Из записных книжек А.Адамовича

В обращении ЦК КПСС, Президиума Верх/овного/ Совета СССР и Совета мин/истров/ СССР... «Если над планетой пронесется ядерный ураган, он не оставит на ней даже оазисов жизни...» «Не может быть целей, которые бы оправдывали развязывание ядерной войны». Ну что... Антонович! Что теперь скажешь, со своей уверенностью, что твоя миссия... воспитывать дальше в духе своем «даже если 10 человек останется на Земле». Мол, кто-то да останется. Ты, например, а раз ты, значит, 5 млрд. можно и рискнуть...

10 мая 1985 года.

«Страна, которой не жалко»

А ведь был еще апрель 1986-го и Чернобыль. И если бы не Адамович, трудно сегодня было бы сказать, сколь чудовищны оказались бы последствия этой трагедии для белорусов. Писатель сразу после катастрофы встречается с учеными и собирает засекреченную информацию. Она действительно была засекречена. Вот выдержки из распоряжения Главного управления Минздрава СССР: «Засекретить сведения об аварии... Засекретить сведения о результатах лечения...» К перечню секретной информации были отнесены и «сведения об уровнях радиационной загрязненности по отдельным населенным пунктам». Адамович же прорывает блокаду, неоднократно публикуя ставшие известными ему факты. И, выступая на собрании ученых-физиков, призовет: «Скромность белорусов повернулась против них. Не верьте, ради бога, что нормально. Нужна помощь, почти как в 1941 году». Не ограничившись этим, 3 июня он отвез Горбачеву письмо. Вот лишь фрагменты из него: «...Радиация ударила прежде всего по нашей республике: Гомель, Могилев, Жлобин, Мозырь, Славгород, Краснополье, Речица, Хойники, Наровля, Брагин, Пинск, Слуцк, Брест. Досталось и Минску. А между этими городами тысячи деревень... Людям грозит радиационное отравление через продукты питания... У нас фактически нет нужного количества приборов для замера радиации в продуктах питания... Нужна помощь врачами-специалистами... И вывозить детей, подростков, беременных женщин и вообще всех, кого возможно!.. Только не упустить время!»

Уже через три дня в Минск приехала комиссия из 60 человек. Делегацию встретила дружная семья чинов-«оптимистов», заверившая, что от радиации пострадали только 3 района, а не пятая часть республики. Писателя минские чиновники обвинили в паникерстве. Это было сознательное решение и сознательная позиция официального Минска. Ведь еще до поездки Адамовича в Москву его пригласил к себе первый секретарь ЦК КПБ Н.Слюньков. Беседа продолжалась больше шести часов. Адамович вспоминал: «Первый» убеждал, что «ситуация под контролем». Однако в ответ на вопрос: «Но приборов-то нет?» — Слюньков промямлил: «Да, нет», и не без гордости рассказывал, что украинцы полтора часа жаловались председателю Совмина СССР Н.Рыжкову на чернобыльские проблемы, а предсовмина БССР Ковалев за 10 минут отчитался! И Рыжков, понятное дело, оказался доволен: «Учитесь, украинцы, у белорусов!». Потом Адамович напишет: «10 минут ковалевско-слюньк/овских/ дорого обошлись бел/орусскому/ народу!» И, осознав какое же преступление свершилось, вспомнит слова Бисмарка: «страна, которой не жалко». Это — о Беларуси.

Однако неуспокоенность писателя будет чревата последствиями не только для него: в результате «Нестеренко выперли из Института ядерного, Борисевича — из Академии, Кузьмина — из ЦК». Ну а самого писателя выперли из Минска. И в одном из интервью Адамович без обиняков заявит: «Меня выжили из Беларуси». А еще спустя три года после чернобыльской катастрофы Зенон Позняк иронично заметит, что те, кто, окрысившись, затопал на Адамовича ногами, стали вещать с трибун, что Чернобыль — «их боль».

Осенью 1987 г. писатель уедет в Москву, где прошел по конкурсу на должность директора Всесоюзного НИИ киноискусства. Хотя справедливости ради заметим, что Адамович долго не соглашался на это предложение Э.Климова. Вспоминает Василь Быков:

— Конечно, Адамович был человек неуместный со своими убеждениями, со своей гражданской позицией для того тоталитарного времени. И потому он просто не мог найти места, адекватного своим жизненным установкам ни в Минске, ни, по большому счету, в Москве...

Сам же Алесь Михайлович в разговоре с критиком и другом Владимиром Бойко посетует: «Чувство блокированности... В который раз!.. В Москве я для Беларуси больше сумею сделать».

«Враг народа»

И действительно, мысли Адамовича и в Москве были обращены к Беларуси. Более того, в первые два года он приезжал в Минск каждые выходные. В октябре 1988 года он опубликовал в журнале «Огонек» обличительную статью про сталинизм и Куропаты, в которой назвал Минск «антиперестроечной Вандеей». Назвал имена ярых сталинистов — всех этих «острых перьев» из журнала «Политический собеседник», бовшей, бегуновых и др. Не обидеться белорусская Вандея просто не могла — начали собираться «народные сходы», во время которых «простые трудящиеся» позором клеймили Адамовича, а газеты пестрели заголовками: «Эволюция политического невежества», «Перестройка — не игра в демократию», «Барьер политической слепоты», «Ярлыки вчера и сегодня» и т.д. Приведем лишь одну цитату: «Набив руку на персоналиях, наловчившись в словесной расправе с неугодными ему лицами, Адамович перешел на более крупные мишени — на Вооруженные силы СССР, на целые регионы и города. Чего, скажем, стоит его утверждение, будто город Минск заслужил «в последнее время печальную репутацию антиперестроечной Вандеи»? Что же теперь прикажете делать более чем полутора миллионам минчан, как «отмыться» от наклеенного на них «ярлыка»?..» («Советская Белоруссия», 22 октября 1988 г.) Под статьей значилась и фамилия академика АН БССР Н.Дорожкина — того самого, который в 1948-м давил генетику.

Отдадим должное коллегам. Редакции поначалу отказывались печатать разгромные статьи, но таково было распоряжение ЦК КПБ. Тогда СМИ стали публиковать и другие выступления, уже нежелательные для ЦК — в первую очередь друга поддержал Василь Быков. Умным людям сложившаяся ситуация была ясна, поэтому и стали появляться даже песни — как эта, за авторством М.Карпачева:

Адамович, вы же порете чушь!
Объяснили ж вам герои труда:
Фронт народный Белоруссии чужд,
Демократия была всегда.
Брось подзуживать людей на бузу!
Жил бы в Минске — был бы тише воды.
Вам повестка — распишитесь внизу.
Дуй в Чернобыль, мать твою расту-ды!..

Живя в Москве и подвергаясь нападкам на родине, Адамович тем не менее будет всегда стремиться именно сюда. Радим Горецкий вспоминал, что в последний свой приезд в Минск (за 10 дней до смерти) Алесь Михайлович интересовался, можно ли вернуться в Академию наук Беларуси...

Умер Адамович (а по сути-то, погиб) в Москве в 1994-м, сразу после выступления в Верховном суде в поддержку Международного литфонда в вопросе о неделимости собственности писателей бывшего СССР. Вот уж точно не будет преувеличением сказать, что правды Адамович добивался до последней минуты!

Но еще месяцев за пять до кончины Алесь Михайлович наказал дочери, чтобы в случае смерти его обязательно перевезли на родину, в деревню Глуша. Так тому и суждено было статься.

Из записных книжек А.Адамовича

...А кто-то возможно будет смотреть на фотогр/афию/ твоего времени или читать вот это.
Тебя уже нет, а они — вот он, вы, читающие, есть.
Приветствую вас — счастлив, что вы есть.
Значит, разума у нас хватило. И значит, мы как-то продолжаемся вот хоть бы в том, что ты, чел/овек/ XXI в., читаешь это...
...А у нас сейчас надежда, что, став лучше, мы мир сделаем лучше...
Ну, а вы? Вы как?..
Неужели вы все еще позволяете фюрерам дурачить вас?

1989 год.

P.S. Автор выражает искреннюю признательность за неоценимую помощь, оказанную дочерью писателя Натальей Александровной во время подготовки материала, а также благодарит за помощь С.Ф.Дубенецкого. Цитаты из записных книжек Алеся Адамовича даны без изменений. Преимущественно впервые.

Для сведения

«Спасибо художественной самодеятельности белорусской филармонии»

Элеонора ЕЗЕРСКАЯ

В №№3 и 4 «БДГ. Для служебного пользования» уже были опубликованы некоторые главы из книги известной телеведущей Элеоноры Езерской. В этом номере мы предлагаем вашему вниманию новую порцию воспоминаний — о закулисье белорусской филармонии.

Элеонора Езерская

В «Дневниках» Льва Толстого меня когда-то поразила жизненная формула: «Е.Б.Ж.». «Е.Б.Ж.» — Если буду жить...»

Я — не Лев Толстой, и моя жизненная формула гораздо проще... Что есть моя жизнь?! Работа и встречи, любовь и, увы, разочарования...

Вот об этом и постараюсь рассказать в следующих главах... Слава богу, что мне пока еще не 80 лет и я помню еще собственные воспоминания.

Итак, работа. Вы можете смеяться, но выражение «прямо с горшка на работу» — это про меня. Уже в 5 лет я работал топ-моделью. Правда, только слова такого никто не знал. Топ-модель?! Думаю, слово «манекенщица» тоже появилось позднее. В 5 лет меня, красивую и кокетливую девочку, прямо из песочницы пригласили работать демонстратором детской одежды в только что открывшийся после войны Минский Дом моделей. Дом моделей тогда находился на улице Советской, в соседнем доме. Забавно, но, когда в 60-е годы мы переедем с Советской на проспект Машерова, Дом моделей переедет вслед за нами, опять в соседний дом.

Ходить под музыку по помосту в красивых платьицах и пальтишках, мне маленькой очень нравилось. Часами стоять на утомительных примерках, когда будущее платье кроилось, прямо на тебе, нравилось гораздо меньше. Но что делать? Нужно было терпеть. И я в 5 лет знала ради чего: на заработанные деньги мама выкупала мне «коллекционную одежду», которая шилась на меня. Мое пальтишко из серого драпа, все отороченное заячьим мехом и с вышитыми по подолу серыми зайчиками, улица помнила долго.

В 18 лет меня по старой памяти снова пригласят на работу в Дом моделей. Тогда уже появилось слово манекенщица. Но манекенщицей я буду недолго — решительно «против» выступит папа: «Это не занятие для девочки из хорошей семьи!» Бедный папа! Он был очень умен и проницателен, а вот тут не догадался, что пройдет каких-то 20 лет и профессия манекенщицы станет одной из самых престижных в мире.

А я? Я не очень-то переживала. Потому что с 16 лет работала преподавателем в музыкальной школе колхоза им. Гастелло. Два раза в неделю вся семья собирала меня на работу. Сегодня деревня Сенница — это почти черта города, а тогда казалось, что это «черт знает где». Мама готовила мне вкусные бутерброды с черной икрой, и в музыкальной школе я целый день рассказывала детям, что Йозеф Гайдн — сын каретника и отец симфонии. Как привет из того времени ко мне на улице и сегодня подходят, как мне кажется, очень пожилые дяди и тети и, прикрывая рукой беззубые рты, говорят: «Вы наша первая учительница музыки...» После таких встреч я скорее бегу к зеркалу, рассматриваю себя... «Нет, вроде еще ничего себе... Особенно когда в косичках».

В консерватории я была очень хорошей студенткой. На третьем курсе меня даже направили на практику в подмосковный Клин, в Дом-музей Чайковского. Там мне доверили водить экскурсии по мемориальному дому. Мой научный руководитель, профессор истории музыки Георгий Семенович Глущенко во мне души не чаял. С его легкой руки я, студентка, читала курс зарубежной музыки и принимала экзамены у заочников, а чуть позже и на стационаре. Это был 1971 год. И курс у меня был замечательный. Представляете, моими студентами были Игорь Поливода, Николай Сердобов, Василий Раинчик, Виктор Скоробогатов.

Может, потому, что сама я в те годы проходила на вагнеровскую Брунгильду, диплом я стала писать по Рихарду Вагнеру. И, говорят, написала очень неплохую работу. И ждало меня целевое место в Московской консерватории... И на одну ученую даму в Беларуси стало бы больше... Но, представив свою будущую жизнь, я заскучала. Я, конечно, любила умные книги, но также любила ходить по помосту, писать серьезные научные работы и снималась для рекламы чешского мотороллера, кажется, «Ява». Как были расстроены мои учителя — прелестная семейная пара Георгий Семенович Глущенко и Калерия Иосифовна Степанцевич, когда я, к их ужасу, предпочла работе в консерватории сцену и ушла работать в филармонию.

Филармония 1968 года — это совсем не та филармония, что сейчас. Эстрада знала свое место, а главным было искусство филармоническое. Хотя по филармонии уже ходили будущие «Песняры», тогда «Лявоны» — Влад Мисевич, Саша Демешко, Леня Тышкевич, Володя Мулявин с горящими глазами гения. Женой Мулявина тогда была артистка Лида Кармальская — красивая женщина, которую даже не портила легкая хромота. Лида работала в эстрадном отделе филармонии. У нее был редкий жанр — художественный свист. В отличие от ребят у нее была твердая зарплата, и все знали, что Лида просто кормила всех «песняров»: она покупала килограмм селедки и отваривала огромную кастрюлю картошки... Пройдет совсем немного времени, и «пенки» «Песняров» достанутся совсем другой женщине...

10 лет я проработала в филармонии ведущей концертов, имела свою бригаду артистов. Концертов в Минске было немного, и бригады в основном ездили по городам и весям Беларуси. Я и сегодня живу с ощущением, что нет клуба или дворца культуры, где бы я ни выходила на сцену. Тогда не было тупых дискотек, были «университеты культуры» — люди хотели про музыку знать гораздо больше, и нас, филармонических артистов, везде ждали.

Асом филармонической работы, блестящим лектором-музыковедом был, конечно, Лев Давыдович Ауербах. Те, кто постарше, его помнят. Настоящий эрудит, всегда в крахмальной рубашке с неизменной бабочкой. Его не портил даже небольшой местечковый акцент. У Ауербаха было чему поучиться. К тому же он был мудр, а потому доброжелателен. 10 лет работы в филармонии — это такая школа жизни! Такой клубок страстей, зависти, лести, невероятного лицемерия и неожиданного дружеского участия. Все и все знали друг о друге. И, выходя из гримерки на сцену, я знала, что только ступлю за порог — сразу начинается обсуждения меня. Мне всегда хотелось сказать: «Да, у меня был один муж и три любовника... Прошу не перепутать...»

Сегодня, спустя 30 лет, я вспоминаю своих коллег-артистов с нежностью. А тогда некоторых готова была «удавить». Характеры были — не соскучишься... И главное, все — «выдающиеся», «таланты», «гении», только по недоразумению и недосмотру работающие по клубам. В филармонии амбиции были невероятные!

Хотя были и настоящие таланты... Борис Казанцев, например. Его невероятный по красоте и мощи баритон украсил бы сцену любого оперного театра. Борис Дмитриевич работал какое-то время в Большом театре, в Москве. Но характер у него был несносный: слишком горячий! Но на сцене это был бог! Я всегда с удовольствием работала с ним и его женой-красавицей, певицей Женей Цветаевой. Репертуар у Казанцева был огромным: и классику, и народные песни он пел одинаково хорошо. Перед каждым концертом обязательно у меня спрашивал: «Ну, что ты хочешь, чтобы я спел?.. Классику или деревенские песни?» Под деревенскими песнями подразумевались песни бобыля Микиты из белорусской оперы «Кветка шчасця», серенада Дон Кихота Кабалевского, песня «Маритана» Свиридова... В общем, отличная музыка...

Правда, были «певцы», которые на все случаи жизни могли петь только «Гори, гори, моя звезда», «Клен ты мой опавший» и «Улица, улица, ты, брат, пьяна...». Упрекать их в этом было нельзя. Работа филармонического артиста — это работа на износ: холодные, неотапливаемые зимой клубы, пение, даже если ты болен, и так далее. Часто приезжаем на концерт, а публика уже давно стоит в зале. Вот тогда я научилась все снимать с себя и все надевать за две минуты. Ну и что, что вышла однажды на сцену в бигуди, а однажды чуть не потеряла на сцене юбку?! Гримеркой часто служила для всех одна комната... И застегивать перед ведущей брюки, уточняя репертуар, — это было в порядке вещей. Никто ни на кого не обращал никакого внимания.

В сезон мы работали по дворцам культуры, институтам, техникумам и не очень любимыми нами ПТУ. А летом администраторы возили нас, артистов, по колхозам. Администраторы менялись часто. Были настоящие профи, например, Людмила Курганова — всегда с огромным портфелем, жалобами на жизнь и здоровье. Всегда на высоких, правда, кривых каблуках. Но были и такие!!! Мне с бригадой «повезло» поехать с одним таким на первую и последнюю гастроль. Нет, он не пил, не буянил... Немолодой человек, бывший военный, очень нервный. Уже по дороге на концерт, на кого-то рассердившись, он несколько раз выбегал из автобуса с криком, что больше никуда не едет... Вся группа догоняла его, уговаривала вернуться... Наконец после долгого, утомительного, нервного переезда и двух концертов бригада артистов добралась глубокой ночью до гостиницы и расположилась на отдых. Но уже в 6 утра у нашего «бригадира» Толи Эдмина раздался телефонный звонок. Ничего не соображающий Толя, и в нормальные дни просыпающийся не раньше полудня, долго не мог ничего понять. Потом сообразил. Это звонил наш администратор. Его текст был потрясающим: «Толя! Буди народ! Я тут суточные разложил, пусть приходят получают...»

Летние, «колхозные» концерты мы работали на кассу. Билет стоит рубль. И концерты начинались не раньше 10 вечера, чтобы все успевали подоить коров. Зал клуба, как правило, набивался битком. Перед сценой бегали дети, совсем грудных малышей мамаши держали на руках. Тут лекции-концерты не проходили, нужно было понравиться публике. Мы старались, работали от души, публика была довольна. В конце каждого концерта на сцену выходил председатель местного колхоза. Почему-то председатели говорили одни и те же слова: «Благодарим художественную самодеятельность белорусской филармонии за хорошо поставленный концерт...»

На этих концертах скрипач Анатолий Эдмин — одессит, человек веселого, легкого нрава, всегда с «Чардашом» Монти и «Танцем с саблями» Хачатуряна — обязательно исполнял произведение собственного сочинения. Оно называлось «Утро в деревне». К музыке этот номер никакого отношения не имел. На скрипке с помощью пиццикато и флажолетов Толя очень похоже имитировал мычание коров, кудахтанье кур, блеяние овец и т.д. Колхозники были в восторге.

На одном из таких сельских концертов отличился наш другой скрипач — Абрам Волошин. Абрам Мироныч был человеком своеобразным, наивным, смешным и трогательным одновременно. Он тоже был одессит, даже учился музыке в знаменитой одесской школе у Столярского, чуть ли не в одном классе с Бубой Гольдштейном. Правда, когда я познакомилась с Абрамом Миронычем, у него, можно сказать, все уже было позади. Талант тоже. Хотя в молодости, говорили, Волошин был хорошим скрипачем, а вот многолетняя работа в концертно-лекционном бюро Белорусской филармонии, увы, мастерства, не прибавила. Концерты ведь были в основном по ПТУ, колхозным клубам, рабочим общежитиям... Я шутила: «Ты перед ними во фраке и вечернем платье, они (зрители) перед тобой — в бумазейных халатах и тапочках на босу ногу...» Но я отвлеклась.

У Волошина был уникальный инструмент XVIII века. Не Страдивари, не Амати, не Гварнери, но что-то очень приличное. (Правда, когда Волошин играл на моих концертах, хорошее звучание инструмента тоже уже было в прошлом.) Какой-то зимой в гололед, торопясь на очередной концерт, Абрам Миронович умудрился сесть на свою бесценную скрипку. Инструмент долго «лечили» московские мастера, но ее волшебный звук, увы, был утерян.

Перед началом концерта я однажды спросила у маэстро: «Абрам Мироныч! Как вас объявлять: Абрам Волошин или Аркадий Волошин?» В те времена все Абрамы почему-то любили становиться Аркадиями, но я Аркадьевна настоящая. Так вот, Волошин, улыбнувшись, мне говорит: «Леановочка (букву «р» он не выговаривал), — вы объявите «Аркадий», но когда я выйду на сцену, они поймут, что я — Абрам».

И вот что произошло на том концерте. Волошин на сцене, а мы слышим в гримерке: его скрипка звучит все тише, тише и вообще замирает. Мы выглядываем из-за кулис и видим: во втором ряду, прямо перед сценой какой-то парень тискает девку, расстегнул ей платье до пупа, а наш паганини перестал играть и как завороженный смотрит на эту сцену. Потом как бы очнулся, встрепенулся и в вихревом темпе закончил пьесу. Мы его спрашиваем: «Как же вы очнулись, Абрам Мироныч?» — «Я сказал себе: Абрам, ты на посту». Это «Абрам, ты на посту» вошло в историю белорусской филармонии.

Или другой забавный случай. Мы едем на концерт, длинная дорога. Как всегда, старый разбитый автобус. Абрам Мироныч ерзает на своем месте. Чувствуется, что ему неудобно, что-то мешает. Потом он обращается ко мне: «Леановочка! Там, где вы сидите, не дует?» — «Нет, Абрам Мироныч! Не дует» — «Ой, тогда давайте поменяемся с вами местом, а то тут мне очень дует».

...Свою филармоническую жизнь могу вспоминать бесконечно. Сколько было историй и смешных, и грустных, и совсем несмешных... Сережа Выдрик, Анна Балацкая, Герирд Чернышев, Сергей Гредюшков, Регина Белецкая, Анна Крачко, Володя Венрик... Я вас всех помню и люблю!

Следить за развитием

Через тренера — к звездам

Сергей ЯКОВЛЕВ

«Готовь сани летом» — гласит народная мудрость. И, очень может быть, благодаря этому проверенному веками правилу мы имеем две сенсационные новости в зимних видах спорта. Во-первых, сразу двух постов лишился самый удачливый белорусский хоккейный тренер последнего года Валерий Воронин. А во-вторых, благодаря стараниям главного тренера белорусских биатлонистов в Беларусь переехали известные в прошлом мастера биатлона — украинка Елена Зубрилова и россиянин Владимир Драчев. Эти новости, безусловно, заметили практически все белорусские СМИ, отслеживающие спортивные темы. Однако мы готовы рассказать вам о подноготной случившихся уходов-приходов. Не зря ведь другая народная мудрость гласит: «Истина — в деталях».

Александр Попов

Валерий Воронин

Лебединая песня

Для Валерия Геннадьевича Воронина минувший сезон получился на редкость успешным. Как в минском «Керамине», которым он руководил, так и в национальной сборной Беларуси, где он являлся помощником главного тренера. Сначала была сенсационная победа над шведами в Солт-Лейк-Сити, позволившая белорусскому хоккею покорить доселе недосягаемую вершину — 4-е олимпийское место. Вторая победа — в Эйндховене. Напомним, если в Америке Воронин был помощником главного тренера национальной команды россиянина Владимира Крикунова, то позже из-за занятости Крикунова в сборной России именно Воронину было доверено командовать парадом в Эйндховене. Там наши хоккеисты без особых проблем заняли первое место в первом дивизионе чемпионата мира и пробились в группу сильнейших. Одновременно Валерий Геннадьевич продолжал работать с «Керамином» и вывел клуб в чемпионы страны. Причем финальная часть была пройдена «Керамином» без единого поражения.

Это ли не успех?.. И после окончания сезона, как полагается в таких случаях, прошли праздничные мероприятия. Вначале лично глава государства подписал указ о присвоении Валерию Воронину звания заслуженного тренера Беларуси. Затем, уже на клубном банкете, генералитет «Керамина» во главе с тогда еще генеральным директором одноименного предприятия Анатолием Тютюновым (сейчас он стал вице-премьером. — **Здесь и далее прим. автора**) поблагодарил тренера за работу и выплатил премиальные за победу. Отдышавшись от теплых слов в свой адрес, слов признания и благодарности, Валерий Воронин отправился на отдых в Ярославль... Знал ли он, что по возвращении из отпуска окажется невостребованным сразу в двух ипостасях? Возможно, догадывался, так как «звонок» прозвенел уже в те бравурные дни.

Вот что заявил Воронин корреспонденту «БДГ»:

— Руководство «Керамина» не стало со мной продлевать договор, срок которого истек 30 июня, несмотря на то, что задачи, которые поставили в начале сезона перед командой, практически были выполнены. И все-таки мы расстались по-мужски. Что же касается сборной, то пока рано говорить о моей невостребованности в ней. По крайней мере, на состоявшемся в конце мая исполкоме Белорусской федерации хоккея и Крикунов, и глава федерации Владимир Наумов сказали, что на матчах евротура командой будут руководить разные тренеры. Среди прочих была названа и моя фамилия.

Слухи, что Воронина собираются убрать, начали ходить еще в начале года. Причиной «доброжелатели» называли страсть тренера к «зеленому змию» со всеми вытекающими отсюда последствиями и упреками в пропусках тренировок, в разброде и шатании в команде, т.д. и т.п... Впрочем, все это неважно, ведь Воронин дал главное — результат. Так, в розыгрыше Восточноевропейской хоккейной лиги «Керамин» долго лидировал, и только в плей-офф против «Риги» удача отвернулась от минчан. После этого, неожиданно осознав, что «Керамин» — команда сильная, перед Ворониным скорректировали задачу на чемпионат страны: минчанам надо было стать вторыми в национальном чемпионате, чтобы попасть на Европу (золото все трезвомыслящие специалисты заранее отдавали «Гомелю»). Но в итоге именно столичный «Керамин» занял первое место, а гомельчане и вовсе оказались за чертой призеров.

Носить бы такого тренера на руках и всячески удерживать в клубе, но, увы, в спортивном закулисье — все те же неспортивные методы борьбы. «Друзья», как теперь выясняется, из числа ближайших соратников-помощников Воронина продолжали нашептывать куда следует о вредных привычках тренера... Кому пришла в голову кандидатура Евгения Лебедева, которого незадолго до этого вышвырнули из «Гомеля» (как же иначе это назвать, если новый главный тренер Владимир Синицын был представлен гомельским хоккеистам сразу же после окончания последнего матча?), нам неизвестно. Однако любому мало-мальски знакомому с белорусским хоккеем человеку эта кандидатура покажется странной. Так, история свидетельствует, что где бы ни трудился Евгений Иванович Лебедев, добром это не заканчивалось. После его работы в жлобинской «Белстали» и минском «Тивали» клубы вообще прекратили свое существование. Его приход в «Гомель» — самый обеспеченный клуб страны, с хорошим подбором игроков, приличной материальной и тренировочной базой — ознаменовался тем, что клуб остался без наград и в ВЕХЛ, и в национальном чемпионате. Вот и думай теперь, почему Лебедев показался хозяевам «Керамина» перспективнее Воронина и какой логикой они руководствовались, производя такую замену?..

Смещение Воронина с должности одного из тренеров национальной сборной проходило по схожей схеме.

Есть такой тренер — Владимир Сафонов. Он работал в екатеринбургской «Динамо-Энергии», куда, говорят, попал по рекомендации теперь хорошо знакомого белорусам Владимира Крикунова. Достоверно известно, что после Олимпиады и скандалов, которые были в России из-за того, что действующий российский тренер выводил на лед в Солт-Лейк-Сити чужую сборную, Крикунов не решился надолго оставить свою основную работу. И потому свозить белорусскую сборную в Эйндховен предложил Сафонову. Однако Сафонов тоже сослался на занятость и предложение отклонил. В результате к победе наших хоккеистов вел все тот же Воронин. Но надо же, какая незадача! Владимира Сафонова все-таки «ушли» из «Динамо-Энергии». И когда он остался без работы, то незамедлительно вспомнил о белорусских перспективах, которые сулил Владимир Крикунов.

Ну как не помочь другу? Крикунов, главный тренер белорусской хоккейной сборной, но по уши занятый в своем нижнекамском «Нефтехимике», предложил Белорусской федерации хоккея назначить Сафонова помощником тренера, поставить на ставку федерации и доверить ему управление белорусской сборной на трех этапах «Европейского хоккейного вызова». И первое лицо БФХ, министр МВД Владимир Наумов, такое решение Крикунова, профессионализму которого он полностью доверяет, одобрил. А вот перед Ворониным даже не извинились. Ему просто пообещали подыскать работу. И действительно, был вариант — с юношеской сборной Беларуси. Однако прежний «главный» юных дарований Михаил Захаров, потеряв надежду пойти на повышение, решил остаться рулевым у юношей. В результате Владимир Воронин, тренер, под руководством которого в течение одного года две команды праздновали победу, остался без работы.

«Звезд» с неба не хватаем...

Для главного тренера белорусских биатлонистов Александра Владимировича Попова прошлый сезон оказался, наоборот, крайне неудачным. Впервые за последние пять Олимпиад представители белорусской школы биатлона не завоевали медалей! И это несмотря на то, что именно стреляющим лыжникам для подготовки к Солт-Лейк-Сити была оказана всесторонняя поддержка — они участвовали практически во всех этапах Кубка мира, готовились к соревнованиям исключительно на заграничных базах. Но, увы, выступление на Олимпиаде продемонстрировало лишь ущербность наших результатов. В первую очередь подвели мужчины в эстафете, на которых делалась основная ставка: ждали медалей, а спортсмены финишировали лишь 8-ми. Лучом света в темном царстве явилась только Ольга Назарова, которая заняла высокие для себя 6-е (в индивидуальной гонке на 15 км) и 7-е (в эстафете) места. В общем, все радовались за Ольгу, но переживали за страну. Однако Александр Попов, подводя итоги выступления своих спортсменов на совместной коллегии Минспорта и Национального олимпийского комитета, сумел себя обелить. «В целом ...оценка нашего выступления на Олимпиаде должна быть положительная, — заявил Попов. — Причина слабого выступления мужской команды, которую курировал старший тренер сборной Махлаев, заключается в ошибках, допущенных при составлении плана подготовки к Играм. Правильность же тактики и стратегии, предложенных мной, подтверждают достижения женской команды».

Честно говоря, за такое поведение в мужских компаниях бьют по морде. И по логике, если ты главный тренер — то ты за все и отвечаешь, а дальше уже разбирайся у себя, кто и как выполнял твои указания или не выполнял их. Но функционеры от спорта бить никого не стали, хотя и были крайне недовольны выступлением сборной: биатлон ведь «съел» около 200 тыс. долларов, а отдачи в виде медали — никакой! Попову порекомендовали подумать об исправлении сложившейся ситуации. Но он, как нам кажется, долго не думал, ведь обнаруженные ошибки исправлять только дурак и не сумеет. А Попов — не дурак. И он заменил Махлаева вернувшимся из Польши Константином Вайгиным да пообещал больше внимания уделять работе с мужской командой. Все тип-топ!

Между тем олимпийский чемпион-88 Александр Попов уже несколько лет в качестве тренера предлагает лишь один «рецепт счастья» — переманивать в Беларусь чужих спортсменов. Так, предчувствуя неладное, в начале этого года он начал вести переговоры с четырехкратной чемпионкой мира украинкой Еленой Зубриловой, тем более что у Зубриловой возникли серьезные проблемы и с руководством таможенной федерации, и с главным тренерам сборной Украины. Зубрилова поначалу ничего не обещала, надеясь, что ситуация нормализуется. К тому же обхаживали спортсменку болгары, молдаване и румыны. Однако, как часто бывает, к 29-летней Зубриловой много кто сватался, но никто ничего толкового не предлагал. В результате ей пришлось согласиться на предложение белорусов: месячный оклад около 1500 долларов, в случае победы на чемпионате мира — президентская стипендия, возможность вести целенаправленную подготовку на заграничных базах. И Елена вместе с мужем и личным тренером Романом Зубриловым перебралась в белорусскую столицу, где на самом высоком уровне были решены вопросы с гражданством, минской пропиской, служебной квартирой.

Вторым козырным тузом в рукаве Попова оказался его хороший друг из сборной России, пятикратный чемпион мира Владимир Драчев. У Драчева (по стечению обстоятельств, что ли) тоже не заладились дела в российской сборной, и он, польстившись на предложение, также стал «белорусом». А чего терять? 36-летний Драчев уже два года находился в «простое», так как российские тренеры нашли для себя более перспективных спортсменов. Но эти обстоятельства не смущают белорусское Министерство спорта. И хотя контракт с Драчевым еще не заключен — все дело идет к тому, что задержек не будет.

Тем временем у многих специалистов «рецепт счастья» от Попова вызывает лишь недоумение. Немногие рискуют высказаться открыто (не так-то просто в нашей стране найти хорошую тренерскую работу), но в частных беседах соглашаются: приглашать спортсменов, «отбракованных» из других национальных сборных — это путь в никуда. Но, к сожалению, ничего другого Попов пока предложить не смог. Напомним, что в 1998 году, завязав с активной деятельностью спортсмена, он сразу же возглавил молодежную сборную республики. Проработал с ней около года и перебрался в кресло главного тренера национальной команды. Завидных результатов это не принесло: несколько раз ситуацию спасала славная мужская эстафета, но в женской сборной положение было аховым. В результате незадолго до Олимпиады-2002 образовавшуюся брешь в женской сборной Беларуси было решено залатать воспитанницами красноярской школы Еленой Хрусталевой и Евгенией Куцепаловой, которые не попали в основу сборной России и у которых лучшим достижением являлись медали Студенческих игр. Сейчас в женской сборной Беларуси сложилась вообще «уникальная» ситуация: из 7 спортсменок на сборы в Болгарию отправились 6 легионерок — Назарова, Куцепалова, Ефремова, Зикункова, Зубрилова, Орловская (в недалеком прошлом Лысенко) и только одна наша, доморощенная спортсменка — Григорьева. Спросите, кто такая Ефремова и где еще одна легионерка Хрусталева? 25-летняя Лилия Ефремова весной перебралась в Беларусь из Чувашии, а у Хрусталевой перед началом этого сезона появились проблемы со здоровьем, и Минспорта решил не продлевать с ней контракт. Впрочем, иные полагают, что эти болячки были найдены преднамеренно, чтобы представительство в сборной местных и «варягов» не стало уж совсем неприличным — 7 к 0.

Как бы то ни было, «0» в графе «воспитанники белорусской школы» — это, похоже, дело не такой уж далекой перспективы. Ведь при нашем спортивном президенте под разговоры о детско-юношеском спорте средства идут для достижения сиюминутных результатов. И, что особенно печально, в большинстве случаев — результатов не спортивных, а личных.

Для служебного пользования

Размножить

Красноярск-26

Из записок военного строителя

Продолжаем публикацию глав из новой книги Семена Букчина (начало в NN5, 6)

«Двадцатка»

Семь дней продержали в учебном полку: ходили строем, отдавали честь, песни орали, стараясь перекричать идущую навстречу такую же «молодую» роту. Однажды в клуб загнали, показали «Воскресение» по Толстому с Матвеевым в роли Нехлюдова и Семиной — Катюшей. Две серии. Знаменитое Катюшино в суде: «Невиноватая я! Невиноватая!» И потом уход на каторгу, проводы, серые башлыки конвойных, несчастное лицо Нехлюдова...

Под эти кадры вспомнилось жаркое лето 1962 года. Мы с приятелем Володей, студентом БПИ, плывем на теплоходе «Иван Франко» из Киева до Херсона. Все тогда кидались в стройотряды, в основном на восток, на заработки, а мы, пренебрегавшие трудовым порывом студенческих масс, устремлялись на юг, к морю, за теплом, за солнцем, за новыми впечатлениями и приключениями. И маршрут выбирали поинтереснее, чтобы не просто поездом, а, скажем, из Гомеля на «Ракете» до Киева (вот были распрекрасные времена: по Сожу комфортабельные пассажирские катера ходили!), а оттуда уже по Днепру к Черному морю. На палубе первого класса «Ивана Франко», куда мы, трюмные пассажиры, выползаем из своего мрака, царит неотразимый, уже популярный Евгений Матвеев. Он курит шикарную трубку в окружении кучи почитателей. Но мы с Вовкой пялимся в основном на его симпатичную дочку Светлану, тоже не страдающую от невнимания. Но куда нам, явным провинциалам, в застиранных безрукавках и грубых, точно из жести, китайских синих рабочих штанах, которые мы специально приобрели для путешествия, до молодых лощеных московских снобов. Но вот завязался разговор о поэзии, и я бросил свое коронное:

— Могу читать стихи по памяти не менее трех часов!

Москвичи не поверили. Заключили пари. Проигравшие кормят двоих шикарным ужином в корабельном ресторане. У нас, конечно, были деньги (Володя на протяжении года откладывал из своей стипендии, я копил на летнее путешествие из гонораров), но экономили мы жестоко, желая побывать и в Крыму и на Кавказе. Поэтому все время хотелось есть неверояно.

Я начал с классики — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин... Потом перешел на менее известное и полузапретное — Ахматова, Мандельштам, Гумилев, Цветаева... Последние тогда не издавались. Но не зря же я просиживал вечера в Республиканской библиотеке имени Ленина и переписывал в общие тетради из старых изданий и дореволюционных журналов — «Аполлона», «Золотого руна», «Весов»... Я был помешан на стихах, в особенности на поэтах «серебряного» века. Ну и охмурять интеллигентных девушек с помощью хорошей поэзии — это был один из безотказных моих приемов.

Матвеев несколько раз покидал нас и возвращался, удивляясь, что чтение продолжается. А вот Светлана не ушла до самого конца. И, конечно, была на великолепном ужине в ресторане, где мы с Володей назаказывали умопомрачительных по стоимости блюд и напитков. Но ужином все и закончилось. Прекрасная матвеевская дочка растаяла, как сон, на корабельном трапе в Херсоне, откуда мы морем отправились в Одессу.

А в роте слухи, разговоры по углам, намеки... Говорили, что под городом, в котором мы сейчас находимся и которого мы, впрочем, еще не видели, глубоко под землей, есть такой же город, с освещенными улицами, зданиями, транспортом и даже магазинами. И что занимаются в том подземном городе очень опасным для здоровья делом, связанным с радиацией. Но чем конкретно — этого никто не знал. «Да нам эти дела, как пизде дверцы, — говорил, сплевывая, Леха Корнильченко, парень из Волгограда. — Мы ведь в ДОК определены на деревообделку. Так?» Наши койки были рядом, и Леха, хотя и старался держаться уверенно, явно искал у меня, бывшего старше его на четыре года, поддержки. По ночам в роте слышались сильные шорохи, под тонкими одеялами молодые воины занимались онанизмом, проверяя, не сказались ли уже последствия радиации.

В один из дней в ленинской комнате нас заставили написать обязательства о неразглашении государственной и военной тайны. Но в чем была суть этой тайны — не сказали. Предупредили только, что в письмах родным и друзьям нельзя рассказывать о месте и условиях службы. Наконец, в сорокаградусный мороз нас выстроили на плацу, и тут же появился маленький майор-армянин. В распахнутой шинели он бежал перед строем и весело сообщал нам:

— Я — майор Авакян, замкомандира полка по производству! Вы что приуныли? Мороза испугались? Да я тут уже двенадцать лет, и все у меня нормально! Здоров как бык! Даже жарковато, потому и шинель не всегда застегиваю. И вы привыкнете. Теперь разберемся, что вы за народ! Значит так, кто работал на деревообделке, шаг вперед! Каменщики, штукатуры, плиточники, два шага вперед! Водители, три шага вперед! Учтите, врать не следует, мы проверим все по личным делам позже.

Вместе со мной осталось человек двадцать. Из первой шагнувшей вперед колонны мне делал знаки Леха Корнильченко, он даже крутанул пальцем у виска, показывая, что я поступаю, как круглый дурак. Леха работал до армии в часовой мастерской, но сейчас решил, что нужно прорываться хотя бы дуриком на деревообделочный комбинат, лишь бы не нарваться на что-то опасное, близкое к той же радиации.

Оставшихся на месте майор Авакян опрашивал лично.

— Кем работал до армии? — дошел и до меня.

— Фрезеровщиком.

— Станочники нам не нужны. Пойдешь на лесоповал.

Это прозвучало как приговор, который никакому обжалованию не подлежал.

Затем нам был объяснен наш, если можно употребить здесь это слово, статус. Получалось, что, с одной стороны, мы — солдаты, призванные на действительную срочную службу, а потому должны подчиняться всем уставам и правилам Вооруженных Сил. Поэтому будет присяга, и карабин, пообещал майор, подержите в руках несколько минут один раз за всю службу. А с другой стороны, мы — прежде всего военные строители, рабочие, главная задача которых не метко стрелять и поражать врага, а выполнять производственный план. Соответственно как рабочим нам положены заработная плата в зависимости от выработки и даже премии. Правда, все деньги на руки выдавать не будут. После вычетов за хлопчатобумажное и полушерстяное обмундирование, за бушлат, сапоги, за спецодежду и питание оставшуюся сумму будут делить пополам: одну половину класть на сберкнижку, а вторую выдавать на руки раз в месяц. В общем, вполне самоокупаемые рабы: сами себе зарабатывают на пропитание и одежду и еще кое-что могут скопить ко времени освобождения. И даже — поистине вершина либерального отношения к рабам — можно было с той, второй половины оставшегося после вычетов заработка, что шла на личный счет в сберкассу, что-то снять, ежели, к примеру, воин-раб захотел бы послать матери ко дню рождения подарок — пуховый платок, например. Правда, для этого нужно было написать специальное обращение на имя командира роты, а тот, завизировав свое согласие, обращался к командиру батальона, и лишь после его разрешения соответствующая сумма могла быть снята со счета. Правда, как выяснилось очень скоро, воины-рабы нередко злоупотребляли столь либеральным отношением. Начальство начинало путаться в количестве дней рождения ближайших родственников и друзей своих подчиненных. Неожиданно выяснялось, что один снимал деньги на подарок матери трижды в течение полугода, другой так любил отца и сестру, что готов был заваливать их подарками чуть ли не каждый месяц, третий раза четыре успешно доказывал, что готов купить баян, только вот нужной марки в местном универмаге не находится. Разумеется, никаких подарков чаще всего не высылалось, а «баянист» понятия малейшего не имел об инструменте. А деньги снимались, как правило, на пропой души, к чему более чем соблазняли тамошние магазины.

— В общем, те, кто не намерен лентяйничать, а, напротив, будет добросовестно трудиться, могут к концу службы скопить на своем лицевом счету весьма приличную сумму. У нас тут один грузин, сварщик, уехал в дембель на своей «Волге». Вот так!

Этот заключительный «аккорд» майора Авакяна про грузина-сварщика, уехавшего домой на своей «Волге», разжег в нашей роте жуткие страсти. Одни говорили, что майор гонит туфту и заработать на «Волгу» при таких вычетах за три года невозможно. Другие, загадочно усмехаясь, намекали: «А ты знаешь, какой здесь объект, какие бабки сюда государство всаживает? Да им никаких денег здесь не жалко! Ты был в нашей чайной, видел, какие там продукты?»

Да, наша солдатская чайная, попросту обычный буфет со столиками, конечно, свела бы с ума привыкших к дефициту всего и вся рядовых советских граждан, причем не только в глухой провинции, но и в больших городах. Крупные, сочные крымские яблоки и груши, которые можно было увидеть только в знаменитой «микояновской» «Книге о вкусной и здоровой пище», разного рода сухие колбасы, шоколад и дорогие конфеты в коробках, торты и пирожные, рыбные и мясные консервы... От этого невиданного изобилия кружилась голова и разбегались глаза. Народ балдел и проедал последние привезенные с гражданки деньги, хотя и в столовой кормили неплохо. Кое-кто попытался соорудить посылочку домой, благо почтовое отделение находилось на территории части, но это дело начальство тут же пресекло.

Я не спал ночи напролет. Давали знать о себе и привычная бессонница, и нервное напряжение. Утром поднимался с кружащейся от боли головой, с глубокими темными подглазьями. Татарин-дневальный, дослуживавший последние недели в роте перед дембелем, спрашивал участливо: «Опять не спал?» Раз по пять на день нас выстраивали и делали перекличку. Проверяли, не пропал ли кто. На мое замечание, что, мол, какая тут может быть пропажа, ежели кругом колючая проволока и посты, сержант Шумратов (а он был приставлен к нам и в учебной роте) отозвался так:

— Не скажи... Молодые, бывает, пропадают... Подгуляли у кого нервишки или с мозгами у человека не в порядке — вот он и повесился где в уголке, находили таких через день или даже два.

Поскольку встречались одинаковые фамилии, то во время переклички называли и имя. Естественно, и меня выкликали по паспорту: «Букчин Самуил!» После очередной переклички ко мне подошел малый с физиономией блатного и, сделав рукой жест наподобие увиливающей змейки, прогнусавил: «Самуил! Как это ты в армию попал? Вы ведь все вот так от нее бегаете!»

Я двинул ему сначала ногой в пах, а потом «разогнул» ударом крюком, это снизу под подбородок, так, как учил меня приятель школьных лет Володя Пусель, гроза послевоенного тракторозаводского поселка. Блатной трахнулся затылком о круглый стол-опору, что тянулся вдоль центра казармы, и медленно сполз на пол.

— Прилично ты его сделал, — сказал Шумратов вечером в сушилке, где мы по-приятельски распили приобретенную им в городе (естественно, на мои деньги) бутылку водки. Я по-прежнему пытался разузнать у него подробнее о подземном городе, о существовавшем там производстве, вообще о зоне.

— Ну атом... атом здесь! — досадливо поморщился сержант. — Радиация! Комбинат там горно-химический. Урановую руду перерабатывают. Дальше сам соображай. Главное — белокровие не подхватить к концу службы. А то снесут на «девятку», и родителям попрощаться даже не дадут. А город сам увидишь, когда пойдешь в увольнение. Только особенно далеко не сунешься — посты вокруг, проволока... А еще говорят — «маленький Ленинград».

И еще я узнал от Шумратова настоящее название города — Железногорск.

— Но оно засекречено... В ходу только это — Красноярск-26.

Уже будучи в рабочей роте, я в первое же увольнение попытался максимально исследовать как центральную часть города, так и выходить, а точнее, только приближаться, где это было возможно, к его пограничнo-проволочному периметру. Конечно, место для секретного производства и, естественно, секретного при нем города было выбрано идеально. Город находился в котловине, с востока и севера ограниченной Енисеем, а с запада и юга замкнутый высокими сопками. Одна из них и называлась «девятка», там располагалось кладбище. Не знаю, есть ли еще где в мире такое обширное «молодое» кладбище, если иметь в виду возраст похороненных. Никаких памятников или плит, только столбики деревянные со звездами, на которых лишь фамилии, инициалы и даты рождения и смерти. Большинству было от восемнадцати до двадцати лет... И что же здесь за битва такая была, что так много полегло молодых? Часть могильных столбиков со звездочками сгнила, но на некоторых, самых старых, с трудом можно было разглядеть годы смерти (или гибели?) — 1952-й, 1953-й, 1956-й...

Вроде никакой войны в центре Восточной Сибири в те годы не было. И такие жертвы... А между тем война была. Только другая, без пушек и пулеметов. Товарищ Сталин так же, как он делал это в годы войны с Германией, не задумываясь бросил в ее котел тысячи молодых жизней. На этот раз в атомный котел. Но подробнее об этом попозже... Пока расскажу еще о городе.

С той же «девятки» было видно, что там, где Енисей огибал город с севера, высилась странная гора. Странность ее была в том, что на ней не рос, как на других сопках, лес, она напоминала скорее шахтный терриконо, сложенный из множества отвалов извлеченного из земли грунта. Над горой постоянно курился дымок. Несколько позже я понял, почему старослужащие, наблюдая за ним, многозначительно замечали по поводу того, «на кого сегодня несет». Вдоль берега Енисея вилась ветка железной дороги, странно обрываясь у самой горы, попросту утыкаясь в нее.

Зона — высоченная, в два ряда проволочная ограда — начиналась сразу же на спуске сопок в западном и южном направлениях. Щиты с надписями «Стоп! Стрельба без предупреждения!» встречались уже метров за триста до ограды, хотя непонятно было, откуда, собственно, могли стрелять. Две сторожевые вышки высились в низине, откуда выходила единственная асфальтированная дорога, ведшая в Большой Красноярск. Там располагался и контрольно-пропускной пункт.

Недалеко от «девятки», на одной из невысоких сопок, располагалось несколько неприметных, но крепких одноэтажных построек. Здесь находилось УВСЧ — Управление военно-строительных частей, объединявшее десяток находившихся в зоне полков, каждый из которых был специализированным — шахтеры, домостроители, дорожники, автомобилисты... В этом зонном государстве все было свое: свой художественный ансамбль с оркестром, свои портные и сапожники (за бесценок они шили офицерам и мундиры, и гражданские костюмы, тачали классные сапоги), свои мастера по ремонту часов, телевизоров и радиоприемников, свои повара, обслуживавшие офицерские банкеты в Доме офицеров. Заместитель начальника Управления по тылу полковник Брук отыскал в частях нескольких кавказцев, которые с умопомрачительной красотой расположили виноград в специальных вазах на новогоднем банкете. Где был раздобыт свежайший виноград посреди сибирской зимы — об этом полковник Брук помалкивал, лишь таинственно улыбаясь на вопросы любопытствовавших. Об этом событии неделю говорил весь город. Однажды я возвращался с Бруком из Большого Красноярска в зону на его «газике», и он неожиданно стал жаловаться мне, рядовому, на тяготы своей жизни. А когда я осторожно заметил, что все-таки он дослужился до полковника, старый еврей сбросил с абсолютно лысой головы папаху и досадливо поморщился:

— Знаешь что, возьми себе мои три звезды и отдай мне свой член.

Брук прослужил в Красноярске-26 двадцать пять лет. Его слова припомнили мне сказанное сержантом Шумратовым еще в поезде:

— Стоять не будет.

ский инженер Сергей Иванович даже одобрял мою просветительскую деятельность:

— Молодец, хороших писателей товарищам рекомендуешь.

И даже сам иной раз присаживался послушать. Впрочем, вся эта идиллия закончилась через месяц с небольшим. Библиотекарша Валя была девушка разведенная, держалась твердых правил, и взять эту крепость стихами даже Есенина было сложно. Была Валюша особой не столько романтической, сколько рассудительно-практической.

— Заарестуют тебя скоро, — говорила она вполне скучным голосом, выставляя на стол потрясающее угощение — настоящие сибирские пельмени.

Я пытался шутить и рисовал картины нашего совместного бегства.

— Да уж, прямо из зоны самолетом полетим! — отзывалась она.

— Ну зачем самолетом? Можно и попроще — автобусом, — пытался я неуклюже выведать подробности зонных порядков. — Я ведь знаю, что из зоны в Большой Красноярск регулярно ходит автобус.

— Только не для таких, как ты!

— Ну а для тебя, конечно, всегда пожалуйста!

— Конечно! У меня штампик такой в паспорте есть! Две лошадки! В любой момент могу выехать! Библиотека-то наша комплектуется в краевом центре. Понял?

— Покажи паспорт!

— Еще чего!

Валя замыкалась, делалась отстраненной. Это наступало всегда, когда мы заговаривали о зоне и ее порядках. Чувствовалось, что она что-то знает, но ни за что не скажет.

Однажды после любимых ею моих рассказов о том, как живут в Минске, вообще в Беларуси, я, воспользовавшись ее размягченностью, пошел напрямки:

— Скажи, что там делают, под землей?

— Под какой еще землей?

— Не строй дурочку. Ты понимаешь прекрасно, о чем я спрашиваю!

— Не понимаю и понимать не хочу.

В такие минуты она становилась похожей на гражданского инженера Сергея Ивановича, с которым я мог говорить сколько угодно о литературе, искусстве, но как только приближался к «зонной теме», он напрягался, переводил разговор на другое. У нас не было с Валей романа, но однажды она «пожалела солдатика», и я остался у нее на ночь, соврав что-то вроде того, что ночи теплые и нашей бригаде разрешили заночевать на заимке для лучшего выполнения плана.

Наутро прямо к библиотеке за мной пришла машина с гауптвахты. И я начал свою трудовую деятельность на цементной станции. Десять суток оттаскал мешки с цементом из вагонов на склад. Можно было и здесь «пойти в отказ», но меня предупредили, что «отказников» жестоко избивает охрана из «чекистского полка». Очень скоро зарешеченный «пазик» гауптвахты сделался, можно сказать, моим персональным транспортом, а цементная станция — местом моего действительно трудового подвига. Шиллер и питьевой спирт не перевешивали нараставшего глухого брожения в бригаде по поводу того, что она должна вкалывать «за студента». И ротное, и полковое начальство узнало о моем «особом положении» в бригаде. Еще три раза меня на разные сроки «бросали на цемент». А потом было принято решение о переводе моем в «полусотку», в шахтерский полк, которым командовал суровейший, по рассказам, полковник Янчук. Смысл перевода коротко сформулировал на вечерней поверке замполит Цедриченко:

— На проходке не забалует! Там деваться некуда! И народ там такой, что живо рога обломают! Научат правильной жизни любого студента!

И очень скоро за мной из «полусотки» явился старшина Задыба.

У Брука были проблемы. И не только у него. Может, поэтому так отчаянно пило тамошнее офицерство...

Но продолжим путешествие по зоне. Ближе к контрольно-пропускному пункту укрытое небольшой рощей стояло угрюмое трехэтажное бетонное здание Управления комбинатом и режимом промышленной зоны. Единственный вход в него стерег специальный наряд солдат из внутренних войск в составе четырех человек, вооруженных автоматами. Здесь находился мозг зоны. УВСЧ подчинялось людям, работавшим в этой бетонной коробке, оно было только поставщиком и организатором быта рабов в военной форме. Полушепотом произносилась фамилия истинного бога зоны — начальника комбината генерала Штефана. Наш генерал Лавазов, начальник УВСЧ, безоговорочно исполнял приказы Штефана, над которым был только один властитель — сам министр среднего и специального машиностроения СССР Славский. Короче, Министерство обороны было исполнителем воли «Средмаша». О Штефане говорили, что он технический гений и большой любитель классической музыки. У меня была с ним одна встреча, о которой расскажу ниже.

Спустя некоторое время я понял и неслучайность расположения Управления комбинатом — там, где сопки расступались и сам собой образовался воздушный коридор от дальней излучины Енисея до шоссе, ведшего в Большой Красноярск. Это пространство проветривалось, и воздушные потоки, несшие дыхание радиации со стороны комбината, обходили его.

Сам город напоминал о Ленинграде не только своим строго шахматным порядком улиц, уставленных — увы! — не старинными зданиями, а главным образом серыми блоками кирпичных пятиэтажек. Встречались и добротные, плотно огороженные особнячки, некоторые даже «ампирного» вида, с колоннадой. Впрочем, о «ленинградских претензиях» больше свидетельствовала центральная площадь, посреди которой располагалось здание городского театра, напоминавшее отчасти бывший Александринский, слева от него — четырехэтажная гостиница, выстроенная в ложноклассическом стиле, явно под «Асторию», справа — здание горкома партии и горисполкома с лепниной и прочей помпезностью советского классицизма 50-х годов. Естественно, самое центральное место в этом ансамбле занимал громадный памятник Ленину — он протягивал руку к горе, над которой курился дымок. Никаких вывесок ни на театре, ни на гостинице, ни на здании горисполкома. Магазины, правда, обозначены коротко — «Продукты», «Промтовары», «Книги»... А в них еще большее изобилие, чем в наших полковых лавочках. Прямо коммунизм какой-то! О продуктах я уже говорил, но всякая бытовая техника, за которой гонялись и записывались в безумные очереди наши граждане, — телевизоры, холодильники, пылесосы, наконец, мебель, приличная одежда и обувь, причем многое из импорта, — все это стояло свободно, никаких очередей, никакого ажиотажа.

Да, еще были обозначены кинотеатр «Родина» и ресторан «Байкал». В первом я почему-то не был ни разу, во второй мне, натурально, не было ходу как солдату. А вот театр городской составлял для меня потеху особого рода. Да, это был самый настоящий профессиональный театр с режиссером, с актерами и всем прочим, что полагается в профессиональном театре. В том числе с очень приличным буфетом. В городе, население которого составляло немногим более ста тысяч человек, для того чтобы заманить публику, они давали по две премьеры в месяц. Как правило, и в постановочном плане, и в актерском исполнении это была ужасающая халтура, хотя в труппе числились два заслуженных артиста почему-то Якутской АССР и один народный из Молдавии. Это был театр, который никуда десятилетиями не выезжал на гастроли и который, конечно же, не посещали никакие труппы из других городов Союза, включая совсем рядом расположенный Красноярск. Они варились в собственном соку и потому застряли на уровне художественной самодеятельности конца сороковых годов. Преувеличенно аффектированные жесты, форсированные голоса... Жуткая ненатуральность. Из этого города никто и никогда десятилетиями не выезжал в отпуска. Поэтому, получив в качестве отпускных двойные и тройные, сумасшедшие по размерам оклады, они сидели в городе и пили и ели, ели и пили.

Подшофе актеры являлись и на спектакли, естественно, им не мог помочь и сидевший в своей будке пьяный в стельку суфлер. И вот в полупустом зале я, заняв место в середине первого ряда и положив на колени том Островского, с наслаждением и достаточно громко подавал им реплики в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», которые они тут же подхватывали, бросая в мою сторону благодарные взгляды. Кстати, и сидевшая за моей спиной публика воспринимала все это как норму: ну помогает солдат артистам, что ж тут плохого? И режиссер Павел Маркович, человек неопределенного возраста, в пиджаке, густо обсыпанном перхотью, и с какой-то полусожженной бородой, выдыхая густые коньячные пары, говорил, что взял бы меня в театр своим помощником. Но я несколько забежал вперед... Пора вернуться к моей недолгой — увы! — службе в «двадцатке».

...Пролетело несколько занятий по технике безопасности на лесоповале и обращению с бензопилой «Дружба», и вот я уже переведен в часть, именуемую в просторечии «двадцаткой», а там определен в бригаду Васи Сверчкова, состоявшую наполовину из старослужащих, наполовину из молодняка. Работа была непыльная — валить тайгу. Стволы отменного кедрача и пихты доставляли на деревообделочный комбинат, где трудилась большая часть состава «двадцатки». Нас вывозили на грузовиках в половине восьмого утра километров за десять от части, в час дня на заимку доставляли горячий обед в котлах, в пять везли обратно. Точно такой же распорядок был в располагавшемся в ста метрах от территории нашей части лагере для заключенных. Вся разница была в том, что у них черные бушлаты, у нас — зеленые. Не зря, наверное, они приветственно махали нам и кричали: «Привет, коллеги!» Правда, ехали они на работы в сопровождении «краснопогонников» из внутренних войск, а мы вроде как вольные...

На политчасе капитан Цедриченко, ротный замполит, посоветовал не обращать внимания на эти «оскорбительные для советского солдата» крики и четко объяснил разницу в нашем положении:

— Эти... они же, понимаете, ну отбросы общества, осужденные... А вам родина тут такое дело доверила! Такое дело!

Но напрасно я напрягся в ту минуту. Ничего конкретного Цедриченко насчет «такого дела» не рассказал, и, может, оттого я разочарованно брякнул:

— Да вроде одно дело — лес валить.

— Одно, да не одно! — жестко отрезал замполит.

В первый же таежный выезд я сказал Сверчкову, что работать не буду, повергнув бригадира в невероятное изумление.

— Ты что, студент, ты в своем уме? А может, ты баптист какой? Но ты ж присягу давал, карабин брал в руки?! А тут никакого оружия — только бензопила!

Младший сержант Сверчков был незлой, вообще, добродушный парень откуда-то с Кубани. Он искренне пытался понять, в чем дело, предлагал пойти на обрубку сучьев и погрузку стволов на тягачи — это считалось более легкими работами. Но вскоре убедился, что я почти «в полном отказе».

— Так это ж тюряга, студент, на хрена тебе это? — кипятился он. — Теперь даже у уголовников, соседей наших, полного отказа нет! И урки работают, и «суки»...

Но он не донес начальству, наверное, надеялся, что я скоро одумаюсь. Впрочем, иногда я брался и за бензопилу, и сучья обрубал. И это не совесть во мне говорила, просто было холодно, а работа согревала. В душе же моей продолжала кипеть ненависть к власти, сломавшей мою жизнь, сорвавшей меня с учебы накануне окончания университета. Почему я, двадцатитрехлетний четверокурсник университета, отпахавший два года фрезеровщиком на заводе, должен был валить тайгу вместе с восемнадцатилетними пацанами? И через три года, в двадцать шесть лет, снова идти на четвертый курс университета, чтобы закончить его в двадцать восемь лет? В то время как мои отмазавшиеся от армии однокурсники (тот же сынок известного скульптора и брат собкора Всесоюзного радио) получат дипломы на три года раньше. Эти цифры бесили меня еще и потому, что через два месяца после призыва вышел указ Президиума Верховного Совета СССР не брать студентов даже тех вузов, где не было военной кафедры, в армию до окончания учебы. Всего два месяца, так не повезло! Но что толку было рассказывать об этих моих настроениях Сверчкову? Вечерами вокруг его койки толпились бригадники, шел подсчет выработки, кубометры умножали на рубли, вычитали, делили, и в конце Вася объявлял сумму чистого заработка за день. Самое ужасное для меня было в том, что заработок был общий, бригадный и делился поровну на всех, следовательно, была и моя доля. На мое заявление о том, что, как только накопится некая сумма на лицевом счету, я сниму ее и передам Сверчкову, бригадир только обреченно махнул рукой.

— Не успеешь разбогатеть, студент. Не я, так другие доложат, и пойдешь под спецсуд.

Между тем у меня невольно образовалось свое место в бригаде — некоего просветителя, что ли. Очень скоро я обнаружил, что от нашей заимки до Терентьевки — места, где нас выгружали после привоза из Красноярска, всего пять километров. И что Терентьевка — это не только железнодорожная станция, но и довольно большая деревня. А в ней неплохая библиотека, которой заведует симпатичная молодая сибирячка Валя. Не знаю, какими путями, но в эту деревенскую библиотеку попали старые, дореволюционные издания — собрания сочинений Чехова, Гоголя из приложений к «Ниве», отдельные тома словаря Брокгауза и Ефрона, комплекты журнала Сойкина «Природа и люди» и прочие библиографические неожиданности. Для меня, страстного книгочея, это был, безусловно, удивительный подарок судьбы. А рядом с библиотекой находился продовольственный магазин, в котором продавалась настоящая диковинка для студента из Беларуси — питьевой спирт, 96 градусов, пять рублей и пятьдесят копеек за поллитра. Естественно, солдату такой товар не продавали, не положено, но Валя, добрая душа, выручала. И вот, нагрузившись несколькими бутылками спирта и захватив очередной тяжеленный, с золотым обрезом, том из брокгаузовской серии «Библиотека великих писателей», я спешил к своим тяжело трудившимся товарищам. В обед Сверчков строго следил, чтобы никто не напивался, а я читал вслух Шиллера. Особый успех имели «Разбойники». Сверчков одобрял Карла Моора:

— Имел право убить! Потому что довели человека!

Из ротного начальства к нам никто на заимку не приезжал, а граждан-

БГ Для служебного пользования

Ежемесячное приложение к «Белорусской деловой газете»

N7 7.08.2002 года

Главный редактор **Светлана Калинкина**

Газета зарегистрирована в Министерстве информации, регистрационное свидетельство NN1758 от 21.03.2002г. Редакция может опубликовать материалы, отражающие только мнение авторов, в порядке обсуждения. Перепечатка со ссылкой на «БДГ. Для служебного пользования». Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений и за ошибки в них.

Подписные индексы ДСП:

индивидуальная подписка **63568**

ведомственная подписка **635682**

Генеральный менеджер издательства «БДГ» **Петр Марцев**

Учредитель и издатель **Издательское частное унитарное предприятие «Марат»**

Отпечатано с диапозитивов заказчика на полиграфическом РУП «Красная звезда», 220073, г. Минск, 1-й Загородный переулок, 3.

Материалы, помеченные знаком ▤ печатаются на правах рекламы.

Тираж 25500

Заказ 2078

Подписано в печать 3.07.2002г. в 17.00

Выходит 1 раз в месяц

Размещение рекламы: тел/факс (017) 216-25-87, 216-25-88,285-08-93,285-08-94. **Отдел распространения:** тел/факс (017) 226-87-99, 222-27-20. **Адрес редакции:** 220039,Минск,ул.Чкалова,12,4-й этаж. **Телефоны редакции:** 216-25-85, 285-08-92, 224-95-70, 216-25-84